Сборник воспоминаний

Страницы ПАМЯТИ

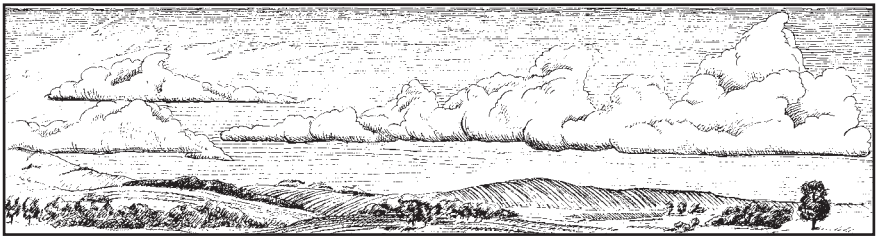
Сборник воспоминаний

Страницы ПАМЯТИ

Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
2017

Страницы памяти
Сборник воспоминаний

2017 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит



С каждым годом и с каждым днём всё ближе и ближе к нам берега нашей вечной родины. Многие уже достигли цели и блаженствуют, ожидая и нас, людей последнего века. Как они жили, как удостоились блаженства, которое принадлежит лишь «умирающим в Господе»,— надо знать и нам, чтобы подражать их вере и так же мужественно преодолевать земные неустройства, претерпевать гонения, оказывая верность Богу и Его заветам.

Мы пока ещё в пути, и каждый по-своему справляется с выпавшими на его долю трудностями. Все христиане знают, где находится источник, дающий силу и мудрость жить свято в развращённом роде. Но не все прибегают к этому источнику. Уступая плоти, многие охладевают в любви к Богу и прозябают в этой жизни, не имея силы побеждать, тогда как только побеждающие наследуют то, что приготовил Господь любящим Его.

В данной книге речь пойдёт о той цене, которую платили христиане за свою верность Богу. Простодушные и неопытные, они шли по жизни, порой спотыкаясь и падая, но никогда не отводя глаз от Того, в Ком помощь и сила, в Ком свет и мудрость. И Он не оставлял их в горе и нужде. Изнемогая от жизненных ран, страдальцы за веру ни на миг не сомневались в Его любви, верили в Его могущество и власть, хотя и терпели голод и холод, были презираемы и гонимы.

Задача настоящего сборника воспоминаний — показать современному читателю, в каких условиях зрела и укреплялась вера отцов, как они хранили верность Богу невзирая на нужду и страдания. Пусть сегодняшнее благополучие не покроет плесенью нашу веру, не надломит её крылья, чтобы не страдала наша живая связь с живым Богом.

Как и наши отцы, мы сегодня тоже нуждаемся в Божьем водительстве, в Его охране и защите. К сожалению, не все чувствуют коварный ветер последнего времени, от которого угасает живая вера. Это время обманчиво. Недолог путь, и все мы вот-вот приблизимся к вратам Отчизны. Откроется ли нам свободный вход в Небесный Иерусалим? Войдут ли с нами наши дети? Об этом стоит задуматься.

Зузанна Шрейдер

В НАДЁЖНЫХ РУКАХ

В Твоей руке дни мои...
Пс. 30, 16

Начало скитаний

История эта — повествование о моей жизни, в которой ясные солнечные дни чередовались с бурями, грозами и сносившими всё на своём пути ураганами, а большие радости иногда сменялись чёрным беспросветным горем. Это повествование о дивной Божьей любви, о Его великой милости и долготерпении.

Родилась я в 1924 году на севере Казахстана, в селе Константиновка Павлодарской области, в семье Якова и Зары Шрейдер. Родители назвали меня Зузанной. Я родилась второй по счёту после моей сестры Зары, которая появилась на свет на три года раньше. Спустя год после меня, в феврале 1926 года, родилась сестрёнка Лена, а летом 1928 года — братишка Яша.

Родители наши были богобоязненными людьми. Отец был баптистом, а мать до замужества посещала общину церковных меннонитов. После брака она стала ходить к баптистам вместе с отцом.

О раннем детстве у меня сохранились самые тёплые воспоминания. Родители любили нас, и нам жилось вполне счастливо. Мы охотно посещали собрания верующих — в деревне был большой молитвенный дом.

В моих детских воспоминаниях многое связано с нашей

бабушкой — матерью отца. Она жила с нами и посвящала внукам почти всё своё время. Очень хорошо помню, как она собирала нас вокруг себя и мы часами слушали удивительные истории из жизни разных библейских героев, а заодно и из её собственной.

В 1931 году мы переехали из Константиновки в Щербакты. Отец устроился бухгалтером на мельнице, мать стала подрабатывать портнихой. Но поскольку даже их совместного заработка нам едва хватало на жизнь, да и условия, в которых мы жили, оставляли желать лучшего, то через год мы ещё раз переехали, теперь уже в Алтайский край, в посёлок Алейск. Там отца приняли бухгалтером на элеватор, а мать, как всегда, устроилась портнихой.

В Алейске нам жить стало легче. Отцу дали хорошее жалованье, выделили неплохой дом. Моя старшая сестра пошла там в третий класс. Меня отец не пустил в школу из-за моего маленького роста, потому что надо было идти далеко. Будучи грамотным человеком, он сам занялся моим образованием, и я довольно быстро научилась читать, писать и считать. Но не только этим я обязана отцу. Главное, что он сделал,— это привил мне любовь к знаниям. Я мечтала стать такой же образованной и эрудированной, как он.

В марте 1933 года нас постигло большое горе: наша мамочка умерла спустя месяц после того, как на свет появилась ещё одна сестрёнка — Эльза. Отцу с грудным ребёнком на руках не под силу было содержать семью, и он решил отвезти Эльзу в Барнаул к маминой сестре. Сам он вернулся с детьми в родную Константиновку. Мы жили у родственников, в разных семьях, пока отец не нашёл работу и жильё. Он устроился счетоводом в Борисовке, перевёз нас туда и нанял для нас няню — Еву Ведель. Она оказалась очень доброй и сразу покорила наши детские сердечки, тоскующие по материнской любви и ласке. Осенью того же года она стала нашей мамой.

Мне было уже почти девять лет, когда я наконец пошла в первый класс. Школа находилась в трёх километрах от деревни, в селении Ольгино, и для такой маленькой девочки, как я, ходить туда было непросто. Осенью я с горем попо-

лам преодолевала это расстояние, а на зиму осталась жить в Ольгино, у бабушки Марии — матери нашей новой мамы.

В следующем году мы переехали ещё раз, и снова в Константиновку. Такая уж, видно, была наша доля: куда бы ни забрасывала нас судьба, мы всегда возвращались в Константиновку. На этот раз осели надолго.

По приезду Зара учиться больше не захотела и решила работать с мамой Евой в колхозе. Я пошла во второй класс. Учёбу я любила, она давалась мне легко, и отец был доволен.

В 1935 году в нашей семье появился Андрюша. Теперь нас стало шестеро. Чтобы обеспечить растущую семью необходимым, отец устроился бухгалтером в районном селе Успенка. Домой приезжал только на выходные, поскольку добираться нужно было целых восемнадцать километров. Отец с матерью очень хотели, чтобы наше детство было безбедным, но избежать нужды им всё же не удавалось.

То было нелёгкое время. Трудность заключалась не столько в том, что не хватало еды и одежды, сколько в том, что

В 1935 году в нашей семье появился Андрюша.

людей лишили самого главного и ценного — веры.

С верой в Бога боролись открыто. Молитвенные дома переделывали в магазины, кинотеатры и всевозможные склады. Друг другу люди тоже не верили. Тотальная слежка и повальные обыски рождали предательства и доносы.

Однако мы в то тяжёлое время были детьми и, хотя многое видели, не всё понимали и не всему придавали значение. На то оно и детство, чтобы считаться беззаботной и радостной порой. А что нужно детям для счастья — были бы дома отец с матерью да на столе вкусная еда!

Мы очень любили дни, когда отец приезжал домой. Для нас это был праздник. К этому дню всё вымывалось, вычищалось и непременно варилось что-нибудь вкусное.

Так было и 30 октября 1937 года. Отец приехал домой на велосипеде. Мы бросились его встречать. В доме царило приподнятое настроение.

Воскресенье мы провели вместе — читали Библию, молились, пели, потом по-праздничному обедали, слушая отца и рассказывая ему свои детские приключения.

В понедельник рано утром отец попрощался с нами и уехал на работу. Не знали мы, что прощаемся навсегда.

В тот день мы, как обычно, пошли в школу. После уроков я немного задержалась — мы с учителем закончили рисовать большую географическую карту для школы и хотели повесить её на стену. Она получилась очень красивой, и мы радовались от всей души.

Неожиданно в класс влетела моя подруга и выпалила:

— Ты тут веселишься, а твой отец в тюрьме сидит!

Это известие прогремело, словно разрыв бомбы. Я вначале остолбенела, а потом схватила пальто и помчалась домой.

На улице царил октябрь. Он безжалостно задувал холодом в рукава и за шиворот, кидал из стороны в сторону сорванные с деревьев жёлтые и серые листья. Дома, дорогу, заборы и деревья он старательно покрасил в серый цвет. Всё вокруг готовилось к зиме. В моей душе тоже вдруг стало очень холодно и серо. Я почувствовала себя тем отжившим листочком, который октябрь сорвал с дерева и кружил теперь в воздухе, не зная, куда бросить.

Постепенно я начала понимать, какая беда вторглась в нашу семью. Мать осталась одна с шестью детьми на руках и в ожидании седьмого. В это время ей как никогда нужна была поддержка мужа, но его у неё отняли. А у нас отняли отца.

С тех пор, сколько мама ни хлопотала, ей так и не удалось получить об отце каких-либо известий. Мы знали только, что его арестовали на рабочем месте и увезли в Павлодар.

Мы много лет ждали отца. Лишь в начале девяностых годов, спустя полтора десятка лет после смерти матери, пришло извещение о том, что Яков Шрейдер был расстрелян 31 декабря 1937 года.

С арестом отца рухнули мои радужные мечты и планы. Мне очень хотелось выучиться на бухгалтера и в будущем занять место отца. Я прилагала к учёбе все старания и силы, и у меня неплохо получалось. Отец тоже хотел, чтобы я была грамотной, но когда его забрали, мне казалось, что мы не выживем. Нам было очень трудно, и мы каждый день ощущали, что отца нет.

В 1938 году я закончила начальную школу. В пятый класс пришлось идти уже в другую деревню — в Равнополь. Это тоже было далековато, и зимой меня поселили в общежитие рядом со школой.

Пятый класс оказался для меня трудным. Четыре года мы учились на немецком языке, а теперь всё было на русском. Русским мы владели плохо. Однако моё прилежание увенчалось успехом, и к концу года я вновь стала отличницей.

На летних каникулах я работала в колхозе, стараясь как можно больше помочь матери. Духовная жизнь в нашей семье постепенно замирала. Богослужений давно уже не было, Библию никто не читал, хотя мать тщательно хранила её, спрятав на дно сундука. Мы не отвергали Бога, верили, что Он есть, но не служили Ему, не соблюдали Его заповеди.

В школе я всегда была пионеркой и активной участницей всех праздников и мероприятий. Меня уважали как отличницу и активистку. Семилетку я закончила отлично и на выпускном вечере сидела на возвышенности рядом с учителями.

По окончании школы я никуда не успела поступить на учёбу, потому что началась война. Работала в колхозе до ноября 1942 года, пока не пришла повестка в трудармию. Как и многих (почти всех) девушек и женщин нашей деревни, меня увезли далеко от дома. Эту полосу жизни вспоминать очень тяжело. То было жуткое время...

Катастрофа

Шквальным ветром, сносящим всё на своём пути, ворвалась в мою жизнь трудармия. Мужчин и парней забрали раньше, теперь настал черёд женщин и девушек.

Рано утром 22 ноября 1942 года мы сложили свои вещи на телегу, а сами пошли пешком. До Равнополя нас провожали родственники. Потом мы попрощались, сели на телегу и поехали вначале в Успенку, затем в Таволжан.

В Таволжане собрались трудармейцы со всего Успенского района. Там мы переночевали, и утром нас погрузили в так называемые телячьи вагоны с двухъярусными полками.

Подъезжая к станции Щербакты, мы услышали душераздирающий крик и плач детей и матерей. Жутко было слышать эти вопли и видеть беспросветное и безнадёжное людское горе. Женщин отправляли в трудармию, и ни взрослые, ни дети не могли с этим смириться.

В Омске нас выгрузили из вагонов и повели в баню, где прожарили одежду и хоть ненадолго избавили от ненавистных вшей.

Третьего декабря, как раз в день моего восемнадцатилетия, мы прибыли на станцию Бугуруслан Оренбургской области. Нас было около восьми тысяч человек — полных пятьдесят два вагона!

Неподалёку от станции нам приготовили место для жилья. В прошлом это был лагерь для заключённых, но их перевели в другое место. На территории лагеря было выкопано около тридцати землянок-бараков, окна которых находились на уровне земли. Над окнами сразу же начиналась крыша — некое сооружение, покрытое дёрном или просто землёй. Об электричестве не могло идти и речи. Из удобств в землянке

была печь, правда, её из каких-то соображений не топили.

В нашу землянку поселили около ста человек. Нет, она не была настолько большой, чтобы в ней все поместились. Мы ложились спать так тесно, что если кто-то хотел повернуться на другой бок, то приходилось поворачиваться всем. Спали прямо на земле, посыпанной какой-то трухой, которую называли соломой. Спальные места находились по бокам землянки, а посередине был вырыт проход, в который с улицы спускались по ступенькам, чтобы, передвигаясь по землянке, не задевать головой потолок.

Ни одеял, ни матрасов, ни постельного белья не было и в помине. Спали в пальто и валенках. За всю зиму мы ни разу не просушили валенки, не сменили свою одежду...

Мне, Заре и Лене досталось место у самой двери. С одной стороны, это было неплохо — всегда свежий воздух, да и выход недалеко. Но в зимнее время, когда свежего воздуха становилось более чем достаточно и когда из дыры в стене нас стало припорашивать снегом, мы уже не так радовались своему месту.

Ещё одна трудность заключалась в отсутствии туалетов. Уборной служила любая растительность подходящей высоты. Зимой всё это осложнялось тем, что не было зелени.

По весне территорию лагеря приходилось очищать от скопившейся грязи. И не только от грязи. То тут, то там тающий снег обнажал тела людей, не вынесших тягот лагерной жизни. Их или не успели похоронить, или плохо закопали. Люди умирали ежедневно, умирали группами и по одиночке. Умирали от голода и от тифа, который разразился по причине того же голода. Смерть была делом обыденным. Каждый день умерших собирали на телегу и увозили на кладбище.

Весной нас стали кормить крапивной похлёбкой. Она состояла в основном из воды, которой крапива придавала зеленовато-бурый цвет, неприятную консистенцию и отвратительный вкус, а ещё из нескольких крупинок какой-нибудь крупы, которые одиноко плавали в этой жиже. Полагался нам также кусочек хлеба, но его выдавали по талонам в магазине. Продавец обслуживал в первую очередь своих — русских и евреев, а немцам далеко не всегда доставался хлеб.

Мы иногда по пять дней не могли получить свою пайку. Талоны же были действительны только один день. Если сегодня получить хлеб не удалось, то завтра на вчерашний талон ничего не дадут. Поэтому основной пищей у нас долгое время оставалась баланда, которая порой не доходила до желудка: проглотив её, мы нередко бежали в кусты, чтобы освободиться от этой неприятной жидкости.

И всё же так было не всегда. Со временем стало немного легче. Зару и Лену послали на работу в овощехранилище. Летом они трудились на полях, и им иногда давали что-то из овощей. Таким образом мы выживали. Мы научились даже экономить хлеб. Продав его, покупали себе что-нибудь из одежды. Позже выяснилось, что за работу нам полагалась плата, но мы об этом и не подозревали.

Каждые десять дней нас водили в баню. Четыре километра мы шли пешком, всегда ночью. Выдавали нам мизерный кусочек мыла, которого едва хватало, чтобы помыться. Пока мы мылись, нашу одежду прожаривали, причём настолько добросовестно, что она становилась жёлтой и быстро превращалась в лохмотья. Тем не менее против прожарки никто не возражал, поскольку она хоть на короткое время спасала от вшей.

Вначале я работала в гараже, в котором ремонтировали технику, прибывавшую с фронта. Наш бригадир был добрый, и для тех, кто хорошо работал, у него в кармане всегда находился сухарик или сушка. Эти, казалось бы, мелочи спасали меня от голодной смерти. Вернее, спасал Бог по Своей великой милости и, как мне думается, по молитвам бабушки, потому что наша вера на тот момент не то что ослабела — умерла.

Грузчиком я работала несколько месяцев. В Бугуруслане добывали нефть, и мы должны были закачивать её в железные бочки и, вдвоём с одной девушкой, грузить в машину. Эти бочки развозили по заводам, и нам приходилось ездить в открытом кузове грузового автомобиля. Было очень холодно. Зара и Лена зимой часто болели и оставались в бараке. В такие дни я надевала их одежду, и мне было теплее.

Весной меня перевели в цех уборщицей. Я несказанно обрадовалась и от всей души благодарила за это Бога. Нако-

нец я попала в тепло и работа не такая тяжёлая!

Начальником цеха был хороший человек. Он страдал желудком и не всё мог есть. А начальство получало хорошие обеды. Я приносила ему пищу из столовой в кабинет. Он ел только то, что ему было можно, остальное отдавал мне. Конечно, я не могла съедать всё сама и всегда делилась полученным со своими сёстрами. Начальник уважал меня за то, что я содержала его кабинет в идеальном порядке, всегда работала с радостью и никогда не увиливала ни от какого дела. Мне хотелось послужить начальнику, словно своему отцу, который тоже часто болел и нуждался в помощи.

Так я проработала уборщицей до 13 августа 1943 года. Этот день можно по праву назвать самым тяжёлым в моей жизни.

С утра ничего, как говорят, не предвещало беды. Я пришла на работу радостная и довольная. Станки не работали из-за какой-то поломки.

Ближе к обеду в цех зашёл начальник:

— Ребята, давайте занесём токарный станок, пока починят генератор!

Этот станок уже не один день стоял на улице и ждал своего часа. У него было всего три ноги — одна сломалась во время транспортировки из Баку. Под этот станок в цехе залили фундамент, осталось только затащить его и установить.

Все вышли на улицу, и я тоже. Пока станок перетаскивали и устанавливали, наступило время обеда. Пришла кассир и раздала токарям талончики, по которым они обедали в столовой. Они тоже были трудармейцами. Им талоны давали, а мне почему-то не давали.

Когда основная масса рабочих отправилась на обед, я решила почистить станок от пыли и песка. В это время подошёл слесарь. Он хотел подставить под станок железку, вместо сломанной ноги, и приварить её. Поняв это, я решила не мешать, повернулась к окну и стала смотреть на улицу.

Через какое-то мгновение я почувствовала толчок и сильнейшую боль — меня придавило станком!

— Господи, спаси меня! — только и успела выдохнуть я, теряя сознание.

Благо, что совсем близко стоял другой токарный станок и упавший упёрся в него. Иначе этот полторатонник раздавил бы меня в лепёшку.

В считанные секунды к станку подбежали несколько мужчин. Они старались высвободить меня, поставив станок на место, но у них не хватило силы. Трёхногий выскользнул из рук и снова придавил меня...

Наконец сбежались люди, подняли станок и вынесли меня во двор. Я лежала окровавленная и не подавала признаков жизни. Несколько раз меня обливали холодной водой, однако чувства ко мне не возвращались.

— Зуза! Неужели ты умрёшь?! — заревел мужской голос прямо у моего уха.

Я услышала этот вопрос, но отреагировать не смогла, глаза не открывались. Наконец кто-то набрал ведро холодной воды и плеснул мне прямо в лицо. Я испугалась и открыла глаза.

Мне казалось, что я лежу в огне. Держать глаза открытыми было выше моих сил, потому что лицо сильно распухло.

Подъехала грузовая машина. Меня положили на сиденье, снятое в кабине, и подняли в кузов грузовика. Совершенно незнакомая женщина держала мою голову на своих коленях и время от времени вливала мне в рот по глотку воды.

Меня повезли в городскую больницу. Машина ехала очень медленно — водитель старался объезжать все кочки и ухабы.

— Ноги! Мои ноги! — стонала я, не в силах терпеть жгучую боль, пронизывающую несчастное тело.

Как только машина отъехала от гаража, нас догнала Зара, а потом и Лена. Без особых раздумий они на ходу запрыгнули в кузов, не желая оставлять меня в беде.

В больницу меня понесли на носилках. Я с трудом верила происходящему: неужели несут меня? Час назад я была совершенно здоровой и радостной, и вдруг не могу двинуть ни рукой, ни ногой, вдруг меня несут словно какую-то вещь! О нет! Зачем мне такие мучения?! Зачем жить, если не можешь ходить?! Я была в отчаянии.

В приёмном отделении меня стали раздевать, но это оказалось невозможным. Ни руки, ни ноги меня не слуша-

лись, и малейшее движение причиняло ужасную боль. Сочувствуя мне, Зара без труда разорвала мои лохмотья и после врачебного осмотра бережно надела на меня больничную рубаху.

Меня отнесли в палату, где стояла только одна койка. Не в силах терпеть боль, я часто впадала в беспамятство. Ни Заре, ни Лене не разрешили сидеть возле меня. Они прильнули к окну с улицы и долго наблюдали за мной — дышу я или нет. Никто не верил, что я останусь в живых.

Только когда стемнело, сёстры с тяжёлым сердцем вернулись в барак. А ко мне пришёл врач. Ещё раз осмотрев меня, он назначил два укола и компресс на ушибленные места.

Всю ночь я стонала от боли и совсем не могла пошевелиться. О, кто бы облегчил мои страдания хотя на немного?!

На следующий день после обеда пришла Зара.

— Ты лежишь в том же положении, что и вчера?! — в её глазах стоял ужас.

— Не могу пошевелиться... ни ноги, ни руки не слушаются,— заплакала я. — Почему я не умерла сразу? Зачем жить в таких муках?!

— Не говори так, родная,— утешала меня Зара. — Бог помилует, поднимешься. Потерпи немного...

В её голосе не чувствовалось уверенности.

— Зара, останься со мной, помоги мне,— стала я упрашивать сестру. — Я не переживу ещё одну ночь, я умру от боли...

Зара пошла к врачам и попросила разрешения поухаживать за мной. Ей разрешили. Тогда она побежала на работу и отпросилась у начальника. Он тоже разрешил и даже позволил быть возле меня, сколько потребуется.

Зара ухаживала за мной целых три месяца. Первое время ей было очень тяжело. Каждые пять минут приходилось переворачивать меня с одного бока на другой. От нестерпимой боли я не находила себе места. Невозможно выразить словами то, что происходило в моём изуродованном теле.

Снаружи раны постепенно зажили, кровоподтёки с лица ушли, но боль в спине казалась бесконечной и не затихала ни на минуту. Чтобы не кричать, я кусала себе губы,

зажимала рот руками, когда они начали двигаться, а порой давала себе волю и до дыр царапала пальцами стены.

Больше месяца у меня держалась высокая температура. Каждый день мы с Зарой и Леной безутешно плакали, чувствуя себя одинокими и всеми забытыми в глухом краю. Прибегнуть за помощью к Богу нам не приходило в голову. Он был для нас чужим, хотя иногда мы и пытались молиться, не имея ни веры, ни надежды на то, что Господь нас слышит.

Лечащий врач не любил немцев и почти ничего не предпринимал, чтобы облегчить мои страдания. Обезболивающих препаратов мне почти не давали.

Зара ухаживала за мной как могла. Она ещё успевала помогать другим больным и таким образом немного зарабатывала.

Лишь через месяц мой организм начал постепенно справляться с недугом и побеждать. Температура спала, боли значительно ослабли, однако ноги оставались неподвижными.

Через три месяца, как раз в день моего рождения, меня выписали из больницы. В девятнадцать лет я оказалась совершенно беспомощной, прикованной к постели. Как пережить такое горе?! Как быть дальше? Кому нужна калека?!

Советской трудармии калеки были не нужны, и решением медицинской комиссии меня освободили от работ,— можно сказать, списали. Но чтобы добиться отправки домой, пришлось ещё очень много хлопотать. Огромное спасибо моим сёстрам, что они взяли все эти хлопоты на себя. А я тем временем лежала в землянке и дрожала не только от холода, но и от наполнявшего меня чувства беспомощности и безысходности: «Зачем мне жить? От меня нет никакой пользы! Более того, я постоянно буду для кого-то бременем...»

Целыми днями я лежала одна со своими горькими мыслями, точившими моё сознание, словно выводок моли старую шаль.

Так продолжалось до самого Рождества. Наконец, всё было готово: деньги на проезд выхлопотаны, билеты куплены, вещи собраны. Единственный документ, который я получила,— это справка о том, что мне выдали тёплые бурки, фуфайку, две простыни, немного продуктов на дорогу и хлеба.

В день Рождества Христова, в канун моего отъезда, друзья устроили проводы. Все пытались меня как-то утешить и подбодрить. Эти попытки были приятны мне, но цели они не достигали. Под конец кто-то предложил спеть. Запели на немецком одну из народных песен, в которой выражалась тоска по дому и родине. От неё повеяло чем-то приятным, родным и забытым. Я не понимала, отчего стало хорошо на душе, тем не менее немного успокоилась. Правда, это было очень зыбкое успокоение.

Лишь спустя годы я поняла, что утешиться в то время можно было только Господом. Однако Бог казался мне недосягаемо далёким. Ни в коем случае я не поверила бы, что Он любит меня и что Его любовь может выражаться в таких невероятных обстоятельствах.

Рано утром 26 декабря мы отправились в путь. Меня понесли на станцию на носилках. Для измождённых девушек это было нелёгкое дело. И всё же они не оставили меня в беде и с большими усилиями загрузили в вагон. Я просто сгорала от тревог.

Насколько было бы легче, если бы поезд привёз нас прямо в Павлодар! Но такой возможности совершенно не было, и нам с Зарой пришлось делать две пересадки — в Челябинске и Татарске.

Милосердный Бог не оставил нас одних. Нам повсюду встречались добрые люди, желающие оказать помощь.

В нашем вагоне ехала очень слабая пожилая женщина — тётя Роза. Её тоже отпустили из трудармии, потому что она совсем не могла работать. Как и мы, тётя Роза ехала до Павлодара и немного помогала нам при пересадках.

И в Челябинске, и в Татарске всех пассажиров гоняли в баню на прожарку одежды. Я никак не могла туда добраться и сидела на вещах, а Зара и тётя Роза должны были пройти эту процедуру обязательно, иначе в поезд не пускали.

Через пять дней мы прибыли в Павлодар. Тётя Роза пошла искать попутчиков, чтобы добраться в свой колхоз. Зара оставила меня на платформе возле багажного отделения и отправилась к знакомым казахам узнать, можно ли у них побыть, пока за нами приедут из деревни.

Мне было страшно одной. Начало темнеть, где-то вдалеке завыли волки. Люди проходили мимо лишь изредка. Я сидела на мешке, а чемодан был у меня под спиной. Дрожа от холода и от страха, я долго всматривалась в темноту, пока не увидела Зару. Какая радость!

Казахи приняли нас великодушно. Они запрягли свою корову, положили меня в телегу и привезли к себе. Мы попили горячего чаю, поели шурпы и легли отдыхать. Всю дорогу мы почти не спали, и теперь радовались тишине и покою.

Девять суток я пролежала на полу в доме у наших знакомых. Дядя никак не мог добраться до города, чтобы нас забрать. Два раза ему пришлось гнать лошадей обратно, потому что у них не хватало сил тащить сани.

Лишь с третьей попытки дядя добрался до Павлодара. Поздно вечером он приехал, и едва лошади отдохнули — рано утром мы уже отправились в путь. В Богдановке вынуждены были остановиться и переночевать, потому что лошади не выдерживали нагрузки. Как и люди, они слабели от недоедания.

Дома нас встретили младшие братья и сёстры. Они жили в страшной нищете. Я сразу заметила, что они радовались не столько встрече с нами, сколько хлебу, который мы привезли в гостинец! Ничего съестного у них не было...

Снова дома

Больно вспоминать, в какой нищете мы нашли своих братьев и сестёр. Очень рано они лишились отца и матери, которую забрали в трудармию практически сразу после нас. Дети остались одни, причём старшему из них, Яше, исполнилось всего четырнадцать лет. Их спасением был приезд маминой тёти — бабушки Ани. Богобоязненная старушка заботилась не только о том, чтобы чем-то накормить детей,— она рассказывала им о Боге, учила молиться.

Уезжая, бабушка Аня оставила мне Библию. Это был очень дорогой подарок. Редко кто имел тогда Священное Писание. Я это знала, но сама книга не представляла для

меня большой ценности. Бабушка сказала, что моё утешение находится в Библии. Я этому не верила, считая, что для меня уже никогда не зажжётся лучик надежды и счастья.

«Мне всего девятнадцать, а я уже калека, никому не нужная обуза...» — думала я.

Зару отпустили из трудармии всего на месяц, но она никак не могла бросить семью в таком бедственном положении. Она пошла за советом к знакомому начальнику, и он оставил её в колхозе комбайнёркой. Для нас это было огромной помощью и даже спасением от голода. В тот же год, летом, Зара смогла купить корову в надежде, что она будет нашей кормилицей.

В феврале, через месяц после моего возвращения, к нам приехала бабушка из Ольгино. Увидев моё бедственное положение, она решила забрать меня к себе. Так 9 февраля 1944 года меня перевезли в Ольгино, и я жила там целый год, пока не вернулась домой наша мать.

Вместе со мной бабушка забрала к себе и Марию, самую младшую сестрёнку. Ей уже исполнилось шесть лет, и она могла помогать бабушке, которая, несмотря на преклонный возраст, должна была ещё работать: в её сарае находились колхозные куры.

Приехав домой, я сразу же стала хлопотать о том, чтобы отпустили домой нашу мать, так как за мной нужен уход. Пришлось писать много ходатайств не только в разные инстанции, но даже самому И. В. Сталину. Всё это оказалось не напрасным. В конце декабря мамочка приехала домой! Это была большая радость для всей семьи.

Однако война ещё продолжалась, жизнь оставалась трудной. К приезду матери корова совсем истощала. Она не только не давала молока, но от голода уже не могла и вставать — лежала в сарае. Мы думали, что она сдохнет, однако с приездом хозяйки всё изменилось.

Мать сразу же вызвали на работу — в колхозе не хватало доярок. Мы жили рядом с фермой, и мать стала приносить корове по охапке сена — один раз, другой. И корова постепенно ожила! Ей даже не потребовался врач.

Мать была очень работящим человеком. Несмотря на все

трудности, она могла сводить концы с концами.

По приезду домой мать через день была уже в Ольгино. Ей хотелось увидеться со мной! Мы обе плакали и от радости, и от горя. Она пообещала забрать меня, как только наведёт дома маломальский порядок.

У бабушки мне было очень хорошо. Она проявила ко мне столько любви! Она хотела вылечить меня, хотела облегчить мои страдания и основательно взялась за лечение. Каждое утро она делала мне горячую ванну с какими-то травами, а потом массажировала искалеченную спину. Массаж делала и утром и вечером. Благодаря её стараниям и пламенным молитвам, через несколько месяцев я уже могла сидеть и немного двигать ногами.

Милая бабушка! Как она старалась облегчить мою жизнь! Сколько ласки и любви проявила ко мне! В столь трудное время бабушка делала всё, чтобы я не голодала, чтобы лежала на чистой постели, чтобы мне было тепло. А топить было очень даже нелегко. Сорок третий год выдался неурожайным, и потому в домах было не только голодно, но и сильно холодно. Топились чем придётся. Кто имел корову — топили печи кизяком. По полям собирали сухую полынь, стебли подсолнечника и кукурузы. Конечно, всё это почти не давало тепла, потому жили в холоде, с нетерпением ожидая лета и надеясь хоть на какие-то перемены.

Бабушка много заботилась и о моей душе. Она часто пела мне христианские песни, говорила о Божьей любви, побуждала меня читать Библию. Она хотела, чтобы время у меня шло быстрее и я не сосредотачивалась на произошедшем со мной несчастье.

Однако обрадовать меня или утешить было совсем непросто. Библию я читала, но каменное сердце не могло воспринимать Божье слово. Я сетовала на свою судьбу, проливала горькие слёзы, порой доходя до отчаяния. Зачем мне так жить? Какая от меня польза? Была человеком, радовалась жизни, а теперь...

Я усиленно старалась не думать о прошлом, но получалось, что думала ещё больше. Да и что оставалось делать? Меня силой вырвали из общества, оторвали от жизни, бро-

сили на эту кровать, и я приросла к ней, стала с ней одним целым и теперь без неё никуда.

И всё же страшнее всего была холодная и назойливая мысль, которую я изо всех сил гнала из своей головы, но которая настойчиво возвращалась и сверлила сознание. От неё мокла и прилипала к телу рубашка, шевелились волосы на голове — это мысль, что так будет всегда. А я ведь не прожила и третьей части жизни! Едва повзрослев, я вынуждена коротать дни в одиночестве, без всякой цели и смысла.

Если бы можно было собрать все слёзы, которые я выплакала за это время, то получилось бы целое море...

— Ты снова плачешь? — ласково спросила однажды бабушка, переступив порог.

Я быстро вытерла глаза большим платком, который всегда был при мне.

— Не надо, родненькая, не плачь! Подумай, сколько есть людей, которым намного тяжелее, чем нам. Посмотри, что сегодня Господь послал тебе!

Она достала из-под фуфайки крупную морковку — чистенькую, аппетитную.

— Возьми, начальник сегодня угостил.

Я с благодарностью приняла гостинец. В доме с приходом бабушки сразу становилось веселее. Хотя Мария всегда находилась рядом, у неё не получалось утешать так, как это делала бабушка.

— Мы бодрей на жизненном пути пойдём, если будем доверять Иисусу... — запела бабушка, растапливая печь.

Она часто пела и всегда молилась в той комнате, где я лежала. Молилась шёпотом, преклонив колени возле лавки. Однажды вечером я спросила, почему она не молится вслух, мне тоже хочется слышать её молитвы. С тех пор бабушка стала молиться громче, и её слова благотворно действовали на моё бедное сердце.

В июле 1944 года я впервые целый день провела на улице. Это было незабываемое событие.

Как я радовалась! Ноги ещё не слушались меня, я не могла стоять, но бабушка сумела всё продумать, позвала родственников, и они вынесли меня во двор.

В саду пели птицы, порхали бабочки. Я радовалась даже жучкам и муравьям, снующим в траве. Как дивна и величественна созданная Богом природа! Какое тёплое и ласковое солнце!

А цветы! Как бы ни было голодно, бабушка с любовью ухаживала и за цветником, и за огородом. Она сажала всё, что только могла. Самые простые бархатцы, ромашки и маттиолы всегда украшали тропинку к крыльцу, радуя глаз.

Когда бабушка поняла, что мне можно сидеть, она стала учить меня вязать, давала разные поручения, приобщала к труду.

Однажды, раздобыв где-то цветные карандаши и несколько баночек гуаши и туши, она принесла всё это мне, счастливо улыбаясь:

— Смотри, внученька, какое сокровище! Давай подумаем, что можно сделать с этим богатством!

Как ей хотелось, чтобы я была радостной! Она делала всё для того, чтобы я могла работать, чтобы мне было удобно.

Так я начала вырезать из газет узорчатые занавески на окна, рисовать картины на стекле. Люди стали делать мне заказы, потому что им нравились мои поделки. За работу платили кто чем мог — картошкой, сметаной, маслом.

Председатель колхоза и главбух, узнав, что у меня красивый почерк, приходили со своими заказами. Я оформляла всевозможные стенды, чертила схемы, диаграммы. За всё это мне платили. Хоть немного, а всё же платили!

Осенью 1944 года из трудармии вернулся учитель и набрал себе группу первоклассников. Но никто не мог достать ни тетрадей, ни учебников. Букварь был только у учителя. Он где-то раздобыл бумажные серо-жёлтые мешки из-под цемента и попросил меня сшить из них тетради. В них я писала задания из букваря, и целую неделю дети учились по этим записям. Через неделю написанное совершенно теряло цвет, так как я писала свекольным соком. На тех же листах можно было писать задание на следующую неделю. Таким образом ученикам хватило тетрадей на весь учебный год.

У нас сохранилась швейная машинка, оставшаяся от первой матери, и я начала на ней шить. Сперва соседка при-

носила мне раскроенные вещи, и я шила для неё. Потом научилась кроить сама и многие годы шила для всей деревни.

В феврале 1945 года мать забрала меня домой. Первое время я очень скучала по бабушке, мне хотелось вернуться в Ольгино. Но жить в семье было лучше, веселее. Ведь мама Ева была дочерью нашей бабушки! Она унаследовала от неё доброе сердце, поэтому нам с ней жилось хорошо.

Конечно, матери было тяжело. Она трудилась не покладая рук. Целый день — в колхозе, вечером — дома. Уход за мной тоже требовал и времени, и сил. Я видела и чувствовала, как она меня жалеет. Она много плакала вместе со мной, делала для меня всё, что знала и могла. Ей очень хотелось, чтобы я встала и ходила.

Однажды она пришла с работы и, открыв дверь, воскликнула:

— Зуза, я думала, что сегодня ты выйдешь мне навстречу!

Но этого не случилось... Она много утешала меня, часто приносила мне цветы, иногда варила что-нибудь вкусное. Большим лакомством для меня была пара картофелин, сваренных в кожуре, или лепёшечка из настоящей муки, без примеси сухой травы или опилок.

Дома время проходило намного быстрее, чем у бабушки. Здесь всегда были люди — и мои братья и сёстры, и гости. Вечерами приходила сельская молодёжь. Ребята много пели, веселились и отвлекали меня от мрачных и тяжёлых мыслей.

Как только мать вернулась домой, Заре пришла повестка, и её снова забрали в трудармию.

Начало чудес

С ранней осени до самого лета я сидела на лавке у печи, ничего не видя, кроме четырёх стен и окна, покрытого толстым слоем льда. Меня непрестанно давила и жгла мысль, что молодость безвозвратно проходит, а исправить что-либо я не могу и помочь мне никто не в силах. Я постоянно плакала.

По утрам я обычно просыпалась грустная, потому что ночью долго не могла уснуть от мыслей о прошлом и будущем. Казалось, над всей моей жизнью нависли тяжёлые свинцовые

тучи, которым не видно ни конца ни края, и даже на горизонте никогда не блеснёт мне радость и надежда.

В праздники я чувствовала себя ещё хуже. Мне чудилось, что все люди вокруг меня — просто птички, которые только и делают, что порхают с места на место, чирикают, радуются жизни и не знают никаких забот. Одна я лежу, словно забытая кем-то вещь, и никому до меня нет дела. Хотя, конечно же, всё было совсем не так.

Меня часто посещали и родственники, и соседи. По вечерам приходила в гости молодёжь, и я всегда старалась выглядеть весёлой и разговорчивой. Но все эти вечера, как и праздники, как бы ни были веселы и интересны, заканчивались, и каждый мог идти, куда ему вздумается. Только я оставалась в своём углу, чувствуя себя совершенно несчастной.

С таким горем в душе я провела шесть лет. Шесть долгих несчастных лет. Они прошли для меня благополучно лишь благодаря моей золотой матери, которая бессчётное количество раз утешала меня, успокаивала, хотя ей и самой жилось довольно несладко.

Всё лето меня каждый день выносили на улицу...

Всё лето меня каждый день выносили на улицу, где я могла наслаждаться свежим воздухом, теплом, пением птиц. У меня всегда была какая-нибудь работа: вязать, латать или же рисовать.

Не сразу после войны, а лишь в январе 1948 года вернулась из трудармии Лена. В апреле отпустили и Зару. Завершились мытарства моих сестёр, и они снова были дома. Зара стала работать комбайнёркой, а Лена — дояркой. Вскоре Лена засобиралась замуж, но в последний момент всё расстроилось. Родители

жениха не захотели бедную невесту. Лена с трудом это перенесла, много плакала. Родив сына Митю, она смирилась со своей судьбой.

Однажды к нам в деревню приехал на похороны своей матери наш дальний родственник. Он был человек грамотный, работал большим начальником. Узнав о моём плачевном состоянии, он объяснил мне, что я получила в трудармии производственную травму и должна достать бумагу, подтверждающую этот факт. Мне ведь никаких документов тогда не дали, кроме справки о том, что отпускают меня домой и выдают кое-какие вещи на дорогу.

Родственник сказал, что эта справка никому не нужна. Надо поехать к врачу, пройти комиссию и получить инвалидность. А по инвалидности мне назначат пенсию.

Разговорами дело не закончилось. Двоюродные братья позаботились отвезти меня в Успенку. Там довольно быстро я прошла комиссию, и через короткое время мне дали инвалидность, а потом и пенсию. Она была очень маленькая, можно сказать мизерная, но всё же была!

Постепенно жизнь налаживалась. Я приловчилась ухаживать за собой — приводила себя в порядок после сна, заправляла койку и переползала на лавку под окном. Рядом с лавкой стоял стол, где я могла работать. Однако радости в моём сердце не было.

Вечерами я нередко играла на гитаре, но в моей голове крутились песни одна печальнее другой, поэтому утешения в музыке не находила. Я много писала — переписывалась с родственниками и друзьями, много читала — тётя приносила мне книги из сельской библиотеки. Но и в чтении моя душа не находила покоя.

После того как я побывала у врачей в Успенке, мне стали подсказывать, чтобы написала заявление об оказании мне санаторно-курортного лечения. Кто-то советовал обратиться в республиканскую клинику в Алма-Ате, но попасть туда у нас не было ни средств, ни возможности. Да и гарантии, что меня там примут, не было никакой.

Уже шесть раз я отметила этот злосчастный, трагичный день — 13 августа. В этот день я не могла ни есть, ни пить,

только сидела и плакала. Шесть лет мучений! Шесть лет — только сидеть и лежать! И это в самую лучшую пору жизни! Нет, эту дату невозможно забыть.

Но однажды, в том же самом августе, на небосводе моей жизни сквозь сгущающиеся тучи неожиданно блеснул луч света. Это была путёвка на курорт «Муялды».

Курорт располагался в живописном месте, где-то в сорока километрах от нашей Константиновки. Солёное озеро давало курорту грязи и целебную воду для ванн. Поездка на курорт стала значительным событием, всколыхнувшим привычное, размеренное течение моих будней.

Первого сентября 1949 года мой брат Яша повёз меня на лечение. Ехали на подводе и к вечеру прибыли на место. Встретили меня там очень хорошо, выделили кровать и постельные принадлежности.

Несколько дней я не могла привыкнуть к новой обстановке, а потом познакомилась со всеми — и время полетело стрелой.

Четыре недели мне делали массаж, я каждый день принимала грязевые ванны, физиопроцедуры, занималась лечебной физкультурой.

Вечерами в моей палате собиралось до десяти человек, и мы весело проводили время. Ночная няня приносила патефон, и мы развлекались, как в клубе.

Днём я частенько открывала Библию и читала так, чтобы никто не видел. Особенно мне нравилась Книга Псалтирь, в ней я желала найти успокоение своей душе.

Когда новые друзья узнали, что я могу рисовать, стали приносить мне свои альбомы, и я занималась оформлением.

Как бы ни было хорошо на курорте, всё же приезд Яши неописуемо обрадовал меня. В конце сентября брат увёз меня домой!

Дома моё здоровье резко ухудшилось. Боли в спине и ногах были невыносимыми. Я не могла спать ни днём ни ночью. Все стали сожалевать о том, что отпустили меня на курорт.

Когда я уезжала, главврач курорта дал мне направление в республиканскую клинику. Он сказал, что там могут оказать хорошую помощь. Чтобы попасть туда, надо было пройти ко-

миссию в Павлодаре. А чтобы поехать в Павлодар, надо было получить специальное разрешение, поскольку после войны лет десять все немцы находились под надзором комендатуры и без особого позволения не имели права выезжать за пределы своего района.

Разрешения на выезд пришлось ждать очень долго.

Неожиданно мне стало легче. Однажды я проснулась и прислушалась: спина не болит! Я по привычке подтянулась на руках и попробовала сесть. Боль не появилась!

От волнения моё сердце было готово вырваться из груди, когда я, оперевшись на стол, встала на ноги и, не веря себе, начала продвигаться вдоль стола. Шаг. Другой. Третий... Мои ноги не подкосились, не изменили мне, они держали меня! Я всё ещё крепко держалась за стол, но садиться мне совсем не хотелось. Несколько раз я обошла стол вокруг, трепеща от радости.

Дядя, узнав, что я могу держаться на ногах, сделал мне костыли, и я стала учиться ходить...

Невозможно передать словами тот восторг, который наполнил моё сердце. Много лет я днями и ночами мечтала о том, чтобы научиться хоть немного передвигаться самой и не быть зависимой от людей, которые должны были переносить меня и переводить с места на место. И вот чудо произошло! Неужели?!

У меня появилось новое занятие — учиться ходить. Днём я стеснялась это делать, а ночью, при луне, упражнялась до усталости.

Ноги мои сгибались только в коленях. Ступни совершенно не гнулись, шевелить пальцами я не могла. Точкой опоры были не ступни, а большие пальцы, поэтому ни стоять, ни ходить без опоры было невозможно. Со временем я научилась пользоваться костылями и самостоятельно ходила и по дому, и по двору, и даже в гости к соседям и родственникам!

Никогда не забуду тот тихий солнечный день, когда я сама вышла в сад и сорвала тронутую ранним морозом розу. Какое чудо! Потом подошла к сливе. Долго стояла возле этого высокого дерева и вспоминала, как мы сажали его с отцом. Это было незадолго до ареста родимого. Слёзы сами

собой потекли по щекам. Но в этот раз я плакала больше от радости, что могу, наконец, передвигаться, а значит, смогу делать доброе для ближних.

Разрешение на выезд всё не приходило, и мне пришлось снова обращаться к коменданту, ещё раз писать заявление.

Лишь в середине декабря, получив разрешение, мы с Яшей поехали в Павлодар. Морозы переваливали за сорок градусов, я очень боялась отправляться в эту поездку. К счастью, всё обошлось благополучно.

В Павлодаре на второй или третий день я прошла комиссию, и меня вновь направили в Успенку, чтобы получила направление в алма-атинскую клинику. Но получить его оказалось непросто. Лишь после Рождества меня вновь вызвали в районную больницу на обследование, поскольку в Алма-Ату требовалась история болезни.

В столицу я так и не попала, а путёвку на курорт мне дали. Однако вовремя добиться разрешения на выезд не получилось, и путёвка пропала.

Когда разрешение всё-таки пришло, мы с Яшей рискнули поехать в «Муялды». Главврач узнал свою горемычную пациентку и только из жалости распорядился принять меня.

Все врачи и медперсонал удивлялись тому, что я стала ходить, и радовались за меня. Я тоже была рада — ещё бы, сама посещала процедуры, сама гуляла! Теперь я не была зависима от няни.

Жизнь течёт своим руслом

В ноябре 1950 года вышла замуж Эльза, и в доме сразу стало скучно и непривычно тихо. Мне было жалко её — уж очень молодая, могла бы не спешить. Но у каждого свой жизненный путь. Так я говорила себе в утешение, чтобы легче было переносить одиночество.

С уходом Эльзы мама не стала работать в колхозе. Тринадцать лет она трудилась дояркой, и наконец ей разрешили передать коров Лене. Я очень обрадовалась этому — мне веселее, когда мама дома!

Весной 1951 года создал свою семью и Яша. Как ни труд-

но было расставаться с ним, а пришлось. Без него дом словно опустел. Хотя он приходил к нам со своей женой очень часто, это было уже совсем не то.

Собственная судьба с каждым днём и годом представлялась мне всё страшнее, но я решила не обижаться на неё, чтобы не получилось прожить свой век обиженной. Хорошо, что голова и руки работают — могу читать, писать, рисовать, шить. Это ли не чудо? Зачем же мне кручиниться?

И всё-таки мрачные мысли часто заволакивали моё сознание чёрными тучами, я металась, как птичка в клетке. Ох, проснуться бы однажды утром совершенно здоровой, как будто не было ни войны, ни трудармии!..

В июле 1951 года нашу семью потряс новый удар — Лена осталась без правой кисти!

Эта трагедия случилась на ферме. В те трудные годы доярки сами заготавливали силос для коров. Каким-то образом Лена угодила рукой в молотилку, и если бы не подскочивший вовремя бригадир, то неизвестно, чем бы всё закончилось.

Лену увезли в Успенку и прооперировали. Мама собрала раздробленные кости в платок и похоронила в саду под сливой. Я долго не могла справиться с потрясением. Словно напасть какая-то на нашу семью: одна без руки, другая без ног...

Ко всему прочему год выдался неурожайным, картофеля почти не было. Я изо всех сил старалась

Зачем же мне кручиниться?

что-нибудь заработать и помочь матери: с утра до глубокой ночи шила, рисовала, писала.

Занятость частично спасала меня от уныния. Особенно в праздничные дни, когда вся деревня веселилась, мне приходилось коротать время где-то в стороне или вообще дома, потому что я — калека. Каких только дум я не передумала в эти часы!

Многие из моих ровесников обзавелись семьями. Они растили детей, радовались своему счастью. Только я оставалась никому не нужной, нелюбимой.

И всё же я всеми силами старалась не падать духом. Многое пропускала мимо ушей, на многое закрывала глаза.

Когда наступала весна, меня нередко посещала радость. Я любила тепло, любила наблюдать, как пробуждается природа. Вместе с тем я каждое лето вспоминала тот ужасный день, который сделал меня несчастной на всю жизнь.

Вечерами, наблюдая, как величественно прячется за горизонтом солнце и затем наступают сумерки, сколько раз я мечтала о том, чтобы и моё горе когда-нибудь вот так скрылось, закатилось навеки и моя печаль сменилась бы большой радостью! О, если бы восстановились мои ноги и я стала такой, как все, кто считает себя счастливым! Но... это не для меня...

А годы между тем мчались, словно наездник на резвом коне. Три десятка лет остались позади. Несчастные годы.

С большим состраданием и любовью бабушка часто говорила мне, что надо покаяться перед Богом и Он даст моему сердцу мир. Я нередко читала Библию, особенно Евангелия, но что значит покаяться — не понимала.

Чудеса продолжаются

Однажды мама сказала, что некоторые женщины в деревне вечерами читают Евангелие. Собираются они у тёти — отцовой сестры. Среди них были наши родственники, и мама тоже стала ходить на эти вечерние чтения.

У нас всегда бывали гости — и родственники, и соседи. Одна женщина, тётя Наталия Фаст, смолоду верующая, на-

чала заходить к нам всё чаще и подолгу разговаривать со мной. Она старалась объяснить мне, что я стану радостной и счастливой, лишь когда примирюсь с Богом. Мне это было совершенно непонятно. Я ведь не враждую с Ним! Я часто читаю Библию, нередко молюсь, особенно в трудную минуту, делаю людям только доброе, за что Бог может сердиться на меня?!

Тётя Наталия говорила мне, что душа человека находит успокоение не в здоровье, не в деньгах и даже не в добрых делах, а только в Боге, в живом общении с Ним.

Беседы с этой старицей стали задевать меня за живое. Я много думала обо всём, что она мне говорила, но никак не решалась сделать первый шаг в направлении покаяния.

«Не такая уж я и грешница,— думала я, оправдывая себя. — Стараюсь делать всем только добро, хотя в своей жизни ничего доброго не вижу. Всем вокруг хорошо, только мне плохо. Я всего лишена — и здоровья, и семьи, и ласки, и радости. За что я терплю такие страдания? Разве я хуже других?!»

В моей душе началась невероятная борьба. Дошло до того, что я уже не могла ни есть, ни спать. Родные думали, что я заболеваю тифом. А я ни с кем не могла поделиться своими переживаниями. Мне хотелось покоя, радости, душа томилась по чему-то возвышенному и прекрасному. Но другие мысли, словно туман, заволакивали моё сознание, и в голове стучало одно: «О каком покое ты мечтаешь? Твой удел — слёзы и одиночество. До тебя никому никогда не будет дела. Оставь свои грёзы. Счастье — не для тебя!»

Был солнечный морозный день — 12 января 1955 года. С самого утра я томилась в ожидании каких-то перемен. О, как мне хотелось иметь настоящего друга, который мог бы меня понимать, любить, делить со мной мои радости и волнения! У меня были друзья, с которыми я переписывалась. Но все они жили далеко, и никому из них я не могла открыть своё сердце.

День уже склонился к вечеру, когда я, вконец измученная от своих мыслей, опустилась на колени возле кровати. Я ещё ни разу так не делала. Это было очень непросто, но я

чувствовала сильное желание преклонить колени. Я стала взывать к Богу и просить Его о прощении грехов, об очищении души.

Не знаю, как долго я молилась. Однако хорошо помню, как легко и светло стало у меня в сердце! Я не поднялась с колен до тех пор, пока от всей души не поблагодарила Господа за то, что Он снял с меня бремя, которое тридцать лет томило душу и мешало счастливо жить.

Бог действительно сделал чудо — я стала совершенно другим человеком! Внешне ничего не изменилось — такая же немощная и больная, я с трудом поднялась с колен. Но во мне ключом забила небывалая радость.

— Что с тобой, доча? — спросила мать, увидев сияющую улыбку на моём лице.

— Я покаялась! — хлынули из моих глаз слёзы радости.

— Слава Тебе, Господи! — воскликнула она, обнимая меня.

Мать была не менее счастлива, потому что на Рождество пережила то же самое — примирилась с Богом.

В тот вечер в нашем доме не смолкало пение.

— Жаль, что не сделала этого раньше! — говорила я. — Столько лет читала Библию и была так далека от Бога!

— Да, я тоже сожалею об этом,— соглашалась со мной мать. — Господь ждал нас очень долго. Сколько у Него милости и долготерпения! Как хочется, чтобы все родные обратились к Нему! Ведь наше существование не кончится жизнью на земле. За гробом всех ждёт вечность. Где мы будем её проводить — оказывается, зависит от нас...

Мне очень хотелось пойти с матерью на собрание, где читали Библию, но снегу насыпало много, мне не пробраться. Тогда я описала своё покаяние и передала письмо друзьям, чтобы они тоже порадовались и поблагодарили за меня Господа.

Ах, сколько радости было у моих тёток и у всех знакомых, кто уже обратился к Богу! Все они стали приходить ко мне и поздравлять с новым рождением.

«Вот в чём заключается счастье!» — думала я, ощущая внутри небесную радость.

Я вообще забыла, что у меня больная спина, что мои ноги

не ходят. Бог дал мне новое сердце. Мои чувства, мысли, стремления совершенно переменились!

После покаяния я стала понимать свою бабушку и других верующих. Когда они приходили ко мне, мы много пели, вместе молились о пробуждении в селе. И Бог по Своей милости начал действовать! Вскоре покаялась наша Лена, потом — Мария. На чтение Евангелия собиралось всё больше и больше людей. Скоро эти чтения превратились в богослужения.

В 1955 году в Константиновке стали проходить христианские собрания. Мужчин было очень мало. Но были юноши, были подростки, и мы много молились о том, чтобы Господь привлёк их к Себе и они захотели Ему служить.

Наш домик был небольшой, а мать сильно хотела, чтобы собрания проходили у нас, особенно зимой, когда я не могла никуда пойти. И она решила увеличить дом: вместе с Андреем они пристроили из дёрна четыре просторные комнаты, а старую часть дома отделили под сарай.

В начале пробуждения на собрания приходило очень много народу — почти вся деревня. И тогда дома́ в основном не вмещали всех желающих. Наш дом оказался самым вместительным, потому богослужения зачастую проходили у нас. Но когда власти стали притеснять верующих и разгонять собрания, посетителей сразу поубавилось.

Первое крещение в Константиновке состоялось 22 июля 1956 года. Совершал его брат из Славгорода. Крещаемых было около девяноста человек — желающие креститься съехались со всей округи. В те годы из-за нехватки служителей крестить на местах было некому.

До Камышового озера мы пятнадцать километров шли пешком. Посмотреть на это невиданное событие собралась вся деревня.

Молитву благословения над нами совершили только в октябре. И то не без трудностей: Славгородская церковь три дня постилась и молилась о том, чтобы служитель мог поехать в Константиновку. В то время пресвитеры не имели права трудиться в другой общине.

Бог удивительно отвечал на молитвы Своих детей, давал им силу и дерзновение совершать святое дело. В тот день

к нам на богослужение приехал полный грузовик братьев и сестёр. Даже хористы приехали, что было для нас большой радостью.

Стояла осень, наступили холода, а в общине девять человек желали принять крещение. Среди них была и наша Мария — самая младшая сестрёнка. Вода в озере уже замёрзла, поэтому желающим заключить завет с Богом пришлось спускаться в прорубь.

После крещения все приехали в наш дом на богослужение. Из тех, кто крестился летом, некоторые отпали. А над теми, кто стоял в вере, кто хотел идти по следам Спасителя, совершили молитву благословения с возложением рук. Это был первый большой праздник в нашей молодой общине.

Жизнь в церкви забила ключом. Тётя Наталия Фаст организовала хор и стала проводить спевки в нашем доме. Я принялась переписывать гимны и ноты для хористов.

На всю церковь было всего две или три Библии на немецком языке, напечатанные готическим шрифтом. Молодые этот шрифт не знали, хотя и говорили по-немецки. Я взялась переписывать русскими буквами выделенные в Библии жирным шрифтом стихи и раздавать молодым братьям и сёстрам. Друзья принимали эти записки охотно — каждому хотелось иметь хоть какую-то часть Священного Писания.

Кто-то из родственников подарил мне две книги на немецком языке: «Путешествие Пилигрима» и «Чтение на каждый день». Я стала обладательницей настоящего сокровища. Сколько пользы принесли нам эти книги! Многие братья и сёстры заходили ко мне перед работой, мы прочитывали одну проповедь из книги ежедневного чтения и вместе молились. После работы они снова заходили, и мы читали «Путешествие Пилигрима» или «Хижину дяди Тома». Хотя это были художественные книги, они всё же питали душу. Потом каждый из нас молился, и, наполненные свежими силами, радостные, друзья уходили домой.

Пробуждение жителей нашего села и образование общины живых христиан не нравилось врагу человеческих душ, и верующих в Константиновке начали притеснять. На собрания стали приходить рьяные коммунисты, школьные учителя. Они

требовали разойтись, стыдили детей. К началу шестидесятых годов очень многие перестали посещать собрания, родители перестали приводить на богослужения детей.

При всём том были в церкви и такие христиане, которые переживали о детях и их судьбах. Две сестры по воскресеньям после обеда собирали детей и учили их петь, играть на гитаре, рассказывали им библейские истории, читали христианские рассказы (в то время книги были большой редкостью) и молились с ними. Детям нравились такие занятия, и они охотно их посещали.

Однажды эта группа детей подготовила к празднику Жатвы стихи и пение и хотела поучаствовать в богослужении. Но детей не пустили в дом, пока не ушли представители власти, которые прибыли проверить, нет ли на празднике несовершеннолетних. Когда они ушли, детям разрешили петь и читать стихи. После этого некоторые родители стали приводить на собрания своих детей. Слово Божье касалось сердец подростков, а также юношей и девушек, и многие из них покаялись.

Учителя ещё больше встревожились и стали чаще посещать наши собрания. Поняв, что верующие не намерены их слушать, они пожаловались вышестоящему начальству, и из Успенки начали приезжать дружинники и милиция. Они бесцеремонно прерывали наши богослужения, требовали прекратить молитвы, запрещали проповедовать, угрожали штрафами и тюрьмой.

В церкви началась неразбериха. Пожилые верующие, недовольные создавшейся обстановкой, стали убеждать матерей, чтобы они оставляли детей дома, тогда, мол, можно будет тихо-мирно проводить богослужения. А мы, кому было дорого подрастающее поколение, много скорбели по этому поводу, плакали и молились.

И всё же дети продолжали ходить на собрания. Тогда те, кто не хотел неприятностей с властями и противился присутствию детей, стали собираться в другом доме. Теперь взрослых значительно убавилось, зато было много детей, подростков и молодёжи.

Разделение было для нас большой печалью. Но братья из других общин посещали нас, поддерживали и ободряли.

Не раз приезжал к нам служитель из Павлодара, старец Арон Аронович Вибе, который много лет провёл в неволе за верность Господу Христу. Глубоко врезались в память слова служителя Альберта Яковлевича Шаля, отличавшегося безграничным доверием Богу:

— Не унывайте, Господь о вас позаботится и благословит, только радостно идите вперёд!

Милосердный Бог всегда своевременно посылал нам и совет, и утешение, и помощь.

После покаяния Господь Иисус дал мне новое сердце, и оно загорелось желанием служить Ему и что-то делать для Его славы. Но что я могла делать? Возможности у меня были очень ограниченные, однако это обстоятельство не могло погасить той пламенной любви, которая горела во мне. Теперь я уже не хотела писать и рисовать для колхоза. Мне хотелось служить Богу и Его народу.

К празднику Пасхи я подписала множество открыток, чтобы поздравить друзей и односельчан. Я не переставала восхищаться подвигом Спасителя. Он ни с чем не посчитался, чтобы вызволить нас из греховного плена, чтобы оживить наши мёртвые души и подарить нам вечную жизнь! Мне хотелось петь, моя душа была полна радости и восторга.

Когда одна из сестёр, занимавшихся с детьми, уехала из Константиновки, я охотно подключилась к этому труду. В воскресенье, после утреннего собрания, дети оставались у нас, и мы занимались с ними часа полтора. Не всегда наши занятия проходили мирно. Учителя, словно злые коршуны, врывались в дом, хватали детей, вытаскивали их на улицу и отправляли домой. Каких только угроз не слышали наши мальчики и девочки!

Со временем недруги перешли от угроз к делу. В домах верующих произвели обыски, на некоторых братьев и сестёр завели уголовное дело. Многих, в том числе и нашу мать, стали вызывать к следователю.

Однажды потребовали в контору колхоза и меня. Там прокурор допрашивал верующих. Я объяснила пришедшему за мной, что не могу поехать, так как в конторе высокое крыльцо и на него мне не подняться. Он ушёл, сказав, что

за мной приедет милиция, потому что явка к прокурору обязательна.

Я стала просить у Господа мудрости, как поступить в данной ситуации и что говорить.

Милиционер действительно приехал, но я отказалась ехать с ним. Он попросил показать ему справку от врача.

— Я вам верю,— сказал он, прочитав документ о моей инвалидности. — Но поверит ли прокурор? Возможно, он сам приедет к вам.

— Пусть приезжает, он уже был здесь,— ответила я.

Не так давно прокурор действительно приходил в наш дом. Братья из Славгорода привезли к нам духовную литературу. Соседи увидели и доложили куда надо. Прокурор забрал тогда все книги — и те, что привезли братья, и те, что имелись у нас дома. Потом мои вернул, а привезённые — не вернул. Для нас это было большой потерей, но мы не унывали, зная, что идём Божьим путём. Если гнали нашего Господа, то должны гнать и нас — так говорил Иисус. При всём том радость в Господе была нашим уделом.

Как-то раз пришли ко мне два брата — Андрей и Василий — с просьбой помочь им заниматься с молодёжью. Они сами были ещё совсем молодыми и хотели, чтобы с ними работал кто-то постарше. Я сказала, что из-за своего немощного состояния помочь ничем не смогу.

Через некоторое время приехала ко мне в гости сестра Аня из Павлодара. Вечером зашли братья и, увидев гостью, сообщили об этом друзьям. Скоро почти вся молодёжь была у нас. Получилось хорошее общение. Мы много пели, беседовали на разные темы. Говорили также о необходимости избрать руководителя молодёжи, которого на тот момент не было.

— А ты не хочешь потрудиться с молодёжью? — неожиданно спросила меня Аня.

— Ох, куда мне?! Я же не могу ходить!

Рано утром, собираясь в обратный путь, Аня серьёзно сказала:

— Зуза, это твоё служение — сохранить молодёжь и подростков. И если ты этого не сделаешь, Господь с тебя спросит!

Я почувствовала, как заколотилось моё сердце.

Аня ушла, а я со слезами стала молиться:

— Дорогой Господь! Ты знаешь, как я переживаю о том, чтобы все наши дети оставались в церкви, чтобы они не уходили в мир! Как помочь им увидеть Твою любовь, Твою красоту, как помочь им полюбить Тебя и Твою Церковь? Я хотела бы помогать им, но как? Если Ты благословишь меня, я буду делать всё, что нужно!

В тот же вечер ко мне пришли Андрей и Василий, и мы вместе обсудили назревший вопрос. Братья обрадовались тому, что я решилась участвовать в проведении молодёжных собраний.

Следствие между тем продолжалось. Оно длилось целый год. Судебное разбирательство меня миновало, но Дик Аню и Панкраца Яшу, а также Махлейта Сашу и Вибе Арона Ароновича из Павлодара — судили. Я поняла, что избежала заключения по Божьей воле и должна продолжать дело, за которое мои дорогие друзья получили срок.

Андрей и Василий часто бывали у нас дома. Мы обговаривали разные вопросы, составляли программы молодёжных собраний. Пресвитера у нас в церкви не было, поэтому мы походили на овец, у которых нет пастыря.

Много заботы о нас проявлял павлодарский руководитель молодёжи. Он нередко посещал нашу общину, давал нам дельные советы.

Дети у нас вначале были все вместе — и старшие, и младшие. Сёстры, занимающиеся с ними, плакали от

Дорогой Господь!..
Если Ты благословишь меня,
я буду делать всё, что нужно!

бессилия: старшие вели себя плохо и мешали младшим. Тогда братья из молодёжи отделили подростков и поручили мне проводить с ними занятия.

У меня не было особых дарований к этому служению, но я любила детей, считала их друзьями и всегда желала им добра. По-видимому, они это чувствовали, и у нас не было больших проблем.

Я никогда не надеялась на себя, на свои силы, и очень много молилась и постилась, желая получать силу и мудрость от Бога. Братья из молодёжи охотно помогали мне. Считалось, что с молодёжью занимаюсь я, но Андрей и Василий всегда были рядом и делали то, чего я совсем не могла. Так же было и с подростками.

Однажды я поехала на Кавказ к родственникам и там побывала у служителя, который переехал из наших краёв. Он принёс мне стопку журналов «Христианин» и сказал:

— Если есть время, почитай!

Я обрадовалась — это же такая драгоценность!

Два месяца я гостила у родственников. Они жили бедно, и мне хотелось помочь им — я много шила, латала, чинила одежду. А ночами читала.

Сколько ценного, полезного почерпнула я из тех журналов! На многие годы запомнилась мне статья «Бог посетил нас свыше». Молодые супруги рассказывали о том, как они пришли к Господу, как дорожат спасением, полученным от Него, и как они счастливы. Какие-то истины были мне знакомы и радовали своим богатством. Но я встретила и много нового, назидательного, что очень хотела запомнить и потом передать детям и молодёжи.

К счастью, служитель подарил мне часть журналов, и я привезла их домой. Из них мы брали темы для занятий, переписывали и учили стихи. Мне очень хотелось хоть что-то делать для моего Господа. Я полюбила Его всем сердцем, обрела в Нём Друга, Отца, Спасителя и теперь желала, чтобы то же самое сделали и мои юные друзья. Поэтому я не переставала направлять их мысли к вечному, небесному, Божьему.

Библия долгие годы оставалась недоступной для христиан,

и в нашей общине она тоже была редкостью. Я дорожила этой Книгой книг и много переписывала из неё и золотых стихов, и целых глав, и раздавала подросткам и молодёжи, чтобы учили наизусть.

Мы в те годы много писали. У подростков и молодёжи чуть ли не у каждого были рукописные сборники песен и сборники стихов.

Моё одиночество

Из Константиновки в 1942 году мобилизовали в трудармию двадцать три девушки. Все они благополучно вернулись домой, все вышли замуж — кто удачно, кто неудачно. Все, кроме меня. Я вернулась домой калекой. Когда я об этом думала, меня всегда душили слёзы горечи и обиды. Сознавать свою ущербность и ненужность — во много раз больнее физической боли.

В самую лучшую, цветущую пору жизни чувствовать себя срезанным и увядающим цветком, брошенным на прекрасную клумбу,— это просто невыносимо. Моё сердце, как и сердце всякой девушки, жаждало любви. Мне хотелось любить и быть любимой.

Когда меня привезли домой, ко мне постоянно ходили мамины сёстры и много меня утешали. Они были верующими, поэтому приносили мне хорошие стихотворения, пели красивые песни. Но мне было невыразимо тяжело. Я ничем не могла утешиться. Один и тот же вопрос сверлил моё сознание: почему это случилось именно со мной?

Ещё после окончания школы я подружилась с одним парнем из нашей деревни. Он меня любил, а я его не очень. Но я уважала его, он нравился мне и своим характером, и предусмотрительностью. Когда началась война и он получил повестку в трудармию, мы с ним о многом переговорили. Он просил меня ждать его и писать ему письма. Он признался мне в любви и сказал, что больше никого не сможет полюбить и кроме меня ему никто не нужен.

На первых порах мы переписывались, а потом меня тоже забрали в трудармию и переписка прекратилась. Когда меня

привезли домой совершенно беспомощной, я со временем написала ему последнее письмо. Я сообщила, что уже никогда не смогу ходить (хотя врачи мне этого не говорили, я сама чувствовала) и ни для кого не смогу стать женой. Я освободила его от данного мне обещания и написала, что он может устраивать свою жизнь как хочет.

В феврале 1955 года этот молодой человек приехал в отпуск к своим родным. Родители его уже умерли, а сестра жила недалеко от нас. По приезду он сразу же пришёл к нам. Долго и усиленно упрашивал меня соединить с ним жизнь. Он был полон решимости оставить свою жену и взять меня, утверждая, что я без ног более полноценна, чем его жена с ногами.

Как я радовалась тому, что он приехал уже после моего покаяния! Это было моим спасением. Лишь благодаря живой связи с Господом я приняла твёрдое решение и отказала этому человеку. Он не хотел уезжать без моего согласия. Но я всё же отвергла его предложение, и он уехал. Правда, мне было нелегко. Моё сердце готово было раскрыться для любви. Милосердный Господь дал мне силы противостоять греху и в смирении принять свой жребий.

Я радовалась тому, что мой знакомый уехал. Не раз и не два плотские мысли готовы были овладеть мной, и только силой Духа Святого я отгоняла их, стараясь всем сердцем прильнуть к моему Возлюбленному, Который отдал жизнь за моё спасение и подарил мне вечное счастье.

Господь чудно укреплял меня, окрылял надеждой. У меня было много друзей, единомышленников. Посвятив себя Богу, мы служили ближним, и это делало жизнь интересной, целеустремлённой, радостной.

Я стала от всей души благодарить Господа за свою судьбу, за то, что Он не обделил меня ничем, наполнив жизнь Самим Собой. Приятно сознавать, что моё будущее столь прекрасно! Ведь я не заслуживала ничего подобного. Я столько лет жила как придётся, мучилась и страдала. А Господь с Божественной любовью наблюдал за мной, оберегал от гибели, влёк на путь спасения. За это никогда не перестану Его благодарить и славить!

Божий промысел

Мама беспокоилась о том, что будет со мной, когда она умрёт. А я старалась не думать об этом, потому что от одной такой мысли в душу вползало уныние. Я была уверена, что никто не захочет взять к себе в дом обузу в виде меня. Однако мама старалась меня утешить, убеждая, что я много чего умею и пригожусь в любой семье. И всё же меня это не убеждало. Я долго молилась по этому поводу, и Бог ответил мне довольно неожиданным образом.

У нашей Марии семья быстро росла — каждый год у неё рождался ребёнок. Когда на свет появился шестой, то пятый был ещё настолько мал, что не мог ходить. Вдобавок ко всему Мария заболела и здоровье её долго не восстанавливалось. Мама много помогала ей, но этого было недостаточно.

Как-то раз вечером мама пришла от Марии необычно воодушевлённая и завела со мной такой разговор:

— Как ты думаешь, не взять ли нам к себе Катюшу? Уж больно трудно Марии сейчас...

— Хорошо, приноси,— согласилась я. — Она же вчера была здесь, можно было и сегодня оставить.

— Нет, я имею в виду взять насовсем.

С Марией до её замужества

— Кто же её тебе отдаст?! — рассмеялась я.

Мама немного подумала и, как бы взвешивая каждое слово, неторопливо сказала:

— Марии очень тяжело. Катюша слабенькая, ещё не ходит, а следующий малыш хочет, чтобы его почаще на руки брали.

Вместе с нами жила Лена со своим Митей, а также Андрей (он был ещё холостым).

— А как посмотрят на это Лена и Андрей? — спросила я.

— Я поговорю с ними,— решительно заявила мама. — Думаю, они не будут против. У Лены есть Митя, а у тебя никого нет. Вырастим Катюшу, и у тебя в старости будет опора. Мне очень жаль это дитя. Девочке нужна ласка, внимание, а Мария просто не в состоянии сейчас растить двух малышей. Притом и четверо старших ещё несмышлёные...

В итоге мама убедила и меня, и Лену с Андреем, и мы согласились взять Катюшу к себе. Правда, мы никому не говорили о том, что хотим приютить девочку насовсем. Родители обрадовались и отдали Катюшу в наши добрые руки.

Минуло года полтора или два. Однажды Мария с мужем пришли вечером и говорят:

— Хотим забрать Катюшу домой. Спасибо вам, вы так хорошо помогли нам! Никогда не забудем вашей доброты.

Что мы могли сказать? Это их ребёнок, у них на неё все права.

Отец взял девочку на руки, Мария собрала её

Лена, бабушка Ева с Митей и я с Катей

одежонку, и они ушли. Но в час ночи ребёнка принесли обратно.

— Ничем не можем успокоить! — извинялся отец. — Плачет и просится домой. Пусть ещё поживёт у вас.

— Конечно, пусть живёт! — обрадовалась я, потому что сердце уже привязалось к племяннице.

Где-то через месяц родители снова забрали Катю, но история повторилась — девочка плакала и просилась домой, к тёте Зузе.

Так Катя осталась у нас. Мы часто ходили с ней к ним домой, и она играла там с братиками и сестричками. Когда она подросла, то сама каждый день бегала к маме, потому что они жили неподалёку.

Когда умерла наша мать, Кате было уже тринадцать лет. Мария больше не звала её домой. Она видела, что мне девочка очень нужна. Андрей женился и ушёл от нас, Митя тоже закончил школу и уехал учиться. Осталась Лена без руки, я без ног и Катя.

Мы жили так, что соседи удивлялись, как у нас и на огороде, и в хозяйстве всё ладно получается,— любо глядеть! А я всегда говорила, что это не наша заслуга, Господь нам помогает.

Мы и правда жили весело и дружно. Лена ухаживала за курами и коровой, я управлялась на кухне: варила, мыла посуду. Обычно мы заранее составляли меню, и Лена до работы приносила мне из погреба и амбара всё, что нужно. Катя доила корову, убирала в доме и во дворе. Каждый делал что мог, и было хорошо. Господь благословлял нас, и мы ежедневно благодарили Его за это от всей души.

Катя сидит за швейной машинкой

Однажды братья из Славгорода сказали мне, что многие из тех, кто получил на войне какое-то увечье, ездят на хороших инвалидных машинах. Они посоветовали написать заявление в отдел социального обеспечения и попросить машину.

В 1959 году, после долгих хлопот, я тоже получила инвалидную машину на трёх колёсах. Впереди — одно колесо, сзади — два, почти что мотоцикл, но с брезентовой крышей. На этой машине я ездила семь лет. Потом её заменили на «запорожец». Он служил мне пять лет.

Через каждые пять лет я получала новый автомобиль. Это было настоящее чудо, особенно в шестидесятые годы, когда в церкви у нас кроме велосипедов и мотоциклов никакого транспорта не имелось. Как я была рада служить ближним своей машиной!

Братья всегда помогали мне и следили за автомобилем, ведь я ничего не умела и не могла делать. После пяти лет службы машина всегда была в хорошем состоянии, и я могла её продать. Конечно, продавала недорого, но мне всегда хватало оплатить следующую.

В 1959 году, после долгих хлопот, я тоже получила инвалидную машину...

Как-то раз служитель попросил меня отвезти его в Борисовку. Там уже давно не было хлебопреломления. Из нашей деревни поехала ещё молодёжь на двух или трёх мотоциклах.

В пути мы так увлеклись беседой, что проехали поворот на Борисовку. Поняв это, я хотела вернуться обратно, но служитель сказал:

— Поезжай прямо, свернёшь на следующем перекрёстке и заедешь в деревню с другой стороны. У них сегодня собрание будет как раз в том конце села.

Мы так и сделали. Дом наших друзей стоял самым крайним, и мы с дороги заехали сразу во двор. Собрание началось, а молодёжь из Константиновки так и не приехала.

Богослужение прошло очень хорошо. Мы вспоминали страдания Господа Иисуса, потом все вместе обедали. Мне было приятно побыть в общении с друзьями, порадоваться нашей общей вере.

Приехав домой, мы узнали, что наших мотоциклистов не впустили в деревню. На подъезде к селу стояли два человека и по причине карантина всех возвращали обратно. А нас Бог удивительно провёл, чтобы церковь могла исполнить заповедь Господню и поучаствовать в хлебопреломлении!

Как я была рада служить ближним своей машиной!

Так с весны до осени я охотно служила своим автомобилем Божьему народу — всех стареньких и немощных возила на собрания. Зимой машина стояла, однако собрания я не пропускала. Молодые братья сделали для меня специальные санки и возили меня. Я была бесконечно благодарна им за такую заботу!

Жизнь в церкви

С тех пор как моего сердца коснулся Дух Святой, жизнь моя в корне изменилась. Во мне будто забил какой-то источник, побуждающий что-то делать для славы моего Господа. Конечно, я оставалась весьма ограниченной в движениях, мне по-прежнему надо было выполнять свои обязанности по дому, но жизнь Божьего народа теперь стояла у меня на первом месте.

Когда церковь ожила и стала служить Богу не по букве закона, а по духу, разразились гонения. Особенное ударение атеисты делали на то, чтобы на богослужениях не было детей и молодёжи. Таким образом они хотели уничтожить церковь — старики вымрут, и на этом конец. Но не ведали они о том, что созданная Господом Церковь неодолима, её никто во всей вселенной не может уничтожить! И мы были живыми свидетелями этого Божественного чуда.

Вместе с Василием и Андреем мы продолжали заниматься с молодёжью. Много постились и молились, желая духовных побед и в личной жизни, и в среде молодёжи.

В те годы в нашем братстве было много узников, и мы вместе с молодёжью всегда молились о них, писали им письма, поздравляли с праздниками. Открытки нередко делали сами, и это всем доставляло радость.

Я постоянно молилась о нашей молодёжи, о каждом брате и каждой сестре. Как мне хотелось, чтобы они держались подальше от всего мирского, от всего, что враждебно Богу, и были чистыми и святыми! И хочу сказать, что по Своей величайшей любви Бог хранил молодёжь и по-особенному благословлял!

Молодые люди тоже много делали для славы Божьей. Они

всегда участвовали в богослужениях, ездили в близлежащие деревни, чтобы ободрить там христиан. Физический труд занимал не последнее место в жизни молодых братьев и сестёр. У нас дома они много трудились — и огород копали, и сено для коровы заготавливали, и дрова кололи, и уголь в углярку заносили.

Совместный труд сближал нас, вдохновлял на благочестивую жизнь, хранил от пустоты и беспечности. Хорошо поработав, братья и сёстры подсаживались ко мне, и мы час-другой ещё пели наши любимые песни, которые звали к святой и жертвенной жизни, наполняли сердце желанием больше любить Господа и быть к Нему как можно ближе.

Правда, не обходилось и без трудностей. Не все были совершенно открыты для Духа Святого. Кто-то одним глазом поглядывал в мир и хотел хоть что-то брать оттуда и нести в церковь.

Однажды на курсы трактористов приехали в нашу деревню два юноши — из Борисовки и Павлодара. Один был поскромнее, а другой, хоть и вырос в христианской семье, жил по мирским правилам. Однако на наши собрания он ходил и

Открытки нередко делали сами...

даже был активным среди молодёжи. К сожалению, он начал дружить с девочками — такими же духовно слабенькими, которые земное любили намного больше, чем небесное.

Я знала, что дружба между юношей и девушкой может привести к нехорошим последствиям, может очень быстро поразить их неокрепшие души и умертвить духовную жизнь. Помолившись, я пригласила потенциального жениха в машину и поехала с ним за деревню. Он вначале не понял, куда я его везу. Думал, что едем кому-то помочь. Но когда я остановилась в поле, он непонимающе посмотрел на меня:

— Куда мы едем?

— Никуда,— заглушила я автомобиль. — Давай помолимся.

Я коротко попросила у Господа благословения на нашу беседу и спросила:

— Тебе нравится твоя жизнь среди молодёжи?

— Да,— настороженно ответил он. — А почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что беспокоюсь за тебя и за тех, кого ты так больно ранишь и поведением, и языком. Твоя дружба с девочками к добру не приведёт.

Он низко опустил голову и слушал меня, не перебивая.

— Вы сейчас бездумно расплёскиваете свои чувства направо и налево, а когда придёт время вступать в брак, будете такими бедными и пустыми, что не сможете создать счастливую семью.

— Как же мне победить себя? — искренне спросил он, глядя мне в глаза. — Я хочу исправиться, но не знаю как!

— Юность — это время любви, время для осознанной и глубокой любви. Тебе прежде всего надо всем сердцем, всеми силами души полюбить Господа Иисуса. Это начало всех начал, это залог и фундамент счастливой и настоящей жизни. Если тобой будет руководить любовь к Господу, твоя жизнь будет просто прекрасной! У тебя будет успех, у тебя будут хорошие друзья, ты сможешь принести много плода, прославишь своей жизнью Господа, создашь хорошую семью.

Там, в поле, мы искренне молились и со слезами просили у Господа милости. Мой собеседник очень хотел иметь

благословения. Он плакал и просил прощения за недостойную жизнь.

После этого разговора он какое-то время шёл хорошо, одерживал победы, а потом старая песня повторилась. Впоследствии он вновь покаялся, принял крещение и вскоре женился на сестре из Ольгино.

Прошло много лет. Состарилась уже не только я, но и этот когда-то молодой парнишка.

— Вы меня узнаёте? — после одного из богослужений спросил меня высокий, крепкий, с густой проседью брат.

Да, среди приехавших к нам гостей я сразу узнала его, хотя мы виделись очень давно.

— Хочу поговорить с вами,— сказал он, и я уловила в его голосе печаль.

Мы вышли во двор молитвенного дома. Прежде чем заговорить, брат заплакал. Я встревожилась: что-то, наверное, случилось!

— Хочу попросить у вас прощения,— начал он, вытерев слёзы. — В юности я причинял вам много тревог и был непослушным, пренебрегал вашими наставлениями...

Встреча константиновской молодёжи в Германии, 1998 год

Он перевёл дух. Я чувствовала, как ему тяжело, и, сострадая, замерла.

— Вы много сделали для меня, у вас было столько любви и терпения! А я не ценил этого. Я не думал, что мне придётся жать посеянное. И жать обильно. У меня большая семья. Но дети, подрастая, становятся очень непослушными... Все мои старания сделать их лучше — бесполезны. Им не помогают ни увещания, ни наказания... Мы с женой много об этом молимся, но кажется, Бог нас не слышит. Однажды я вспомнил, как не слушал вас. Меня это сильно осудило. Я просил прощения у Господа, а теперь и у вас прошу — простите меня!

Я плакала вместе с ним. О, если бы он в юности покорился Духу Святому и выбрал путь святости, ему не пришлось бы жать такие горькие плоды!..

Мы расстались в глубокой надежде на Божью милость. Только Господу под силу выправить то, что мы так беспечно искривляем.

Моя надежда

День за днём жизнь стремительно несла меня вперёд, всё ближе и ближе к желанной цели. Мои ровесники, как и я, состарились, а церковь заметно помолодела. Дети, подростки, молодёжь заполнили скамейки в молитвенном доме.

Прошли годы гонений. Враги дела Божьего выдохлись, а Церковь, испытанная в огне, стала ещё краше. Чинно и благоговейно проходят богослужения, стройно поют хоры, играют оркестры, звучат вдохновенные проповеди. Христианской литературой изобилует каждый дом, а Библия есть не только у всех проповедников, но и у каждого подростка. Слава за всё это принадлежит Господу Иисусу!

Когда наша Лена вышла на пенсию и уехала к своему Мите, мы с Катей остались вдвоём. Для нас это были лучшие годы. В нашем доме по-прежнему собиралась молодёжь, мы много пели, молились, вместе читали Библию.

Катя рано приняла крещение, была скромной и богобоязненной. В церкви она вела занятия с детской группой.

Весной 1985 года Катя вышла замуж. Однако на этом наша дружба не закончилась. Новая семья стала жить в нашем доме. Я рада была служить молодым и принимать их услуги.

В 1990 году, вместе со многими родственниками, мы переехали в Германию.

Я не переставала благодарить моего Господа за всё, что Он каждый день выделял мне. Это были дивные благословения! У меня появилась коляска, на которой я свободно могла выезжать из дома прямо в сад и любоваться цветами и деревьями. За всю свою жизнь я не видела таких цветов и кустарников, какие окружали меня и восхищали своим цветеньем!

Без особых трудностей Катя стала возить меня в молитвенный дом на богослужения. Об этом ни говорить, ни вспоминать невозможно без слёз радости и благодарности Богу. Слава, слава нашему Господу за всё!

Мы с Леной

Годы благоденствия летят гораздо стремительнее, чем годы, наполненные страданиями.

— Бабушка, а вам завтра девяносто лет! — звонко произнесла маленькая девочка, влетая в мою комнату.

Она явно подслушала разговор взрослых и не замедлила поделиться этой «новостью» со мной.

— Да, дорогая, девяносто! — рассмеялась я и, взяв со стола большое краснобокое яблоко, протянула малышке: — Возьми, это тебе приз за важное сообщение!

Девочка взяла яблоко и

помчалась обратно. А я погрузилась в воспоминания...

Девяносто лет. Девяносто долгих, порой невыносимо трудных, а порой отрадных и счастливых лет позади. Я стала совсем ветхая. Тело моё износилось, но мне кажется, что через прорехи в нём проглядывает всё такая же молодая и полная сил, готовая вырваться из него душа.

Да, я практически ничего не вижу, плохо слышу и ничего не могу делать сама, однако моя душа не перестаёт слагать дивному Господу песнь хвалы. Я томлюсь по тем высотам, где живёт мой дорогой Спаситель. Лишь там я, наконец, обрету новое тело, которому будут чужды немощи и боли!

Никогда не думала, что достигну такой глубокой старости с моим истерзанным телом. Сколько всего пережито! Сколько бурь и гроз было на моём пути! Сколько раз ураганы гнули и ломали меня, и почти всегда я была уверена, что вот этот шквал будет последним на моём пути...

Сколько раз я попадала в такой мёртвый штиль, что, казалось, не только люди, но и Бог забыл обо мне! Однако Он всё это время бережно нёс меня на Своих сильных руках. Он очень любил меня и ждал, когда я пожелаю встретиться с Ним. Он учил меня не только ходить. Он научил меня парить на крыльях веры! Он поднимал меня на такие высоты, от которых захватывало дух и с которых всё пережитое казалось крошечным и совсем неважным.

Сейчас я чувствую, что время моё близко. И лодка моя, хоть и потрёпанная штормами и ураганами, быстрей и быстрей скользит по спокойному теперь уже морю к столь желанной и милой моему сердцу тихой пристани, где я воочию увижу ласковые и нежные Руки, пронёсшие меня по жизни. Самые надёжные Руки.

Вместо эпилога

Празднуя юбилей дорогого человека, благословенной старицы Зузанны Шрейдер, друзья и родственники не могли не поделиться тем, что хранила их память, чем дорожило их сердце. Вот что говорили некоторые из них.

Кто бы мог подумать, что Зуза со своими немощами достигнет такой глубокой старости?! Да никто! Это Господь сделал такое чудо, чтобы Его имя прославилось. Я вижу, что Он, как всегда, не ошибся — наша сестра прожила свою жизнь так, что все мы могли своими глазами видеть Божью славу и Его величие!

Двоюродный брат

Зуза в молодости соединила свою жизнь с Господом и могла много послужить Ему. Она очень много делала для людей. Хотя ноги её не могли ходить, но руки много делали — и для нас, родных братьев и сестёр, и для других людей. И лично для моей семьи она сделала очень много.

Она любила Господа, была верна Ему, и за это Он её не оставил. У неё есть дочь, есть зять, есть внуки и даже правнуки. Это настоящее чудо, и мы — свидетели этого чуда!

Родная сестра

Никогда не забуду того добра, которое сделали для меня Шрейдеры. В трудные, жуткие годы, когда ни у кого ничего не было, я бессчётное количество раз подходила к их дверям. Они никогда не были закрыты для меня. Я всегда что-то получала, потому что тётя Зуза могла отдать последнее и единственное…

Не так давно мы разговаривали с ней по телефону, и она сказала: «Я со своей Катей ездила сегодня в магазин…» У меня сердце ёкнуло от радости: слава Богу, у неё есть Катя! Её Катя! Кто-то может даже позавидовать этому. Господь действительно до самой седины, до глубокой старости не оставил Своё дитя!

Племянница

Я помню, как она сшивала наши учебники — растрёпанные, распавшиеся на отдельные листы. Тётя Зуза так хорошо их сшила! Нам эти книги нравились больше, чем новые.

Брат во Христе

Не могу не благодарить свою сестру за то добро, которым она щедро одаривала меня. Думаю, что обо мне она заботилась больше всех. Я ведь был младшим в семье, поэтому она со мной очень

много занималась. Потом и за моими детьми присматривала, помогала, пока они были маленькими.

Это прекрасный, сильный человек, с большим и горячим сердцем!

Родной брат

Я уже давно взрослая, но годы не могут стереть картин детства, хранящихся в памяти. Кто читал нам первые немецкие сказки? Кто учил нас читать, декламировать стихи? Тётя Зуза! Она учила меня шить. Моя первая юбка — всегда была самой лучшей и любимой юбкой.

Тётя Зуза всем помогала и словом и делом, и забыть это просто невозможно. Спасибо вам, дорогая тётя!

Племянница

Её любовь к Богу выражалась в том, что она любила нас, подростков, и посвящала нам очень много времени. Она не оставила нас, когда учителя и дружинники ходили по домам, заглядывали в окна — искали, где проходят наши собрания. Они хотели нам мешать. Ей грозила тюрьма, но она всё равно не оставила нас.

Ей дорог был каждый, она очень хотела, чтобы все мы познали Бога. Она была для нас путеводителем, наставляя и направляя на верный путь.

Мы доверяли ей всё самое сокровенное, и она переживала с нами, молилась о нас, учила нас хранить чистоту души и любить Господа.

Мы очень любили наши подростковые, а потом и молодёжные собрания, никто не пропускал их без уважительной причины.

Тётя Зузанна сумела научить нас сострадать нуждающимся. Помню, как мы поехали к одной старице за тридцать километров от нашей деревни. Мы купили и привезли ей матрац и одеяло. Как она радовалась! А нам тоже было очень приятно, в отдаче мы испытали блаженство.

Она учила нас красиво писать тексты из Библии, а потом фотографировать их и делать поздравительные фотооткрытки. Многие из нас участвовали в переплёте христианских книг, писали «синькой» лишь благодаря тому, что тётя Зуза учила и побуждала нас жертвенно служить Богу.

Для меня она всегда была добрым примером всецело посвящённой Богу жизни.

Сестра во Христе

Я бы сказал, что в доме Шрейдеров, особенно в той комнате, где жила Зузанна, был храм Божий. Кто испытывал нужду, кто находился в печали, кто попал в тупик, мог прийти к этой сестре со своей ношей и получить облегчение. Она действительно была благословением — знала, чем утешить человека. Это потому, что она сама была утешена великим Богом. В Нём она черпала и мудрость, и силу. В ней жил Дух Божий, и она всегда старалась направить человека на истинный путь. Я тоже один из тех, кто находил в общении с Зузанной утешение и поддержку.

Брат во Христе

В моём понимании тётя Зузанна из-за своего положения не могла сделать ничего особенного. Но увы! Она сделала очень много. Это удивительно!

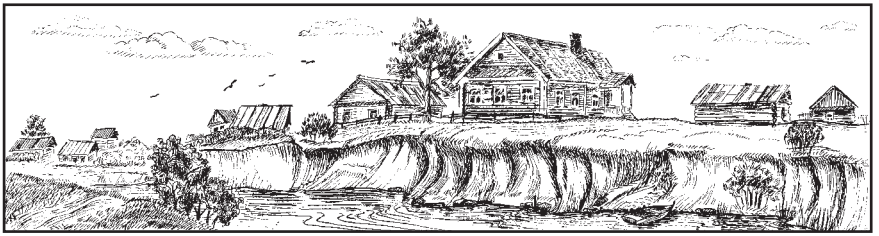
Взять хотя бы её почерк. Редко кто так красиво пишет, как она. Не перечесть всех тех письменных работ, какие она сделала! Начиная от председателя колхоза и кончая детьми, она всем когда-то что-то писала. А шитьё? В трудные годы она шила одежду для всей деревни! Кому-то — за плату, а многим и многим — совершенно бесплатно...

Она была живым свидетелем Божьей милости и для родственников, и для односельчан. Она была настоящим светом!

В Писании сказано, что Бог избрал для Себя немощное, чтобы посрамить сильное. Это на самом деле так. Есть много умных, сильных людей, но вряд ли кто из них сделал для людей столько, сколько сделала тётя Зузанна! Она смогла отдать себя в Божье распоряжение, и Он через неё прославился.

Помог бы нам Господь быть такими людьми, которых Он использовал бы для благословения других.

Брат во Христе



Юстина Мартенс

Бог, видящий меня

И нарекла Агарь Господа, Который говорил к ней, сим именем: Ты Бог, видящий меня.

Быт. 16, 13

От редактора

История российских немцев, о которых рассказывает данная быль, началась во второй половине XVIII века. В ту пору на престол Российской империи взошла Екатерина II. Во время её правления территория России значительно увеличилась за счёт присоединения Крыма, Причерноморья и некоторых других земель. Правительница понимала, что для их освоения нужны старательные, привычные к труду люди. Немка по национальности, она хорошо знала, как умело и добросовестно использовались земельные ресурсы в Европе. Поэтому 4 декабря 1762 года она издала манифест, который гарантировал всем иностранцам, желающим поселиться в России, бесплатное получение земель, льготы в налоговой сфере, освобождение от воинской повинности и многое другое.

Немцы стали переселяться в Россию в надежде воспользоваться льготами и привилегиями, которые щедро сулила императрица. Весьма показательно то, что люди переселялись не в обжитые места, а в земли дикие и пустынные. Тем не менее они создавали колонии, строили города. В их семьях десятилетиями сохранялись не только национальные традиции и культура, но и язык.

После смерти Екатерины II стали меняться и международные отношения с европейскими государствами, и внутренняя политика страны. Всё это не могло не сказаться на жизни русских немцев.

Глава первая,
в которой всё начинается

Надеюсь, читателю известно, как, почему и зачем на территории могучей Российской империи появилось село с немецким названием Клефельд. Практически все его жители были представителями германской нации. По крайней мере, так было в далёком 1896 году, когда в этом селе, в семье Генриха и Зары Мартенс, родилась дочь Юстина, то есть я.

Я была не первым ребёнком в нашей большой семье. Моя мама первый раз вышла замуж за вдовца с тремя детьми. После шести лет совместной жизни он умер, оставив маме ещё троих детей: Петю, Яшу и Зару. Троих старших, как круглых сирот, забрал опекун, несмотря на то что они очень хотели остаться у приёмной матери.

Во втором браке мама родила семерых детей, двое из которых умерли в раннем детстве. Из пятерых живых я была старшей. Мой брат Генрих родился в 1900 году, Абрам — в 1903, а сёстры Мария и Лена — в 1906 и 1911 соответственно.

Немцы в России основывали посёлки по принципу общности вероисповедания. Так меннониты селились отдельно от лютеран, а те, в свою очередь,— отдельно от католиков. Поэтому практически все односельчане относились к одной конфессии и формально считались верующими. На самом же деле лишь некоторые из них были искренними, рождёнными свыше христианами. К числу этих немногих относилась и моя мама. Сказать подобное о папе я, к сожалению, не могу. На момент моего рождения и довольно долго после того он только считался верующим. То же самое можно сказать и об остальных моих братьях и сёстрах.

Поскольку это повествование — в первую очередь о моей жизни, то нужно заметить, что за первые полтора де-

сятка лет ничего знаменательного кроме учёбы в школе со мной не произошло. Однако и школа заслуживает упоминания только потому, что она привила мне любовь к книгам, и это наложило некоторый отпечаток на формирование меня как личности. Поначалу я читала всё, что попадалось мне под руку.

После шести лет обучения в школе я стала помогать матери по хозяйству, но моя страсть к книгам не ослабела, поэтому вечерами родители часто выговаривали мне за то, что у меня больше времени уходит на чтение, чем на штопанье чулок и латание брюк. Однако индейцы и людоеды интересовали меня намного больше, чем домашние дела. Это не значит, что дома у нас царил беспорядок. Моя старшая сестра Зара, к примеру, совсем не любила читать. Она предпочитала шить. Рано научившись этому ремеслу, она много шила для людей.

Мои родители — Генрих и Зара Мартенс

Наша мама умела содержать дом в идеальном порядке и при этом всегда находила время для хороших, задушевных бесед со своими детьми. Она любила читать нам Библию, самую главную книгу. К сожалению, мы тогда мало ею интересовались.

Мама очень хотела иметь общение с церковью, но молитвенного дома в нашей деревне

не было. Некоторые семьи из нашего села, будучи членами церкви братских меннонитов, ездили на богослужения в Риккенау. Мама одна не решалась ездить, а папа считал, что братья в Риккенау — настоящие фарисеи, потому что громко молятся, тогда как Бог слышит тихие молитвы за закрытой дверью.

Мама много рассказывала нам о Боге, о Христе. Особенно она любила читать нам Откровение Иоанна, напоминая о восхищении верующих и ужасном положении тех, кто будет жить на земле в период царствования антихриста. Мысль о том, что я могу остаться на великую скорбь, пугала меня до мурашек.

Однажды во время жатвы мы на подводе возили с поля пшеницу. Основательно припекало солнце, невыносимо хотелось пить, но выпитая вода сразу же выступала на теле, совсем не утоляя жажду. Единственным спасением была вишня. Когда мы подъезжали к дому, нам навстречу выходила мама с полным фартуком свежесорванной ароматной ягоды, которую мы тут же с аппетитом поглощали.

Папа в это время был в мастерской — подготавливал приспособления для молотьбы. Когда подвода в очередной раз подъехала к нашему двору, я увидела, что дверь в мастерскую заперта. Меня это насторожило, поскольку я знала, что папа торопится закончить все приготовления, чтобы как можно скорее начать молотить. Мамы тоже нигде не было видно. И тут у меня в голове мелькнула мысль, от которой внутри всё похолодело. До сих пор помню ощущение оставленности, безвыходности и панического страха. Было три часа дня, солнце палило немилосердно, но мне вмиг стало прохладно и совсем расхотелось пить.

«Было восхищение, а я осталась!» — подумала я и тут же попыталась отбросить эту мысль.

«На улице жарко, и родители пошли в дом немного отдохнуть»,— решила я.

Но худшие опасения подтверждались, так как в доме, куда я кинулась со всех ног, никого не было. Конечно, родители вскоре нашлись. Оказалось, что у мамы в саду развязался фартук, и ей пришлось собирать рассыпавшуюся вишню.

А папа ходил в кузню. Но вопрос спасения уже не переставал волновать меня до тех пор, пока я не обратилась к Богу с покаянием.

Произошло это в 1913 году. Осень тогда была длинная, всё никак не хотела уступать место зиме. Давно уже сельчане собрали последний урожай, сложили всё в закрома, амбары и хранилища и со спокойной совестью готовились встречать зиму. В это время в село обычно приезжали благовестники из Риккенау и проводили собрания в школе, в актовом зале. Люди охотно приходили послушать стройное пение и прекрасные рассказы о Божьем величии и Его чудных делах. Так было и в этом году.

По селу пронеслось известие, что вечером будет собрание. Из нашей семьи пошли родители и старший брат с сестрой — Петя и Зара.

На том собрании Божье слово по-особому коснулось сердца матери, и она обновила своё покаяние, всецело отдав себя в распоряжение Господа. В молитве она слёзно просила милости для мужа и детей.

К великому сожалению, родители не смогли посещать эти благословенные собрания, так как нельзя было отменить запланированную поездку к родственникам.

Перед отъездом мама сказала мне:

— Юста, тебе пора обратиться к Богу. Ищи Иисуса, только с Ним ты будешь счастлива.

«Не такая уж я и плохая,— подумала я,— зачем мне каяться? Целыми днями сижу дома, у меня нет неверующих друзей. Я много читаю, правда, иногда и нехорошие книги, но в остальном у меня всё нормально. Вот мои старшие братья и сёстры общаются с сельской молодёжью, у них, наверно, много грехов. Им, конечно, уже пора каяться».

Родители уехали, и мы остались одни.

Вечером Петя с Зарой ушли на собрание, а я была дома с младшими сёстрами — Марией и Леной. Уложив их в постель, рассказала им несколько историй, и они быстро уснули.

Мне не терпелось дочитать рассказ про индейцев, однако сосредоточиться на чтении я никак не могла. На сердце у меня появилась тревога, в памяти звучали слова матери,

сказанные на прощание. Я пыталась заглушить голос совести, но это было бесполезно.

«Что же делать?» — подумала я, захлопнув книгу.

Мне вспомнился мамин совет — лучше читать Библию, чем тратить время на пустые и порой вредные книги. В темноте я пошла в гостиную и на ощупь взяла со стола книгу. Думая, что держу в руках Библию, я решила прочитать то, что откроется. Подойдя к лампе, увидела, что это не Библия, а песенник, и мой взгляд упал на слова: «Быть может, Спаситель наш скоро придёт, что станешь ты делать тогда? Спасённых Он всех в Своё Царство возьмёт, закроется дверь навсегда...»

Тревога на душе усилилась. Девочки крепко спали, и мне стало страшно одной в доме. Я подошла к окну посмотреть, не идут ли мои родные. Вдруг открылась дверь, и в комнату вошли Зара и Петя. Я надеялась, что они сейчас расскажут что-нибудь и моя тревога развеется. Но брат с сестрой сказали только, что многие из молодёжи и даже некоторые из подростков обратились к Господу.

«Конечно, им надо каяться,— подумала я,— они настоящие грешники! Я же совсем не такая...»

На следующий день я заметила, что Зара необычно молчалива и печальна. Мне тоже было невесело. Я старалась отгонять мысли о своей греховности и напряжённо искала в памяти оправдание многим своим словам и поступкам.

Перед обедом к нам зашли два служителя из соседней деревни. Они посещали сельчан и приглашали на вечернее собрание. Петя и Зара встретили их с радостью и пригласили в гостиную. Братья позвали и меня, но я не захотела с ними общаться.

Услышав пение в гостиной, я почувствовала, как в моей душе всё перевернулось. Я не могла оставаться в доме и вышла во двор. Спрятавшись за амбаром, я стала плакать, жалея себя. Я понимала, что мне нужно каяться, но думала: «Только не через уговоры братьев!» Мне казалось, что благовестники принуждают людей обращаться к Богу.

Когда братья ушли, я вернулась в дом. Навстречу мне выбежала Зара, сияющая от радости:

— Юста, я покаялась! У меня теперь так хорошо на сердце! Я так рада! Петя тоже покаялся!

Петя с Зарой до позднего вечера пели песни, а я всё это время чувствовала себя самым несчастным человеком.

Не выдержав ликующей атмосферы в доме, я снова ушла за амбар и стала горько плакать. Я вдруг почувствовала себя большой грешницей, обнаружила в себе множество грехов. Словно придавленная тяжёлым бременем, я не переставала плакать.

«О, если бы кто-нибудь из братьев пришёл к нам и помог мне!» — думала я, утирая горькие слёзы. Продрогшая от вечернего холода, я зашла в дом и встала у окна. Неожиданно на нашей улице появился служитель. Он куда-то спешил.

«Вот если бы он зашёл к нам! — подумала я. — Но он сегодня уже был здесь...»

И тут я увидела, что служитель поворачивает в наш двор! Старших в доме не было, и встречать гостя довелось мне. Открыв ему дверь, я тут же заплакала. В это время в дом зашли Петя с Зарой.

— Что у вас случилось? — с тревогой спросил служитель.

Он рассказал, что был в магазине и почувствовал сильное побуждение зайти к нам на обратном пути. Однако он подумал, что этого не следует делать, так как был у нас перед обедом. К тому же дома его ждут гости, и он должен спешить. И всё-таки мысль о том, что надо зайти, не оставляла его, и он, проходя мимо, заглянул на минуту.

В лучшую пору своей жизни

— Я хочу покаяться,— сквозь слёзы проговорила я, как только он закончил свой рассказ.

Служитель зашёл в гостиную, прочитал наизусть текст из Послания апостола Петра: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию», и пригласил к молитве. Я плакала, но молиться не могла. Служитель помолился обо мне и попросил у Бога милости для меня.

— Приходи сегодня на собрание,— пригласил он, уходя.

Теперь мне сильно хотелось пойти на собрание. Дома с девочками осталась Зара.

Как только проповедник призвал к молитве, я сразу же упала на колени и стала громко просить у Бога прощения. Он услышал мою молитву и наполнил моё сердце глубоким покоем.

Домой я летела как на крыльях. Моё сердце ликовало. Мне казалось, даже звёзды приветствуют меня и поют о том, что небо теперь — моя родина. Весь мир мне казался новым и внутри меня всё стало другим. Я заново родилась, родилась для новой жизни с Богом и для Бога!

Покаявшись и получив спасение, оправдание и мир с Богом через Иисуса Христа, мы начали усердно молиться о нашем папе. Нам хотелось поделиться с ним своим счастьем и радостью общения с Богом, но мы понимали, что только Господь может возродить его к этой новой жизни, нам это не под силу.

Как-то раз в субботу мы готовили ужин, а папа беспокойно ходил взад-вперёд по гостиной. Было видно, что в его душе происходит борьба. Все мы волновались за него, нам хотелось, чтобы добро победило, чтобы его душа повернулась к Богу и пожелала общения с Ним. Нам всем хотелось как-то помочь папе, и наконец Зара решилась.

Она подошла к нему, обняла его и спросила:

— Папа, вы хотите идти с нами на Сион?

— Да, дочка, очень хочу,— без промедления ответил он и тут же ушёл в амбар.

Там, вдали от людских глаз, произошло чудо — Генрих

Мартенс, мой дорогой и любимый папочка, получил новое сердце, раскаявшись перед Богом в своих грехах.

Не было предела радости, наполнившей сердце папы, а вместе с ним — и наши сердца. Не помещалась она ни в амбаре, ни в нашем уютном домике. Что поделаешь — таково уж свойство радости: ею надо делиться! И чем больше радость, тем больше хочется говорить о ней и петь. А разве есть радость больше той, которую даёт Бог, прощая грехи?! Именно такую радость обрела наша семья, и мы все вместе молились, пели, благодарили Бога за то, что Он простил и принял нашего папочку. Радость наполняла и переполняла наш дом, и в тот же вечер мы вместе с папой отправились на молитвенное собрание, которое проводили в нашей деревне братья из Риккенау.

Так мы стали посещать богослужения всей семьёй. Бог работал в моём сердце, и через некоторое время я приняла

Моя семья. Стоят (слева направо): Абрам, Пётр (брат по маме), Зара (сестра по маме), я, Яков (брат по маме), Генрих. Сидят: мама, Лена, папа, Мария

окончательное и бесповоротное решение следовать за Ним.

В сентябре 1914 года, в одном из небольших притоков реки Молочной, что в Запорожской области Украины, была погребена старая греховная природа молодой ещё Юстины Мартенс. В присутствии множества людей, стоящих на берегу, я обещала моему Господу быть верной Ему и от всего сердца желала исполнить своё обещание. Среди свидетелей этого торжественного события были и мои родители.

Когда всё закончилось и люди стали расходиться, к папе подошёл пресвитер и, приветливо положив руку на плечо, проникновенно сказал:

— Ягнята идут впереди, а овцы — за ними.

Папа не мог освободиться от влияния этих слов, и, едва дождавшись весны, они с мамой тоже крестились. Так все мы стали членами общины братских меннонитов. У нас в деревне начали проходить хорошие богослужения. В воскресенье молитвенный дом всегда был полон — многим хотелось в этот день поклониться Богу. По средам мы разбирали Священное Писание. По четвергам у нас проходили молодёжные собрания — причём братья и сёстры собирались порознь. По субботам вся община собиралась на молитвенный час. Многому мы учились у старых, опытных братьев, которые приезжали к нам из Риккенау.

В нашей общине был организован хор, в котором я пела до 1930 года. Состав хора постоянно менялся — молодые приходили, а кто постарше — уходили, в основном из-за семейных обстоятельств. Только я оставалась на своём месте, как старая хористка. С молодёжью я чувствовала себя молодой. Они любили меня, а я любила их. Моя молодость в родительском доме была счастливой, беззаботной и благословенной. Хотя я и не вышла замуж, мне никогда не приходилось скучать. Я всегда была окружена любовью.

Я действительно жила под кровом Всевышнего и покоилась под сенью Всемогущего. Уже в глубокой старости я оглядываюсь на свою долгую жизнь, и мне очень хочется прославить Господа, присвоив себе слова псалмопевца Давида: «Господь — крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце моё, и Он помог мне...»

Глава вторая,

которая повествует о лишенцах и «чуждых элементах»

Наступил 1930 год. Остались позади неимоверно трудные времена. Закончились страхи, связанные с революцией, утихли ужасы Первой мировой войны, ослабла боль от произвола махновцев.

Отношение русских к немцам, проживавшим многие годы бок о бок с ними, в одночасье переменилось с началом войны. Тех, кого раньше уважали, к кому ходили за советом, а нередко и за помощью, стали ненавидеть и подозревать в самых немыслимых преступлениях.

Немцы выполнили свою задачу — обжили необжитые места, и теперь их можно было отправлять дальше, за что правительство и принялось с воодушевлением. Нас приравнивали к кулакам и выселяли куда подальше. Не в Германию, конечно, а в противоположную сторону — в Сибирь и на Урал.

О, это были жёсткие времена! Туго приходилось переселенцам. Вдоволь было лишь горя, снега и мороза. Всего остального критически недоставало. Надежда, тепло, пища, одежда — всё было на исходе, а зачастую и вовсе заканчивалось. Люди шли в неизвестность неподготовленные, практически без средств к существованию. Первыми не выдерживали дороги дети. Взрослые тоже далеко не все доходили до места назначения.

В наш дом беда пришла 4 октября. Специальная комиссия бесцеремонно описала всё, что у нас было. Наступила последняя ночь в отцовском гнезде, после которой наша семья уже никогда не имела возможности жить вместе...

В воскресенье утром пришёл какой-то начальник из комитета незаможных селян и приказал вынести все вещи во двор. Их должны были продать с аукциона. Дом быстро опустел, осталась только кровать, на которой лежала мама. (После операции на ноге ей предписали постельный режим.) Через несколько часов из соседнего села приехали на подводах русские. Они быстро погрузили все наши вещи, которые никто не покупал, и увезли.

Глядя на происходящее, папа натруженной рукой вытер слёзы и смиренно сказал:

— Бог дал, Бог и взял. Да будет имя Господне благословенно!

Так мы стали бездомными. Вернее, у нас остался только один дом, отнять который никто не мог. Этот дом лучше любого дворца и надёжней любой крепости. Там нас ожидал Тот, Кому нет равных во вселенной. Я любила Его и была совершенно уверена в том, что Он никогда не оставит нас, не предаст. Он не допустит, чтобы кто-то лишил нас нашего вечного дома. Сознание этого успокаивало, утешало и согревало моё трепещущее сердце.

«О, желанная родина! — думала я в трудную минуту. — Когда уже мы достигнем твоих пределов?!»

Вечером того же печально памятного дня мы с Марией пошли искать квартиру, так как на следующий день наш дом должны были ломать. Переходя от дома к дому под проливным дождём, мы всюду получали отказ. Все боялись впускать к себе «преступников», как нас называли. Казалось, небо рыдает вместе с нами...

С сестрой Марией

Пристанище мы так и не нашли. Промокшие и озябшие, вернулись к своему разорённому гнезду. Надвигалась ночь, и надо было думать о ночлеге. Мы принесли с сеновала соломы, постелили сверху какие-то тряпки и легли прямо в одежде. Но сон не приходил.

Я помню последнюю ночь в родном доме, как будто это было вчера. Тысячи мыслей штурмовали голову. Неясные воспоминания, смутные образы толпились вокруг, не

давая уснуть. Горько было от сознания, что мы спим в родном доме украдкой, он уже не наш.

Наш дом и подворье до разрушения

Мысли умчали меня в прошлое и стали рисовать в памяти прекрасные картины. В этой комнате проходило моё счастливое детство. Здесь я делала уроки. Здесь мы все вместе молились Богу и пели. А сколько гостей, сколько братьев побывало здесь! В этой гостиной находили приют странствующие проповедники. Во время палаточного благовестия здесь всегда ночевали благовестники. Стены этой большой комнаты — свидетели многих и многих задушевных бесед и молитв.

Удивительным свойством обладает память — когда мы думаем о том, что было, она прячет всё неприятное и выставляет на обозрение самые счастливые моменты. Но потом мы начинаем думать о том, что будет, и тогда воображение рисует нам самые мрачные перспективы, какие только могут нас ожидать...

Утром из Мелитополя вернулся папа с Яковом. Они ездили продавать лошадь — единственное движимое имущество, за которое можно было выручить хоть немного денег и которое не успели конфисковать. Однако продать лошадь им не удалось.

Родители решили ехать к маминым сёстрам в Мемрик. Яков обещал позаботиться о деньгах на дорогу. Мы с Марией и Леной ещё не знали, куда податься. Но Бог уже позаботился о нас. К обеду пришёл один брат из церкви и предложил нам поселиться у него в летней кухне. Мы сразу же стали собирать всё, что осталось после разорения: постель, посуду, мешок муки, продукты в погребе и штук сорок кур.

Гостеприимная семья выделила нам кухонный стол,

лежанку и кровать. Два дня родители побыли с нами, а потом Яков отвёз их на вокзал. Изгнанные, бездомные, без средств к существованию, они отправились в неизвестность, положившись только на Божью милость.

Мы обустраивались на новом месте как могли, готовились встречать зиму. Наши братья отремонтировали во флигеле печку. Дрова и навоз для топки привезли с нашего бывшего двора. Еды тоже хватало. Однако мы, что называется, рано радовались. Наш покой длился всего две недели.

Как-то раз перед заходом солнца пришёл наш Генрих и сказал, что мы должны уехать из села. К нему приходил хороший знакомый и сообщил, что должностные лица из города интересуются нашей семьёй, утверждая, что Мартенсы должны быть судимы.

Для нас это было очередным ударом. Что нам делать? Можно поехать к родителям, а дальше? Будущность заволакивало тёмным покрывалом, но сетовать было некогда. Мы стали готовиться к отъезду. Взяли с собой только одежду и немного еды.

Куда бы мы ни подались, нас отовсюду гнали. Горько было на душе от сознания, что мы везде лишние только потому, что являемся немцами. Единственным нашим утешением был Небесный Отец, любящий всех Своих детей, независимо от национальности. Он ведёт нас тем путём, которым нам должно пройти, и это — лучшее, что только возможно для нас. Это понимание вселяло в нас мир и спокойствие.

Родители встретили нас с недоумением. Ещё бы! Пятеро бездомных, лишённых всяких средств к существованию, были полностью зависимы от милосердия ближних.

После долгих рассуждений родственники решили, что Мария с Леной пойдут к маминой сестре, а родители будут жить у других братьев и сестёр по очереди. Только я оставалась не определённой, и мне посоветовали вернуться пока в Клефельд. Если же оставаться там будет опасно, тогда уже забрать вещи и приехать к родителям.

С тяжёлым сердцем возвращалась я в родное село. Понятное дело, что там было опасно, иначе мы не уехали бы оттуда. Но другого выхода не было. Я понимала, что родные

оставили бы меня у себя, будь у них хоть какая-то возможность. «Ты Бог, видящий меня»,— сквозь слёзы повторяла я в молитве, вспоминая Агарь.

На следующий день я вернулась в Клефельд. Меня принял к себе наш Генрих с Нетой, несмотря на то что у них было слишком тесно. Неделю я жила у них тайно, так как боялась ареста. Я вздрагивала от каждого шороха, а ночами, когда в трубе завывал ветер, мне казалось, что в дверь стучат представители власти. Я вскакивала и настороженно прислушивалась.

— Не могу больше так! — наконец сказала я Генриху. — Надо или жить открыто, или уезжать отсюда.

Решили, что мне лучше остаться. В воскресенье я пошла на собрание. Моё появление для всех было неожиданным. Особенно для хористов. Я ведь всегда пела в хоре, а потом вдруг исчезла. В то время исчезновение того или иного человека не было сенсацией. Многие, не дожидаясь, когда их вышлют, сами уезжали кто куда. Теперь в деревне стало известно, что я вернулась, но всё было спокойно. Я ходила на спевки, посещала с друзьями соседние общины. Никто из властей мной не интересовался.

Я сильно тосковала по родным, ведь мы ещё никогда не разлучались на такое длительное время. Не имея своего жилья, я везде чувствовала себя чужой. Вечерами, когда становилось темно, ходила на наш бывший двор. Там всё было разрушено, остались только кучи кирпича и глины. Всё, что мы годами с большим трудом строили, было бесчеловечно уничтожено.

Красивый двор, которым многие любовались и которым я всегда гордилась, был превращён в развалины. Глядя на разруху, царившую на нашем дворе, я с трудом сдерживала слёзы. Я часто вспоминала папины слова: «Бог дал, Бог и взял...» Конечно, прежде чем он произнёс это от всего сердца, ему пришлось пережить большую борьбу.

«Мы теперь на самом деле странники и пришельцы,— думала я. — Земля — не наша родина. Бог приготовил нам на небе новое, вечное жилище. Уж его-то никто не разрушит и не отнимет!»

В январе 1931 года я получила от родителей письмо. Они сняли квартиру и приглашали меня к себе. Трудно передать, с какой радостью я упаковывала свои скромные пожитки и готовилась к переезду! В начале февраля была уже у них.

Болезненная от рождения, я не могла тяжело работать, поэтому жить с родителями мне было гораздо легче. Однако то, что они называли квартирой, на самом деле было маленьким флигелем. Печка в нём никуда не годилась. Папа топил её соломой, которую нужно было носить издалека по глубокому снегу.

Я принялась шить фартуки и бельё, помогая тёте — папиной двоюродной сестре. За эту работу хорошо платили картофелем, яйцами и маслом. Родственники дали нам мешок муки, добрые люди привезли картошки, так что мы всегда были сыты и не терпели особой нужды. Однако в мае нам пришлось освободить флигель: к хозяевам приехали родственники, которых тоже раскулачили и выгнали с насиженного места.

Одна из маминых сестёр предложила нам свою летнюю кухню, и мы переехали к ней в Кашиново. Родные и друзья много заботились о нас, совершенно бесправных, хотя в деревне таких было немало — чуть ли не в каждом доме жили «лишенцы», как нас называли в народе.

Через короткое время волна беспокойства подкатила и к Кашиново. В народе прошёл слух, что в селе много «вредителей» и с ними будут что-то делать. Приближалась Пасха. В пятницу мы ходили на собрание, всё вроде было тихо и спокойно. Но суббота преподнесла неожиданности.

Утром муж маминой сестры встревоженно рассказал нам, что происходит в селе. К дворам подгоняют подводы и приказывают грузить в них «чуждые элементы» с вещами. Было приказано к вечеру очистить село и вывезти всех «чуждых» в глубокий овраг, расположенный в пятнадцати километрах от села.

Поскольку мы понимали, что напрямую относимся к «чуждым элементам», то, конечно же, сильно забеспокоились. Дядя посоветовал папе уйти в русское село, а мне с мамой сидеть в доме и совсем не выходить на улицу. Возможно, таким образом получится остаться на Пасху. Так мы и сделали.

На сердце у нас, разумеется, было неспокойно. Мы тревожились не только о себе, но и о тех, кого вывезли в овраг. Некоторых действительно выгрузили там, несмотря на дождь и весенний холод. Однако многие семьи с малолетними детьми поехали в русское село, где их на время приютили сострадательные люди.

К Пасхе село опустело. Воскресный день мы провели за закрытыми ставнями. Очень беспокоились о папе: где он и что с ним? Через неделю отец вернулся и сказал, что договорился насчёт квартиры на случай, если придётся уходить из села. В той русской деревне нашли приют многие немцы.

На несколько дней всё снова стихло, однако мы по опыту знали, что это ненадолго. И правда, вскоре семью маминой сестры, в которой жила наша Лена, выселили из деревни. Мы с родителями ожидали, что вот-вот придёт и наш черёд. Не зная, как быть в этой ситуации, лишь усердно молились Богу, опираясь на библейское поучение: «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печётся о вас».

Заготовка сена в былые времена...

Глава третья,

которая начинается хорошо,
но повествует о печальных событиях

Летом 1931 года наша Мария вышла замуж за Генриха Гильдебранда, вдовца с двумя маленькими детьми. Осенью, когда оставаться в летней кухне было уже невозможно из-за холодных ночей, наш новый зять пригласил родителей к себе. Он приглашал и нас, но вчетвером мы никак не поместились бы в маленькой комнатушке. Их жильё состояло всего из двух комнат, кухни и прихожей. Тогда Генрих предложил сделать для нас с Леной комнату в сарае. Нам это понравилось, и мы принялись освобождать место и отгораживать простынями комнату на две койки. Через маленькое окошко проникал свет, и мы с Леной охотно переселились в это помещение, радуясь, что можем жить у своих.

Но радость наша была недолгой. В ноябре сильно похолодало, а печку поставить было негде. Я решила уехать в Клефельд к нашему Генриху с Нетой. Лена перешла в комнату к родителям.

Брат с женой приняли меня радушно. Нета сразу же пошла на работу — доить коров, Генрих работал в строительной бригаде. А я хозяйничала в доме и нянчилась с их малышкой Мартой.

Работа в колхозе с утра до вечера забирала много сил, а питание у всех было очень скудное. Ни денег, ни продуктов никто не получал. Каждый должен был сам заботиться о своём пропитании. Мы ели в основном суп. Хлеб был величайшей редкостью.

Вскоре из Мемрика приехала Лена. У Генриха с Марией родилась дочь, и в домике места стало ещё меньше. Лена поселилась у нашего брата Яши с Лизой, у которого было пятеро детей.

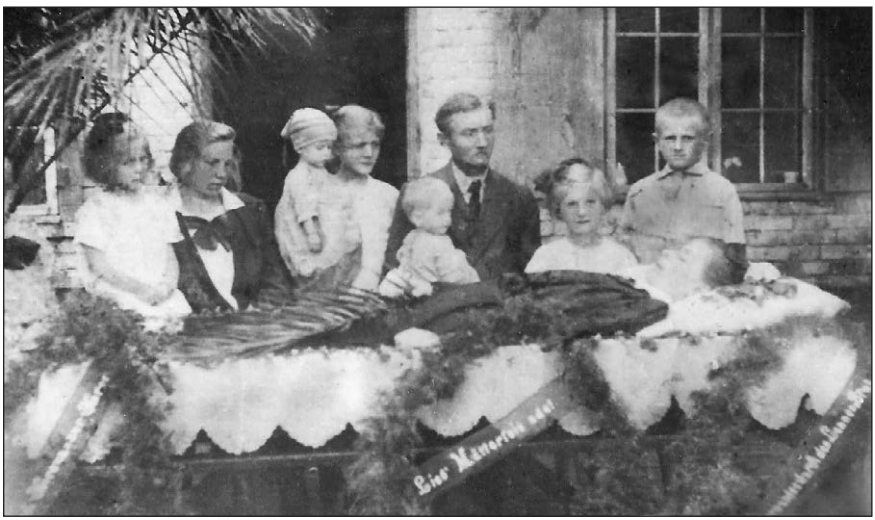
Родители ютились у Марии недолго. Зловещая волна вновь прокатилась по Мемрику, и всех кулаков и лишенцев разогнали кого куда. Родители вынуждены были переехать в Александркрон к Яше. К тому времени у него родилась двойня и было уже семеро детей.

Летом 1934 года Лена вышла замуж за Корнея Бартельс. Бракосочетание проходило в молитвенном доме, и это было последнее богослужение. Дом у нас отняли, и мы вынуждены были тайно собираться по квартирам.

Папа не смог быть на свадьбе младшей дочери. Комитет незаможных селян не был благосклонен к немцам, тем более к верующим. На одном из совещаний этого комитета приняли решение о высылке Мартенсов из села. В течение трёх дней родители должны были уехать. Мама в это время заболела малярией и слегла в постель, поэтому папа один уехал на Кавказ к дочери Заре.

Свадьба у Лены была очень бедной. И платье, и венок она взяла у подруг. Но не это было главным в жизни молодых, и счастье не зависело от материального благосостояния. Глядя на Корнея и Лену, никто и не думал о том, что их совместная радость продлится всего три года.

После выздоровления мама осталась жить у сына Яши. Его Лиза, родив двойняшек, так и не смогла поправиться. Скудное питание усугубило болезнь, и спустя десять месяцев Лиза скончалась. Вслед за ней, через неделю-другую, ушли в вечность и малыши.



Яков у гроба жены с Леной и детьми

Как ни трудно было маме, но она служила этой семье целый год, пока Яша не женился. Господь подарил ему хорошую жену, а детям — настоящую мать, которую они никогда не называли мачехой.

Наконец мама уехала на Кавказ к папе. Я всё это время жила у Генриха. У него в феврале 1935 года родился сын, которого назвали Генрихом. Нета через три месяца снова стала доить коров в колхозе, а я нянчилась с детьми.

Я почти не выходила из дома и от этого часто тосковала, чувствуя себя чужой в родной деревне. Работа в колхозе была мне не по силам, да меня туда никто и не звал. Лишенцев на работу не принимали.

Богослужений теперь не было. В мае 1936 года арестовали брата, в доме которого собиралась небольшая группа христиан. Они читали книгу «Божий план спасения» и молились. После его ареста никого из нас не покидала тревога. Каждое утро мы встречали вопросом — что нас ждёт сегодня?

Генрих целыми днями пропадал на уборке урожая и вечером, возвращаясь, говорил:

— Слава Богу, я пришёл домой!

С тяжёлым сердцем, не ожидая ничего доброго, мы проводили дни и недели. Генрих пересмотрел все книги и бумаги и сжёг адреса. Он в своё время получал из Германии литературу для воскресной школы. Теперь это могло навлечь на нас беду.

День, которого мы так боялись, пришёл 6 августа 1936 года. Два незнакомца в белых костюмах явились к нам вместе с Генрихом. Было обеденное время. Дети спали, я работала во дворе, Нета — в огороде. Незнакомцы поинтересовались, кто я такая и где Нета. Нам приказали зайти в дом, замкнуть дверь и сесть вдоль стены. Один из мужчин предъявил санкцию на обыск, заявив, что будут искать оружие.

Они начали переворачивать постель, рыться в шкафах и комоде. Оружие никак не находилось. Тогда они принялись изымать вещи, вовсе не похожие на оружие. Когда они взяли мои книги и письма, я сказала, что это моё. Пообещав возвратить, они всё равно их забрали и приказали Генриху одеться и следовать за ними. Нета упала на кровать и разрыдалась.

Во двор въехала машина. В неё посадили Генриха и погрузили изъятое при обыске. Я взяла на руки своего племянника, которому было всего полтора года, и протянула отцу в машину. Он прижал его к себе и поцеловал... последний раз в жизни.

— Юста, оставайся с Нетой и с детьми,— сказал он мне на прощание, и машина тронулась.

Печальные и подавленные, мы с Нетой вернулись в жилище, где всё было перевёрнуто вверх дном. Нета не переставала плакать, приговаривая:

Генрих с сыном незадолго до ареста

— Как же мы будем жить?! Я не смогу одна заботиться о детях и скотине... Съедим, что у нас есть, и умрём...

Нужно признаться, что паника поначалу овладела и мной. Я хорошо представляла себе будущность семьи, у которой отняли кормильца. Было обидно и горько, в голове роились мысли о том, насколько несправедливо и незаслуженно то, что с нами происходит. Впору было обидеться на весь мир, а заодно и на Бога. Но я изо всех сил старалась гнать от себя эти мысли, понимая, что стоит потерять веру — и тогда действительно всё будет кончено.

— Нельзя так убиваться,— сказала я Нете. — Надо просить помощи у Бога и дальше вести хозяйство. Если мы сейчас опустим руки, нам это не поможет, а Генриху добавит страданий. Наш Небесный Отец — Отец сирот и вдов, Он не оставит нас.

Вместе с Генрихом арестовали ещё некоторых братьев. Всех увезли в областной центр. Там их каждую ночь допрашивали и мучили, требуя отказаться от веры.

Через несколько дней один из братьев вернулся домой.

Нета пошла к нему, желая узнать что-нибудь о Генрихе. Во дворе она встретила заплаканную жену. Та проводила её в дом. В комнате было темно. Освобождённый из неволи лежал на кровати, издавая душераздирающие вопли.

— Лучше бы я остался там, где твой Генрих! — простонал он, увидев Нету. — Я не смог противостоять искушению выйти на свободу! Теперь я дома, но какой ценой?! О, горе мне! Горе мне!..

Нета поняла, что он отрёкся от веры и согласился стать тайным агентом.

Хотя братьев арестовали за то, что они собирались для молитвы и чтения духовных книг, судили их как политических преступников. Генрих получил пять лет. Если бы мы тогда знали, что разлучились с ним навсегда, то, скорее всего, не смогли бы этого перенести. А так мы настраивались пять долгих лет жить без него, без его помощи и совета.

Когда в Мемрике стало неспокойно, Мария со своим Генрихом уехала на Кавказ. Там Генриха арестовали, и Мария осталась одна с четырьмя маленькими детьми.

На Кавказе волнения тоже усилились. Немцам нигде не было места, и нашим родителям пришлось уехать в большую русскую деревню, где они стали в полной мере зависимы от добрых людей. Но и там находиться долго они не могли и скитались по деревням, останавливаясь в основном у родственников.

В нашей деревне в 1937 и 1938 годах арестовали многих мужчин. Их грузили в машины и увозили, не объясняя куда и зачем. Страшное то было время. Почти каждая семья лишилась мужа, отца или сына. В деревне не затихал плач. Неизвестность вселяла панику и сумятицу в сердца людей. Жёны и матери, бессильные помочь своему горю, безутешно рыдали. Однако человеческое горе имеет не одну ступень. Когда человеку горько и обидно, страшно и одиноко — он плачет. Слёзы обладают разными свойствами: они очищают душу, обеззараживают и даже немного обезбаливают. Но только до тех пор, пока у человека есть надежда.

Да, мужчин забрали, увезли куда-то, скорее всего будут судить, вполне возможно, что посадят, возможно, отправят на

какие-то тяжёлые работы, однако пройдёт время — месяцы, годы, может, десятки лет,— и их освободят. Главное — дождаться. Но один начальник, прогоняя женщин от сельсовета, нечаянно выдал им страшную тайну. Он сказал, что они больше никогда не увидят своих мужей! Это уже другая ступень.

Спустившись на эту ступень горя, человек всеми фибрами своей души ощущает безнадёжность. Страшное это слово — «никогда». В него не хочется верить. С ним не хочется соглашаться. На этой ступени чаще всего отсутствуют слёзы, облегчающие душу. Здесь остаётся только глухое равнодушие и тупая, непроходящая боль. Горе тому, кто шагнул на эту ступень! Он уже не пытается подняться. Он спускается всё глубже и глубже во мрак. Только Бог может дать человеку надежду, которая не позволит встать на эту ступень. Бог зачёркивает это страшное слово «никогда», у Него нет мёртвых!

Однажды по улицам вновь начали сновать грузовые машины, и я подумала, что опять забирают мужчин. Но тут же вспомнила, что их в селе не осталось — были только старики и дети.

На следующее утро мы узнали, что всех женщин, мужья которых были арестованы в последнее время, увезли в Мелитополь вместе с детьми. Там женщинам велели идти в баню без детей. Однако вместо бани их повели в какой-то подвал, где они пробыли до самой ночи. А ночью, несмотря на сопротивление, их погрузили в машины и увезли в тюрьму. Детей определили в детские дома.

Многие немцы, услышав об этом, постарались забрать детей, кого смогли найти.

Более трёх месяцев женщин держали в заключении. Никто не знал, где они находятся. Трудно представить, что чувствовали они сами. Сначала их лишили мужей, потом у них отобрали детей. Для матери нет боли сильнее, чем боль, которую причинили её ребёнку.

Спустя месяца четыре стало слышно, что матерей освободили и они разыскивают своих детей. Женщины появились в деревне так же неожиданно, как и исчезли. Найти детей оказалось трудной проблемой. Малыши почти все умерли от голода и болезней. Дети постарше тоже далеко не все перенесли такое большое потрясение.

Я всё это время жила в семье Генриха. Мои братья и зятья тоже были арестованы, так что в каждом доме хозяйничала скорбь, тоска и нужда. Я тоже нередко тосковала. Хорошо, что рядом всегда были дети, которым я посвящала много времени. Я часто рассказывала им что-нибудь об отце, чтобы он оставался у них в памяти.

Вечерами я рассказывала племянникам библейские истории, учила с ними библейские стихи, мы все вместе пели христианские песни. Дети хвастались перед соседями, что слушают интересные рассказы, и те стали проситься в гости, чтобы тоже послушать. Так в нашем доме постоянно собиралось около десяти детей, которые с удовольствием слушали всё, что я могла им поведать.

Как и у взрослых, жизнь у детей протекала очень однообразно. У матерей не было выходных — они постоянно работали в коровнике, домой приходили поздно, смертельно уставшие. Христианских собраний не было. Однако тот, кто имел живую веру в сердце, льнул к Богу. Такие христиане служили Господу,— как могли учили своих детей страху Божьему и с надеждой на помощь Всевышнего ожидали избавления от скорбей.

Глава четвёртая,

в которой рассказывается о том, как варили суп на костре во время остановки поезда

В самом конце 1940 года мне удалось побывать у родителей. Они жили с Леной, которая осталась без мужа с маленьким ребёнком. Лена работала на ферме, папа сторожил на току, а мама хозяйничала дома. Через неделю я должна была уезжать. Прощаясь, мы все горько плакали, думая о том, что, возможно, видимся последний раз...

Вновь наступила весна. Пышно цвели сады, обещая богатый урожай. Однако в семьях по-прежнему было тревожно и тоскливо. Всего несколько мужчин возвратились в село из мест лишения свободы. О своих родственниках и соседях, которые не вернулись, они почти ничего не знали. Разлучен-

ные друг с другом с первого дня заключения, они не общались между собой, и никто не знал, куда кого отправили.

В мае мы послали Генриху топлёное масло, копчёные окорока и сахар.

— Это последняя посылка,— сказала Нета. — Скоро он уже вернётся.

Срок заключения Генриха заканчивался в августе. В начале июня мы получили от него письмо, но посылка к тому времени ещё не дошла. В письме не было ни одного слова об освобождении. Напротив, оно вызывало у нас чувство, будто он не вернётся.

«Любимая Нета,— писал Генрих,— если мы больше не увидимся на земле, то будем со всей серьёзностью стремиться к свиданию в Небесной Отчизне. Заботься не только о земном. Уделяй больше времени детям. А ты, дорогая Юста, оставайся с Нетой и детьми и больше всего стремись к небесному...»

Нету это письмо сильно разочаровало.

— Он как будто прощается с нами... — вздохнула она, вытирая слёзы.

Так оно и было. Больше о Генрихе мы ничего не слышали. Однако в тот момент, не зная будущего, утешались надеждой получить следующее письмо, которого так и не дождались. Двадцать второго июня совершенно неожиданно началась война. Она похоронила последнюю надежду на встречу с Генрихом. Оглядываясь назад, я радуюсь тому, что мы не могли знать наперёд, какие ужасы нам придётся пережить из-за этой войны.

Бог по Своей милости не дал человеку возможности проникать в будущее, но наделил его способностью забывать. Таким образом мы можем встречать, осознавать и переживать беды, испытания и превратности судьбы не все разом, а по мере их поступления. Претерпев то или иное, мы можем избавляться от горя как от ненужной ноши, оттягивающей плечи. Конечно, не всё можно забыть, что-то остаётся в сердце тяжёлым грузом, но страшно представить, что было бы, если бы мы каждое утро, просыпаясь, помнили все подробности постигших нас когда-либо бед и несчастий.

В первый год войны уродилось очень много фруктов,

особенно слив, и их нужно было вялить. К счастью, неожиданно приехал папа и помог нам собрать урожай. Становилось всё беспокойнее, и папа через неделю отправился к маме. Провожая его за деревню, я сильно плакала, предчувствуя, что мы больше никогда не увидимся. Он старался утешить меня тем, что Бог всё держит в Своей власти и наше благо в том, чтобы доверять Ему.

Папа ушёл, а я долго ещё стояла и смотрела ему вслед. Никогда расставание с ним не было таким трудным. Без него мне было очень тоскливо, и я много плакала, думая о своих родных.

Несколько дней по небу носились самолёты, и вскоре в деревню вошли русские войска. Всех мужчин от шестнадцати до сорока лет увезли в неизвестном направлении. Скотину тоже всю угнали. Настала очередь молодых женщин. Их всех отправили рыть окопы.

В деревне царила суматоха. Везде и всюду находилось множество солдат. Особенно страшно было ночью: горели самолёты, грохотали пушки.

Однажды в субботу, я, как обычно, убирала в доме.

— Юста, всё бросай и упаковывай вещи! — услышала я тревожный голос соседки. — Нас всех куда-то вывозят!

Не веря своим ушам, я застыла в недоумении.

— Ты что, ничего не знаешь? — взволнованно продолжала соседка. — Председатель колхоза велел всем немцам готовиться к отъезду!

Выйдя во двор, я услышала причитания женщины, проходившей мимо:

— О ужас! Нас всех увозят! Но куда? Куда?!

Второй раз не верить своим ушам было по меньшей мере неразумно, и я кинулась в дом собирать вещи. Было велено упаковывать вещи не в чемоданы, а в мешки.

Нета долго не приходила — её, как и других женщин, угнали рыть окопы.

Рано утром из соседнего села пришли знакомые русские. Они узнали, что немцев высылают, и хотели что-нибудь купить за небольшую цену. Я продала комод и швейную машинку, чтобы взять с собой хоть немного денег. В меш-

ки упаковала лишь самое необходимое — одежду, постель и продукты. Желающие могли взять в колхозе кур и гусей, чтобы зажарить на дорогу. Я зарезала пять кур. В сарае у нас было ещё двое поросят, но зарезать их никто не мог — мужчин в деревне совсем не осталось.

На следующий день вернулась Нета. До смерти перепуганная, она никак не могла понять, что происходит. Страшная правда никак не хотела укладываться у неё в голове.

— Неужели мы должны всё оставить и ехать неизвестно куда? — только и повторяла она.

Всю ночь мы с ней пекли хлеб и паковали вещи. Утром же нам пришлось оставить всё, что нажили непосильным трудом. Я последний раз подоила корову и сварила какао, но пить его никто не хотел. Всё так и осталось на столе нетронутым.

Ещё до обеда к нашему двору подъехала подвода, на которую велели грузить вещи. Затем нам приказали сесть поверх своих мешков, и подводы одна за другой тронулись в путь. Оглядываясь на свои дома, горько плакали не только взрослые, но и дети. Мы покидали свою деревню навсегда, хотя и не догадывались об этом.

Выехав за деревню, извозчики погнали лошадей быстрее, и к вечеру мы прибыли на железнодорожный вокзал, куда свезли людей из четырёх деревень. Нас поместили в пустующее зернохранилище и велели ожидать своей участи. Слышно было, что к ночи нас должны погрузить в вагоны. Однако накануне железную дорогу взорвали, и паровоз не мог приехать. Нам пришлось ночевать в зернохранилище.

То была жуткая ночь. Дверь заперли, из-за воздушных тревог свет не включали. О сне не было и речи. Дети громко плакали. В одном углу кто-то молился, в другом — чуть слышно пели под гитару: «Мы путешествуем в вечную родину, где будем свободны от тесноты и горя. Да, мы идём домой, домой, в блаженную отчизну...»

Наконец наступило утро. Пустые вагоны стояли готовые к погрузке. В них было грязно, неприятно пахло навозом — по-видимому, совсем недавно там перевозили животных. Несколько крепких мужчин в солдатской форме стали грузить

наши вещи, потом подсадили детей, и те поползли вверх по мешкам. Мы тоже должны были как-нибудь втиснуться. Когда нам это с трудом удалось, солдаты закрыли дверь и задвинули засов. Мы оказались взаперти.

В вагоне было темно и душно. Два небольших окошка без стёкол давали мало света и ещё меньше свежего воздуха.

В нашем вагоне ехало пять семей. Запасы пищи у нас быстро закончились. Хорошо, что мы взяли с собой немного сырой картошки и сушёных фруктов. Как только поезд останавливался, все выбегали на улицу и спешили найти несколько кирпичей и воду. Если это удавалось, быстро разводили огонь и варили в казанах кто что мог. Вдоль всего состава дымились костры. Случалось, что вода только начинала закипать и поступала команда возвращаться в вагоны. Тогда люди хватали кипящие казаны и кастрюли и спешили на свои места, а если кто медлил, то подбегали солдаты и сапогами опрокидывали варево. Поэтому желающие сберечь свой суп или кашу должны были спешно выполнять приказания. Бывало, что некоторые отставали, потом с большим трудом несколько дней догоняли поезд.

В первые дни мы много думали о том, куда нас везут и что с нами будет. Но постепенно наступило какое-то безразличие. Чем дольше мы ехали, тем сильнее оно нас убаюкивало и лишало сил. Недоедание, бессонница и прочие неудобства делали своё дело. Безучастные ко всему, мы сутками сидели на своих мешках и всё глубже погружались в безнадёжность.

Как хотелось свежего воздуха! Но о нём, как и о мытье, пока не могло быть и речи. У нас у всех завелись вши.

Глава пятая,

которая повествует о том, чем топят, когда нет дров, и что едят, когда есть нечего

Прошло четырнадцать дней. На одной из остановок мы по привычке хотели поскорее выйти, чтобы что-то сварить, но дверь нам не открывали.

— Приехали! Выгружайтесь! — раздалась вдруг команда.

Это был небольшой казахский городок Мартук. Было холодно и шёл дождь. Нас стали выгружать под открытым небом. Подъехало несколько подвод, и все наши пожитки перевезли в школу неподалёку от вокзала.

Мы приехали в числе последних, поэтому с трудом втиснулись в переполненное помещение. Промокшие и замёрзшие, все были рады теплу и крыше над головой. Но очень скоро начались новые мучения — давали знать о себе насекомые, которым тоже нравилось тепло. Казалось, они вот-вот съедят нас...

Весь следующий день шёл дождь. В школе постепенно становилось просторнее, так как по приказу сверху из близлежащих деревень приезжали русские и казахи и забирали людей. Они ходили по классам и выбирали в основном молодых, у кого поменьше детей. Это было очень похоже на рынок, где продавали рабов.

Я оказалась в числе тех, кого никто не хотел брать, но школу надо было освобождать, и через две недели нас, тринадцать человек, погрузили на подводы и повезли. Поздно вечером мы въехали в какую-то деревню. Остановились у старого здания, которое тоже оказалось школой. Приказали выгружаться.

Один из начальников стоял в дверях и смотрел на всех нас так, будто мы были не люди, а трёхголовые чудища. Конечно, немцы для них были страшными людьми.

Для русских все немцы были фашистами, залившими полмира кровью. Они предостерегали детей держаться от нас подальше, да и сами смотрели на нас со страхом и недоверием. Между тем страх на их лицах довольно быстро сменялся удивлением, а затем и жалостью, хотя и не без некоторой примеси отвращения. Глядя на нас, многие понимали, что мы, несчастные, загнанные люди, не имеем никакого, даже малейшего, отношения к войне и пострадали от неё ничуть не меньше, а то и больше, чем они.

Нам принесли ведро молока и несколько буханок хлеба. Конечно, мы сильно проголодались и с благодарностью приняли это щедрое угощение. Поужинав, соорудили прямо на полу постели и легли спать.

Утром какой-то мужчина повёл меня, Нету и её двоих детей — Марту и Генриха — в один из дворов, где стояла покосившаяся землянка. Там жила довольно молодая полячка с двумя детьми. Сыну Мише было восемнадцать лет, а дочери Наде — шестнадцать. Они жили раньше на Украине возле польской границы и были сосланы в Казахстан как кулаки. Их землянка состояла из небольшой комнаты, кухоньки, коридорчика и приземистого сарайчика.

Вначале хозяйка не хотела впускать постояльцев. Она начала кричать на нас и скверно ругаться.

— Дорогая, мы ведь не добровольно приехали сюда,— пыталась я остановить её. — Нам бы очень хотелось остаться в своих домах. Мы видим, что здесь нет лишнего места, но нас привели сюда, что нам делать?

Хозяйка кричала до тех пор, пока не пришёл какой-то начальник и не успокоил её. Нам выделили кухню, но она была настолько маленькая, что поставить кровать было негде. Бóльшую часть комнаты занимала печь с лежанкой. Мы разложили свои мешки, постелились на печи и тут же уснули от усталости.

Стояла середина ноября. Наступали холода, а нам нечем было отапливать свою комнатушку. Угля в этих краях не было совсем. Местные жители держали коров и тщательно собирали весь навоз, сушили его, а зимой этим кизяком и дровами топили печь.

На полях оставалось ещё много несжатой пшеницы, и мы, приезжие немцы, сразу приступили к уборке. Вечером, возвращаясь с работы, несли с собой солому, чтобы растопить плиту и сварить ужин. Пока не выпал снег, мы могли работать, но уже в начале зимы перестали выходить в поле, потому что не имели ни тёплой одежды, ни валенок.

Сушёные фрукты, которых не было в этих краях, я меняла на продукты. Мы с Нетой не раз сожалели, что оставили на Украине целый мешок сливы. Как она пригодилась бы нам теперь! Мыло здесь тоже было величайшей редкостью, и нам пришлось менять его на картошку. Иногда меняли что-нибудь на масло и лук.

В колхозе нам выписывали немного муки, но на хлеб её

не хватало. Варили только суп, который состоял из воды, муки и соли. Очень редко пекли по одной лепёшечке каждому, а в основном утром и вечером ели жиденький супчик.

Когда наступила зима с буранами, из-за которых не видно было даже соседних домов, мы совсем не выходили на улицу, потому что не имели валенок. Топить было нечем, и мы стали менять одежду на сушёный навоз. Разжигали печь только во время буранов. Местные жители, словно потерявшие совесть, буквально грабили нас, забирая за бесценок хорошие вещи. Но нам надо было как-то выживать, и мы потихоньку отдавали людям то немногое, в чём нуждались сами.

В погожие дни ходили в поле за соломой. Нелегко было добывать её из-под снега, но мы изо всех сил старались набрать побольше, чтобы было чем протопить печь. С какой же радостью мы взваливали на себя огромные связки соломы и возвращались в деревню!

Неприязнь хозяйки, постоянный холод, скудное питание, переживания о родных, с которыми не представлялось никакой связи, и, наконец, паразиты, от которых никак не могли освободиться,— всё это действовало на нас угнетающе. Я ничего не знала о своих родственниках и узнать не было никакой возможности. Временами на меня, как и на других переселенцев, находило такое безразличие, что я ни о чём не могла думать, кроме как о еде и о том, как выжить.

Казалось, что хуже быть уже не может, но каждый новый день спешил убедить нас в обратном. Наше счастье, что мы не могли видеть будущее и нам казалось, что всё это вот-вот кончится и потерпеть нужно ещё только самую малость. Если бы мы с самого начала знали всё, что с нами будет, то у нас наверняка опустились бы руки и пропало всякое желание жить. Даже сейчас я не без содрогания вспоминаю первые годы, прожитые нами в ссылке.

Единственное окно в кухне, где я жила со своими племянниками и Нетой, покрылось толстым слоем льда, и мы вынуждены были коротать дни в потёмках. А когда окно заносило снегом, становилось совсем темно. Лампы у нас не было.

Нета часто ходила к своей матери и сестре, которых поселили неподалёку. Я никуда не ходила — не было ни сил,

ни одежды, ни желания. Очень часто мы с Мартой и Генрихом целыми днями сидели на печи, завернувшись в ватное одеяло. Я рассказывала им библейские истории, пересказывала Евангелие. Мне хотелось, чтобы время страданий стало для детей благословением, чтобы они поняли, что нашей жизнью правит не случай, не чья-то злая рука, а великий Бог. Я старалась объяснить им путь спасения, чтобы они ясно увидели, как им нужен Спаситель, и встали однажды на верный путь, ведущий в жизнь вечную.

Зима казалась невыразимо долгой. Однако в марте дни наконец-то стали длиннее. Как только пригрело солнце, началась борьба со снегом. Талая вода сразу проникала в жилища, потому что они были без фундамента и порога. Надо было срочно отбрасывать от дома снег и отводить ручьи от построек. С утра до вечера мы занимались этой нелёгкой работой. Хозяйка помогала нам. К вечеру, конечно, мы чувствовали огромную усталость, потому что дважды в день ели только жиденький суп без жира и иногда кусочек хлеба.

Как-то раз ночью я плохо спала после тяжёлой работы на улице. За стеной, похоже, тоже не спали. Хозяйка громко стонала. Утром Надя сквозь слёзы сказала, что мама сильно заболела. Позвали врача, и он установил воспаление лёгких в тяжёлой форме.

Вечером я зашла к хозяйке. Тяжело дыша, она с трудом открывала глаза и меня уже не узнала. Надя сидела возле неё и плакала. Мне было жаль этих несчастных людей, не знающих Бога. У них не было никакого утешения!

Поняв, что хозяйка умирает, я сказала Наде, чтобы она позвала свою тётю, потому что мама при смерти. От одной мысли, что мать может умереть, девочке было страшно, она сильно плакала. И всё же это произошло. Не стало женщины, которая ненавидела нас и всегда хотела сделать нам какое-либо зло.

Надя боялась спать одна и попросила нас перебраться в их спальню. Миша перешёл в кухню, а мы все переместились в большую комнату. Стало немного просторнее и светлее.

Когда растаял снег, нас всех послали на луга сгребать прошлогоднее сено в кучи. Лошадей и подвод не было, и

нам приходилось возить сено на санях, запряжённых быками или дойными коровами. На работу и обратно ходили пешком. Вечером, смертельно уставшие, мы еле-еле добирались до своего жилища, в потёмках поглощали постный супчик и буквально валились с ног. А через несколько часов, рано утром, начиналось то же самое...

За работу нам каждую неделю выдавали зерно, в основном рожь или пшено. Мы мололи его на ручной мельнице. Это была тяжёлая работа, и я одна не справлялась. Зерна выдавали всего два-три килограмма, поэтому муки нам едва хватало на суп. Вкус хлеба мы просто забыли. Если удавалось за платье выменять кусочек масла, или же вдруг кто-нибудь дарил луковицу либо горсточку соли, я чувствовала себя богачом.

Так проходила наша однообразная жизнь в колхозе. И всё-таки это было не самое трудное время.

Настал день, когда у нас закончилась соль. Пришлось просить у местных жителей рассол, в котором солили огурцы или помидоры, и добавлять его в суп. Без сахара можно обходиться годами, но без соли жить почти невозможно. Стакан соли стоил десять рублей, а у нас не было ни копейки.

Зимой 1942 года заболела наша Марта. Говорили, что причиной болезни стало истощение. У неё начали дёргаться руки, тряслась голова, так что она не могла управлять собой и даже сидеть. Попасть к врачу не было возможности: до Мартука — двадцать километров, ехать не на чём. При всём том мы находились под комендатурой и без особого разрешения не имели права куда-либо выезжать. Заплатить же за вызов врача тоже не могли — не было денег.

Глава шестая,

рассказывающая о том, что есть бесплатная медицина, которая лучше любой платной

Когда нам казалось, что силы на исходе и больше мы уже не выдержим, наступило первое января 1943 года. В этот день всех женщин нашего села от восемнадцати до сорока

шести лет мобилизовали в трудовую армию. Среди них была и Нета. Мне на тот момент исполнилось уже сорок семь. Никогда я так не радовалась своим годам. Будь я моложе хотя бы на год, наши дети остались бы брошенными на произвол судьбы.

Есть вещи, которые не то что тяжело, а, пожалуй, и невозможно описать. Когда у женщины отнимают мужа — это страшно, но когда у детей отнимают мать, этому сложно подобрать слова. И если это делают хитро, разлучают обманом, то это великое зло. Но когда это делают грубо, силой отрывая ребёнка, который надрывно кричит и цепляется за маму,— этому нет ни объяснения, ни оправдания.

Онемев от ужаса, не чувствуя крепчающего мороза, мы долго стояли около сельсовета и смотрели вслед уезжающим. Марте стало совсем плохо, всё её тело безудержно сводили судороги. Мы с Генрихом взяли её под руки и повели домой. Разлука с матерью даже для подросших детей была невыносимо тяжёлой.

Осиротевших мальчиков и девочек разместили в школе, приставив к ним двух женщин моего возраста.

Наступили тяжёлые дни. Марте становилось всё хуже. Глядя на её страдания, я терзалась душой, не зная, что делать. Неожиданно к детям, которых поселили в школе, приехала медсестра. Я попросила её осмотреть Марту. Она не отказала и, обследовав девочку, посоветовала как можно скорее обратиться к невропатологу в Актюбинске. Однако поехать туда у нас не было никакой возможности. Мной овладело уныние.

Однажды вечером, читая Библию, я остановилась на девятой главе Евангелия Марка. Один отец обратился к Иисусу Христу с просьбой исцелить его сына. Иисус сказал ему: «Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему». Это слово коснулось моего сердца, и я оживилась: ведь наш Господь — всемогущий!

Воспрянув духом, я тут же преклонила колени и от всего сердца начала молиться:

— Господи, я знаю, что для Тебя нет ничего невозможного! Ты и мне говоришь сегодня: «Если сколько-нибудь мо-

жешь веровать...» И я верю, дорогой Господь! Верю, только помоги моему неверию! Помоги нам в нашем несчастье! Исцели нашу девочку — мы ведь совершенно бессильны помочь ей! Будь милостив к нам, Боже наш!

Я поднялась с колен, полная надежды, что Господь услышал меня.

Прежде чем помолиться с детьми перед сном, я сказала им:

— Сегодня я нашла Врача, Который исцелит нашу Марту.

— А где он живёт? — спросила Надя. (После смерти матери она всегда была с нами.)

— На небе. Мы будем молиться Ему и верить, что Он помилует нашу Марту. Когда Господь жил на земле, Он многих людей исцелял. Он и сегодня такой же — всемогущий и милосердный. Нам надо только довериться Ему.

Надя немного помолчала, потом сквозь слёзы искренно прошептала:

— Я тоже буду вместе с вами молиться и верить.

Мы встали на колени и со слезами просили Господа, чтобы Он исцелил Марту.

Небесный Отец услышал нашу просьбу и сказал Своё «да». Через неделю Марта стала спокойной, начала ходить, сидеть и могла управлять собой. К ней вернулась бодрость и любознательность. Девочка полностью выздоровела.

В деревне все знали, что Марта больна, и когда увидели её здоровой, стали интересоваться, чем она лечилась. Я всем рассказывала, что девочку исцелил Бог. Это удивляло людей, и некоторые даже плакали, слыша об этом чуде.

При первой же возможности я написала Нете о нашей радости, об исцелении Марты. Часто писать письма мы не могли — не было ни денег, ни бумаги. Я иногда работала у местных жителей, и они давали мне денег на один конверт.

Весной 1943 года полякам разрешили вернуться на родину. Надя с Мишей, у которых мы жили, продали свой дом и уехали. Нам пришлось искать новую квартиру.

Долгие поиски увенчались успехом: нас приняла женщина, муж которой был на войне. Она впустила нас в свою кухню. Мы перебрались очень быстро, потому что вещей было немного: постель, одна кастрюля, три ложки и нож

(вилки я давно обменяла на продукты). Был ещё чемодан с одеждой. В нём я хранила костюм Генриха-старшего, выходную одежду Неты и свою, а также два красивых покрывала. Уезжая, Нета завещала поменять всё это на продукты только в самом крайнем случае, когда совсем нечего будет есть.

У нашей новой хозяйки было две коровы, две свиньи, куры и полный погреб картошки. Она каждый день варила мясо, и нам волей-неволей приходилось вдыхать вкуснейший аромат. Угощать нас чем бы то ни было хозяйка не собиралась. За проживание мы должны были отрабатывать, и женщина использовала нас как рабочую силу.

Скудное питание постепенно разрушало моё и без того слабое здоровье, и однажды утром я не смогла встать с постели. У меня сильно кружилась голова и совсем не было сил.

— Ты сама виновата,— холодно заметила хозяйка. — Я видела, что всю гущу из супа ты отдаёшь детям. А зачем? Кому они будут нужны, когда ты умрёшь? Пусть лучше они голодают!

Логика этих слов была железобетонной, по всей видимости из того же материала, что и сердце хозяйки. Но я не могла согласиться с таким мнением и делала для детей всё, что было возможно.

Увидев, что я не могу встать, Марта испугалась:

— Не умирай, тётя! Нас же сразу отдадут в детдом!

Ей не нужно было подсказывать, что делать. Она побежала к жене бригадира и со слезами рассказала о том, что я сильно заболела. Добрая женщина дала девочке пол-литра молока от своей коровы. Счастливая, Марта прибежала домой и упросила меня выпить цельного молока. Я выпила один стакан, а остальное отдала детям.

С того дня жена бригадира давала нам молоко до тех пор, пока я не окрепла. У нашей хозяйки тоже была корова, даже две, но она ни разу не дала нам и капли молока. Вечером она клала на угли несколько картофелин и запекала их себе на ужин. Дети голодными глазами смотрели на это лакомство, жадно вдыхая дразнящий аромат. Поужинав, хозяйка бросала очистки от картофеля в помойное ведро, которое стояло на кухне. Когда она уходила спать, дети до-

ставали очистки и с большим аппетитом их съедали.

Однажды утром хозяйка удивлённо спросила:

— Юста, куда исчезают шкурки от картошки, которые я бросаю в ведро?

— Дети съедают,— дрогнувшим голосом ответила я. — Они голодные.

— Мои свиньи тоже голодные,— холодно заметила немилосердная женщина. — Чтобы этого больше не было!

Удивляясь, насколько чёрствым и безжалостным может быть сердце человека, я пообещала хозяйке, что дети больше не будут брать картофельные очистки.

— Давайте просить помощи у нашего Господа,— сказала я Генриху и Марте,— и Он вложит в нашу скудную пищу столько силы, что мы сможем оставаться на ногах.

И мы молились. Я убеждена, что только Бог мог сделать такое чудо: питаясь очень скудной, совершенно обезжиренной пищей, мы могли ещё и работать. Я была свидетелем этого чуда.

Нелёгкая жизнь, однако, не сулила никакого облегчения, как бы мы его ни ждали. Как-то раз вечером, когда я возвращалась с сенокоса, навстречу мне вышла хозяйка.

— Днём приходил какой-то немец. Сказал, что идёт с фронта, и попросил денег,— с некоторым волнением проговорила она. — Я пошла в дом за кошельком, но когда вышла, мужчины уже не было. Ваш чемодан с одеждой тоже исчез.

Мне показалось это подозрительным. Но что я могла сделать?

— Что скажет мама, когда вернётся?! — расплакалась Марта, узнав о пропаже.

Она убежала в сад и от безысходности стала громко молиться:

— Дорогой Господь! Как мы теперь будем жить? Почему Ты допустил, чтобы у нас украли последнюю одежду?!

Я пошла следом за Мартой. Обняв её за плечи, опустилась на колени и тоже воззвала к Богу:

— Дорогой Господь, я знаю, что Ты всё можешь. Если Ты захочешь, чтобы мы остались живы, Ты поможешь нам. Помоги только не роптать, не желать зла тем людям, которые ненавидят нас. Помоги нам прощать и надеяться только на Тебя...

Было немало доказательств, что никакой солдат в деревню не заходил. Соседка видела, как наша хозяйка прятала чемодан в стогу, и посоветовала мне заявить в милицию. Я так и сделала, но кроме гнева хозяйки ничего из всего этого не получилось. Она знала, что надо сделать, чтобы её оправдали. Мы же были беззащитными. Закончилось всё тем, что она выгнала нас из своего дома.

Пришлось идти к начальству и просить помощи. Нам разрешили вселиться в пустующую землянку. К счастью, было лето, и это облегчало наше обустройство на новом месте. Мы перенесли туда свои скудные пожитки и радовались крыше над головой.

Однажды рано утром я пошла на работу, накрывшись почти новым платком, который хотела поменять на молоко. Решила не снимать его, пока не пригреет солнце. Дорога была некороткой, и вскоре я согрелась от ходьбы. Сняв кофту, засунула в карман аккуратно сложенный платок. Придя на рабочее место, я вдруг обнаружила, что платка в кармане нет.

— Вернусь, поищу,— сказала я женщинам, чуть не плача от горя.

— Не ходи, всё равно не найдёшь,— отговаривала меня одна знакомая. — Ты же шла не по дороге, а по полю — где будешь искать?

— Господь поможет мне,— ответила я. — Он знает, как мне нужна эта вещь!

В надежде на Божье всемогущество, я отошла в сторону, преклонила колени и попросила милости у Небесного Отца. Я даже не знала, где искать, потому что точно не помнила, как шла,— тропинки на поле не было. Подавленная и уставшая, я долго искала свою потерю и уже подумала, что пора возвращаться, как вдруг... увидела платок! Схватив его, с глубоким трепетом упала на колени и поблагодарила Господа за Его милосердие. Сразу куда-то исчезла усталость, и я быстро зашагала к женщинам, издали махая им платком. Господь не раз удивительным образом помогал мне, и это укрепляло мою веру и немощные силы.

С приближением осени и холодов моё сердце всё больше

наполнялось страхом: чем топить землянку и как пережить суровую зиму. При всякой возможности мы собирали вдоль дороги солому и носили домой, но вскоре нам запретили это делать.

В конце августа мы с Генрихом заболели малярией. Совершенно обессиленный, худой и жёлтый, мальчик лежал с закрытыми глазами. Еды у нас почти не было, потому что я не могла работать. Спали мы на земляном полу, поэтому сильно мёрзли.

Страдая от голода и озноба, я долго не могла освободиться от мысли поесть арбузов — день и ночь думала только об арбузах. Еле передвигая ноги от бессилия, пошла наконец к соседке. Она работала в конторе, и я надеялась, что она по своей доброте сможет выписать для меня хотя бы один арбуз.

Дойдя до дверей соседнего дома, я чуть не упала в обморок — у меня не осталось никаких сил. Соседка помогла мне зайти в дом, принесла арбуз, разрезала его и велела есть. Я с жадностью съела его и сказала:

— Теперь точно выздоровею, потому что наелась того, чего так долго и сильно хотела. Благодарю вас сердечно!

Соседка дала мне арбуз и для Генриха. Когда я вернулась домой и посмотрела на своего племянника, то подумала, что ему уже ничего не нужно. Он ещё сильней пожелтел, глаза ввалились. Он лежал совершенно неподвижно. И всё же я предложила ему арбуз. Он немного поел и открыл глаза.

Генрих хворал до самой зимы, а у меня лихорадки больше не было.

Глава седьмая,

которая поведает о том, что увидеть звёзды можно и сквозь провалившуюся крышу

С наступлением зимы тут и там стали обнаруживаться несовершенства нашего жилища. Конечно, иметь отдельную землянку — это здорово, но наша радость значительно поубавилась, когда начались лютые морозы. Маленькое оконце вскоре покрылось толстым слоем льда. В щель под дверью

стал задувать снег. Печи как таковой в землянке не было. Посреди комнаты стояла маленькая печурка из сырого кирпича, которую я сама сложила как смогла. В комнате всегда было холодно, стены блестели от инея.

Колодец находился в другом конце села, и носить воду по глубокому снегу было непросто. Утром всегда морознее, поэтому я ходила за водой вечером. Пока несёшь ведро воды через всё село — немного согреваешься, зато вода замерзает. До утра она зачастую так и не оттаивала.

Всю зиму мы не могли ни мыться, ни стирать. Умывались тоже далеко не каждый день. И всё бы ничего, но вечером, когда мы укладывались спать все вместе на единственную перину, накрывались с головой несколькими одеялами и начинали понемногу оттаивать, тут-то и сказывалось отсутствие водных процедур: сомкнутым строем на нас обрушивалась армия безжалостных насекомых. Это было ужаснее холода и голода.

Однажды ночью на нас что-то упало. Высунув голову из-под одеял, я увидела над собой звёздное небо. Значит, обвалился потолок. В комнате и без того было морозно, поэтому любоваться небосводом не пришлось. Я поспешила заткнуть дыру подушкой, а днём попросила у соседей золы и засыпала сверху, чтобы подушка не промокла.

Сейчас, оглядываясь на пережитое, не перестаю восхищаться Божьей милостью. То, что я осталась жива среди трудностей и нужды, можно объяснить только Божьим милосердием — Господь держал меня в Своих руках. Это огромное чудо!

Не раз и не два я на личном опыте переживала то, о чём поэтично выразился автор одной немецкой песни:

Когда кажется, что впереди тупик,—
Тебя неожиданно освещает луч света,
И от этого появляются новые силы,
Свет Божьей любви укрепляет твою веру,
И ты начинаешь петь.
Насколько легче нести бремя,
Когда в сердце есть вера и надежда!

(Эта необычная рифма вызвана отнюдь не выдающимся талантом автора песни, а тем обстоятельством, что задачей перевода было максимально точно передать смысл песни. — *Прим. ред.*)

Много воды утекло с того времени. Бедствие превратилось в благоденствие, нужда переросла в достаток, а горе сменилось радостью. Наша душа обладает удивительной способностью стирать из памяти ужасное, отчего прекрасное тоже немного тускнеет. Считаю, что, живя в достатке, мы обязаны вспоминать трудные времена, чтобы сердце наполнялось благодарностью Тому, Кто всегда и неизменно проявляет о нас пастырскую заботу. Красиво и восторженно говорит об этом псалмопевец: «Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его» (102, 2).

В то голодное время я обещала Богу никогда не пренебрегать никакой пищей и всегда быть довольной. Теперь, когда мне что-то не особенно нравится, я вспоминаю своё обещание и думаю: о, как бы мы радовались такой пище тогда!.. При мысли о том, что́ мы иногда ели, приходят на память слова из Евангелия Марка: «...и если что смертоносное выпьют, не повредит им...» (16, 18).

Лишь по милости нашего Господа мы пережили и очень холодную зиму 1944 — 1945 года, в конце которой вынуждены были ещё раз поменять жильё.

Глава восьмая,

которая утверждает, что суслик тоже может быть лакомством, если его правильно приготовить

Как и другие трудармейцы, Нета изнемогала в сибирских лесах. Когда мороз был не сильный — градусов сорок,— они ходили на работу пилить деревья. Этот труд был настолько тяжёлым, что даже мужчины далеко не всегда его выдерживали. Когда температура воздуха опускалась до пятидесяти градусов, на работу не гоняли.

Трудармейцы получали по пятьсот граммов хлеба в день и жиденький рыбный суп, сваренный из одних голов, нередко

тухлых. Некоторые женщины так ослабевали, что не могли подняться с постели. Вместо того чтобы улучшить их питание, им уменьшали порцию. Многие женщины умирали. Их дети так и не дождались своих матерей, увеличив число сирот в этом несчастном мире.

С наступлением долгожданной весны мы немного оживились, надеясь на то, что скоро появится зелень, земля даст урожай и мы чуть-чуть окрепнем.

А в мае закончилась война. Эта весть, словно сама весна, прокатилась по стране, оживляя, возрождая и даря надежду отчаявшимся уже людям. Не было, наверно, ни одного человека, кто воспринял бы эту весть равнодушно. Это был конец смерти и начало жизни! Начальство объявило нам, что всех трудармейцев освободят и они скоро вернутся домой.

И всё же на деле это было не так просто и не так скоро.

Надежда на глобальные изменения в нашей жизни придавала силы. Люди ждали возвращения родных и с фронта, и из трудармии. Однако возвращались единицы. Многолетняя война погубила не только мужчин, но и немало женщин, многодетных матерей.

Без особых изменений, с горем пополам прожили ещё одну зиму. Весной меня послали сторожить поле, расположенное в трёх километрах от села. Там стоял соломенный шалаш, в котором я должна была жить.

На поле росла картошка, а также огурцы, помидоры и лук. Каждый день сюда на работу приходило около двадцати женщин. Я должна была следить, чтобы никто ничего не воровал и чтобы на поле не заходил скот.

На ночь я завешивала вход в шалаш одеялом и почти никогда не выходила на улицу, только прислушивалась, нет ли на огороде скотины. Было страшновато ночевать одной, вдалеке от села. Причём не просто ночевать, а охранять настоящую драгоценность — продукты питания! Поэтому я всегда прибегала к Богу за помощью и защитой. И Он хранил меня, утешал Своими дивными обетованиями.

Иногда ко мне приходили Генрих и Марта. Они тоже боялись ночевать одни. Но втроём в шалаше было слишком тесно, и они вынуждены были возвращаться домой.

Вечерами я разжигала костёр и варила себе похлёбку. А днём женщины, работающие на поле, готовили себе суп из продуктов, которые им выдавали, и иногда угощали меня, только без хлеба.

Хозяин землянки, в которой жили Генрих и Марта, попросил освободить помещение. Он уже поговорил с председателем колхоза, и тот велел нам переселиться на птицеферму. Когда работа на поле закончится, я должна буду ухаживать за курами. У меня внутри всё оборвалось. Будущность показалась совершенно неприглядной и тёмной. Уныние заволокло душу мраком.

Меня снова начала мучить лихорадка, ведь спать приходилось на сырой земле! В довершение всех этих напастей пришло письмо от Неты, прочитав которое, я потеряла надежду на то, что она вернётся...

Вконец расстроенная, я отправила Нете короткое письмо: «Мои силы на исходе. Не знаю, что будет дальше, если ты к зиме не вернёшься...»

Ночью, размышляя об этом письме, я стала ругать себя за минутную слабость. Нета и без того рвётся домой и при малейшей возможности давно бы приехала. Ей и так трудно, а я, вместо того чтобы пожалеть и утешить, ещё больше расстрою её. Раскаиваясь, я стала просить у Бога прощения и умолять Его исправить мою ошибку.

Милосердный Господь вновь сделал чудо. Моё письмо послужило поводом к освобождению Неты!

Вечером смертельно уставшая Нета пришла в барак. Прочитав полное безысходности письмо, она разрыдалась. Она так горевала, что даже оставила нетронутой свою порцию супа. Бригадир поинтересовалась, почему Нета плачет. Узнав о письме, она сказала, что завтра будет заседать комиссия по вопросу больных, и посоветовала Нете подать заявление о пересмотре её дела. Однако Нета не хотела ничего писать, ведь она не считалась больной и могла работать. Тогда бригадир сама написала заявление, а Нета только подписала его.

Подав заявление, Нета могла оставаться в бараке, однако

ей не верилось, что результат будет положительным, и она вышла на работу.

Неожиданно Нету вызвали на комиссию. От волнения у неё так сильно колотилось сердце, что во время осмотра она еле стояла на ногах. Врач как бы между прочим спросил, как часто у неё болит сердце, и, не дожидаясь ответа, выдал справку об освобождении из трудармии.

— Можешь ехать домой,— коротко сказал председатель комиссии, заверив подписи врачей печатью.

Нета дрожащей рукой взяла бумагу и чуть не потеряла сознание от нахлынувших чувств. Словно во сне, она дошла до барака, рыдая от сознания того, что имеет право вернуться к детям.

Вместе с документами Нете выдали немного денег и хлеба на дорогу. Свою одежду она поменяла на хлеб, чтобы привезти детям, которые уже забыли, как он выглядит.

Две недели Нета была в пути, пересаживаясь с одного поезда на другой. Порой ей приходилось по два дня сидеть на вокзале в ожидании состава. Хлеб она берегла для детей и, не имея больше ничего съестного, просила еду у людей.

Совершенно неожиданно я получила почтовую открытку со словами: «Еду к вам. Нета».

Вновь и вновь перечитывая короткую фразу, я не верила своим глазам. Повсюду ходили слухи, что многие возвращенцы умирают по дороге от голода и болезней. Вместе с детьми мы каждый день просили Бога защитить Нету от всех опасностей. Генрих и Марта каждое утро выходили на дорогу, ведущую из Мартука, и сидели на обочине, ожидая мать.

После очередного ночного дежурства я помолилась и легла в шалаше отдохнуть.

«Когда же придёт Нета? — подумала, закрыв от усталости глаза. — Может, это произойдёт сегодня?»

В тот же момент мне послышалось, будто кто-то подошёл к шалашу. Я открыла глаза и увидела женщину. Пригнувшись, она всматривалась в полумрак.

— Нета! — закричала я. — Нета, это ты?!

— Я, я... — шептала она, обнимая меня. — А где Марта с Генрихом?

— Они сидят у дороги и ждут тебя!

Оказывается, Нета пришла по другой дороге. Увидев шалаш, она решила сократить расстояние и пошла напрямик, через поле.

Мы поспешили к детям. Заметив нас издали, они кинулись навстречу. Генрих бежал так быстро, что казалось, его ноги не касаются земли. Марта плакала от радости и тоже старалась бежать, но ей мешало больное сердце.

Нета была голодная, и мы поспешили вернуться в шалаш. Она привезла детям хлеб, который приобрела за одежду и который ей выдали на дорогу. Засохшие кусочки были такими вкусными и ароматными, каким не бывает сегодня даже самый лучший пирог.

Подвесив над огнём свой казанок, я быстро приготовила обед.

— Какой приятный запах! — заметила Нета, жадно вдыхая воздух.

Запах действительно был приятным, ведь в котелке варилось самое настоящее «жаркое», и не беда, что оно было из сусликов! Хоть выглядел этот деликатес не слишком изысканно и даже несколько необычно, вкус у него был замечательным. Чтобы по достоинству оценить это блюдо, необходимо как минимум год до этого не есть ничего, кроме супа, состоящего преимущественно из воды с небольшим добавлением муки. Причём этот пункт в рецепте «жаркого» из сусликов является обязательным.

После еды мы пошли в деревню, в наше убогое жилище.

— Что же вы едите? — удивлялась Нета, стараясь понять, как и чем мы живём. — У вас есть хоть какие-то запасы?

Я не стала говорить ей о том, что запас у меня был один, который давно находился в крайней степени истощения. Это запас терпения. Вместо этого я показала ей мешочек с рожью, перемешанной с другими злаками. Каждую неделю мне выписывали в колхозе такое зерно. Мы сами мололи его как могли. Полученную крупу сыпали в воду, добавляли немного картошки и варили суп. Осенью, когда у односельчан появлялся рассол из огурцов и помидоров, я просила у них этой жидкости и доливала в суп. Получалась

кисловатая похлёбка. Это была наша ежедневная пища.

Узнав, что я посадила картошку, лук и фасоль, Нета обрадовалась. Если всё это благополучно вырастет и даст урожай, то мы уже не будем терпеть такой острой нужды в пище. Однако до урожая было ещё далеко, а что-то есть нужно было уже сегодня. Ситуация усложнялась тем, что раньше наш мешочек должен был кормить троих, а теперь нас стало четверо.

Глава девятая,

которая рассказывает о том, какое отношение к родственным связям имеют картошка и тыква

С приездом Неты наши дела заметно пошли в гору. Увидев, в каких тяжёлых условиях растут её дети, Нета стала действовать с удвоенной энергией. С молитвой она бралась за любой труд, чтобы хоть немного облегчить нашу жизнь.

Когда началась жатва, Нета обнаружила, что на поле вокруг кустарников и кое-где на склонах, куда комбайн не мог подъехать, остаются несжатые колосья. Она спросила у председателя колхоза, можно ли ей собрать несжатые колоски для себя. Председатель разрешил, так как она недавно вернулась из трудармии. Нета стала каждый день собирать колосья, и к концу жатвы мы выбили полмешка чистых зёрен пшеницы и ржи.

Нета отнесла зерно на мельницу, и мы, впервые за столько лет, получили настоящую муку! Правда, мельник не сразу отдал её. Он поинтересовался, где Нета взяла свежее зерно — не украла ли? За это грозило строгое наказание. Нета объяснила, что получила разрешение на сбор колосьев от самого председателя, и тогда мельник выдал ей муку.

Однако печь хлеб мы всё ещё не могли. Муку надо было экономить.

Лишь иногда мы позволяли себе напечь так называемых оладушек. Для этого варили картофель в мундире, разминали его, добавляли муку, соль и воду, всё хорошо перемешивали, делали маленькие лепёшечки и сушили их на плите.

Осенью мы переселились на птицеферму. Нам выделили землянку, состоящую из одной комнаты и сарая. Мебели не было никакой, но в землянке стояла большая русская печь, чему мы безмерно радовались. На ней мы спали, а днём, свернув постель, пользовались печью как столом.

Неподалёку от курятника, в сараях для коров и лошадей, было много навоза. Мы с Нетой принялись заготавливать на зиму кизяк. Вместе с детьми каждый день делали лепёшки и сушили их на солнце. Теперь у нас был свой сарай, и мы могли складывать в нём топливо. Хотелось заготовить кизяка как можно больше, чтобы зимой не мёрзнуть.

Для приготовления пищи пришлось мастерить небольшую плиту. С Божьим благословением она получилась удачной, огонь в ней горел весело, и мы радовались.

Мы подбирали и несли домой любую деревяшку или хворостинку, попадавшуюся на дороге. Однажды Генрих нашёл две доски. Из них получился хороший стол с ножками крестнакрест. Эта мебель была настоящей радостью для всей нашей семьи. Скамейку к столу мы смогли сделать только через год, несмотря на то что Генрих усердно старался найти для этого хоть какую-нибудь доску.

Меня поставили ночным сторожем в телятнике, а Нета должна была кормить кур, собирать яйца и каждое утро чистить сарай. Днём мы с детьми подрабатывали у местных жителей: копали картошку, за что нам хорошо платили той же картошкой.

Однажды я целый день копала картошку и пришла на дежурство очень уставшая. Лил дождь. Я села у открытой двери сарая и задремала. Как же сильно я испугалась, когда, проснувшись, увидела, что телята разбрелись по ферме! Я побежала загонять их в сарай и обнаружила, что одного телёнка нет. Меня охватила паника, и я кинулась искать пропавшего.

В кромешной темноте ничего не было видно. К счастью, телёнок быстро нашёлся, и у меня получилось загнать его на место. Однако я поскользнулась и упала, поранив колено.

Боль была настолько сильной, что я не могла встать на ногу. Кое-как, со слезами, добралась до сарая и дождалась

утра. С большим трудом приплелась домой. Колено распухло и невыносимо болело. Натереть ногу было нечем. Чтобы хоть немного облегчить боль, я прикладывала мокрую тряпочку. Боль уменьшилась, но появился нарыв, и я не могла ходить. Пока нарыв не лопнул, Нета дежурила вместо меня.

Той осенью Марта стала жаловаться на боли в сердце. Ей требовалось хорошее питание и особенно сахар, которого, как и хлеба, давно не было в продаже.

Уже к концу октября одна учительница попросила Марту понянчить двух её детей. За это она обещала хорошее питание и ночлег. Учительница держала двух коров и кур, и Марта могла там неплохо питаться. Нета согласилась отпустить дочь на работу в надежде, что она там физически окрепнет.

Домой Марта приходила только на воскресенье. Она сильно тосковала по матери. Мне было жаль племянницу, но пойти на работу вместо неё я, к сожалению, не могла.

Зимними вечерами в нашей землянке собирались подростки и молодёжь, а Марта в это время должна была находиться среди чужих людей. Приходя домой в выходные дни, она горько плакала, потому что очень хотела остаться в привычной обстановке. На работу она возвращалась с тяжёлым сердцем.

И всё же в семье учительницы Марта оставила добрый след. Она хорошо владела русским языком и пересказывала детям всё, что слышала от меня об Иисусе Христе. Хозяева её любили и относились к ней очень хорошо, но мирской образ жизни и отсутствие семейной молитвы томили Марту.

Прошло шесть лет с тех пор, как нас привезли на чужбину. Наши дети заметно выросли, появилась молодёжь. Девушки работали в колхозе доярками, а юноши — трактористами, пастухами, конюхами. Выходных ни у кого не было. Только по вечерам молодёжь могла отдыхать и очень часто собиралась у нас на птицеферме. Стульев, конечно, не было, и сиденьями нам служили тыквы и кизяки. Но это никого не смущало — нищета всё ещё была нашей спутницей. Привыкая жить в скудости, человек приобретает ценный навык — проще смотреть на второстепенное и дорожить простыми

вещами, такими как общение, дружба, доброта, любовь, которые всегда бесплатны, как и всё поистине ценное.

Собираясь вечерами, мы много пели. Я говорила о необходимости покаяния и рождения свыше, рассказывала о своём обращении, о богослужениях, которые проходили у нас на родине. В таком общении мы, кажется, забывали о том, что нас сослали. Лишь когда начинали петь, у многих на глаза наворачивались слёзы: вспоминалась родина, где эти песни звучали совсем по-иному. В такие моменты, душой находясь на родине, мы ощущали себя на чужбине. Сразу же напоминал о себе голод. Больней сжималось сердце от мысли, что многих, кто раньше пел с нами эти песни, уже нет рядом. Кто-то умер, а большинство разбросало так, что сложно и найти. Многие юноши и девушки даже не знали, живы ли их отцы.

В конце общения мы всегда молились и зачастую расходились по домам очень поздно. Рано утром все должны были идти на работу.

Зимой нередко буранило. Утром первым делом надо было откопать дверь и окно, потом почистить сарай и покормить кур, затем прочистить дорожку к колодцу и набрать воды. На это уходило много времени и сил. А за ночь всё опять заносило снегом, и утром надо было начинать сначала.

На Рождество в нашей землянке собралось много гостей — мои юные друзья пришли отметить праздник.

О праздничном угощении не было и речи, а духовный хлеб я постаралась приготовить. На небольших листочках написала по памяти тексты из Библии, краткое разъяснение к ним и куплет из песни на эту тему. Вытягивая листочки из коробочки, юноши и девушки по очереди читали эти тексты, а я объясняла, как можно применить в жизни то, о чём написано.

Одной девочке попался текст из Книги Иова: «Всё это делает Бог два-три раза с человеком, чтобы отвести душу его от могилы». Когда она прочитала его, я рассказала небольшую притчу про оленя.

Три весёлых молодых человека ехали верхом в город на танцы. По дороге они увидели ярко освещённый храм.

Любопытство побудило их остановиться и зайти. В это время священник прочитал текст, только что прочитанный девочкой из Книги Иова. Он говорил, что между жизнью и смертью бывает очень короткое расстояние, и никто из живущих не знает, в какой момент оборвётся нить его жизни.

Священник обратился и к молодым людям, стоящим у двери. Они тоже не должны думать, что ещё молоды и успеют обратиться к Богу. Нет, откладывать своё покаяние нельзя!

Возможно, Бог уже пытался кого-то остановить — то ли через болезнь, то ли через какое-либо несчастье. Сегодня Он снова обращается к каждому и просит скорее оставить всякий грех. С теми же, кто медлит мириться с Богом, может произойти непоправимое, как с тем оленем.

Лесной красавец отдыхал в тени деревьев, как вдруг раздался выстрел. Это стрелял охотник, увидев отдыхающего оленя. Выстрел оказался неудачным, и охотник нажал на курок ещё раз. Олень продолжал лежать — ему было так хорошо в тени! Второй выстрел тоже не достиг своей цели. Не успел олень опомниться, как прогремел третий выстрел, оказавшийся для животного роковым.

Молодые люди вышли из храма и направились к своим лошадям. Неожиданно один из них остановился:

— Мне надо вернуться. Для меня прозвучало третье предупреждение.

Друзья попросили его не портить им вечер — неужели в проповеди пастора есть что-то серьёзное? Но юноша стоял на своём.

— Год назад я тяжело заболел,— сказал он,— и только чудом выжил. А второй раз Бог останавливал меня в горах, когда я падал в ущелье и чудом зацепился за куст.

И всё же друзья уговорили его ехать дальше и не возвращаться в храм.

Молодые люди помчались в город галопом. Страх озадаченного товарища рассеялся, но неожиданно он изо всех сил выкрикнул:

— Олень! Я — тот несчастный олень!..

Из его рта хлынула кровь, и он упал замертво, не успев ни раскаяться, ни попрощаться.

Слушая эту притчу, друзья взволнованно переглядывались. Как только я замолчала, одна девушка смело сказала:

— У меня уже не раз было побуждение покаяться...

Она упала на колени и стала просить у Господа прощения за свои грехи. Следом за ней покаялись ещё трое. Мы все радовались и пели один гимн за другим, пока не пришло время расходиться. Договорились собраться следующим вечером в доме семейства Тиссен. Некоторые друзья уходили печальными, потому что у них не было мира с Богом.

Когда все ушли, мы с Нетой принялись готовить ужин. Вдруг распахнулась дверь, и в дом вбежал Генрих. Он держал в руках свою обувь и тяжело дышал. (В то время мы ходили в самодельных шлёпанцах, которые состояли из деревянной подошвы и двух ремней. Естественно, бежать в них было очень неудобно, особенно по глубокому снегу.)

— Что случилось? — спросила я, увидев тревогу в его глазах.

— Все покаялись, а я остался! — срывающимся голосом выпалил он.

Оказывается, Генрих встретил девочек, которые рассказали ему о своём покаянии.

— Ещё не поздно,— поспешила я утешить его. — Для тебя тоже есть место у нашего Небесного Отца!

Марта, слыша наш разговор, заплакала:

— Я тоже хочу покаяться и радоваться, как те девочки!

Я перестала чистить картошку, и мы вместе опустились на колени. И Генрих, и Марта исповедали Богу свои грехи, попросили за них прощения и тут же стали благодарить Господа за радость спасения. Так просто совершилось столь великое чудо, по поводу которого на небе ликовали Ангелы.

К Тиссенам пришли не только молодые, но и пожилые христиане. Нас всех влекло в общение друг с другом, а обращение молодёжи радовало и вдохновляло прославлять Спасителя.

Мы запели песню «Я знаю поток, он могуч и глубок...». Во время пения послышалось всхлипывание. Все тут же преклонили колени, и четверо юношей и две девушки обрели новую, вечную жизнь, раскаявшись в грехах.

Как прекрасны действия Духа Святого! Он спасал души от вечной гибели, а мы были живыми свидетелями Его благодатных дел.

После Рождества Марта должна была вернуться к учительнице. Разумеется, ей это не очень хотелось, но мы настаивали, поскольку здоровье её было совсем слабое. Хотя она немного и окрепла от хорошего питания, всё же оставалась болезненной.

Марта была удивительной девочкой. Мы видели её страдания, но сама она никогда ни на что не жаловалась. С наступлением весны Марте сделалось хуже. У неё пропал аппетит и появилась непроходящая усталость. Нета разрешила ей оставить работу. В мае, когда занятия в школе закончились, Марта вернулась домой, хотя учительница не очень хотела её отпускать.

Летом меня послали сторожить телят на выгоне, далеко за селом. Жили мы в старом вагончике вместе с доярками. Ночью я была возле телят, а днём, когда они паслись, могла на несколько часов прилечь. Но отдыхать в вагончике было невозможно: железная крыша нагревалась на солнце так сильно, что нечем было дышать. В такие жаркие дни я уходила домой и работала на огороде. Нета ухаживала за колхозными цыплятами. Они целый день бегали по ферме, и ей надо было следить, чтобы их не унесли хищные птицы.

Так проходили наши будни. Нам по-прежнему очень не хватало Генриха, от которого с мая 1941 года мы не получили ни одной весточки. Учительница, у которой жила и работала Марта, помогла нам написать запрос, и со временем мы получили ответ, что Мартенс Генрих умер 8 октября 1943 года. Где и при каких обстоятельствах — не сообщалось.

Сложно сказать, что лучше — никаких известий или известие трагическое. Если не иметь надежды на встречу в вечности, то, наверно, неизвестность лучше. Тем не менее весть о смерти Генриха была для нас большим испытанием, особенно для Неты. Любящий Бог знал, что такие известия ложатся на душу человека тяжёлым грузом, и по Своей милости не давал нам возможности узнать эту тяжёлую правду в то время, когда мы были ещё слишком слабы. Да мы тогда

вообще мало чем интересовались, кроме еды.

Немцы, сосланные в чужие края, держались в большинстве своём обособленно и не знали многого, что происходит в мире. От скудного питания и постоянного чувства голода все наши мысли вращались вокруг одного — что поесть и как выжить. При встрече у нас почти всегда был один вопрос: «У вас есть что-нибудь поесть?»

Приходить в себя мы начали лишь тогда, когда появилась возможность досыта есть картошку и тыкву. Многие стали задумываться о том, о чём уже долгое время не давали думать иссохшие нервы и ослабевшее тело. Постепенно мы вспомнили, что у нас где-то есть родители, братья и сёстры. Мы стали узнавать адреса немцев, проживающих в других местах, и писать им письма. Таким образом многие находили своих родных, раскиданных по белому свету.

Мои родные тоже нашлись, хотя и не все. Родители переселились на свою вечную родину. Лену в 1946 году арестовали и осудили на десять лет по политической статье. Однако через семь лет, благодаря амнистии, её освободили, и вскоре она вместе с сыном поселилась вблизи Мартука. Позже, когда Нета с Генрихом уехали в Киргизию, я несколько лет жила с Леной. Но всё это произошло спустя годы, а в то трудное, послевоенное время было совершенно немыслимо.

Молодёжь продолжала собираться в нашей землянке. Некоторые приобрели гитары и мандолины, и теперь пение сопровождалось музыкой, вдохновляющей к искреннему прославлению Бога. В сладостные минуты общения забывались горести и скудная жизнь на чужбине. Моё сердце умилялось, когда я видела, как юные друзья от всей души славят Бога. Ни у кого из них не возникало желания заменить такое простое общение на легкомысленное развлечение в сельском клубе.

Марта таяла на глазах. У нас не было возможности вызвать врача, и приходилось смиряться с тем, что есть, лишь взывая к Богу о милости и доверяясь Его благой воле.

Однажды, заметив печаль в глазах любимой племянницы, я спросила:

— Марта, ты боишься смерти?

— Да,— кивнула она печально.

— А что тебя страшит?

— Одиночество. Мне же придётся лежать на кладбище одной.

— Там будет лежать только твоё тело! — сказала я. — А ты будешь на небе, куда Ангелы понесут твою душу. Там ты не будешь одна, ведь там уже находится твой папа, и мы в своё время пойдём туда и уже никогда не разлучимся.

В глазах Марты мелькнула радость, и она больше не печалилась.

Последний вечер в её жизни наступил 16 апреля 1948 года. Путь страданий закончился, и Марта в семнадцать лет перешла в иной мир, где всё новое и вечное, где обитает наш Господь.

Наутро Нета пошла в контору попросить досок на гроб, но ей сказали, что их нет. У Неты было три метра ситца, из которого Марта мечтала сшить себе платье. Теперь ей сшили из него саван. Учительница дала немного марли, из неё сделали подушку. Девочки смастерили фату и венок.

Марта была похожа на невесту. На её лице лежал отпечаток мира и радости. Молодёжь выкопала могилу, и рано утром, несмотря на мороз, мы отнесли тело Марты на кладбище. Несли прямо на скамейке, на которой она лежала, потому что гроба не было. Завернув почившую в одеяло, мы опустили её в могилу. Людей при погребении было очень мало, поскольку освобождения от работы не давали.

Закончив семилетку, Генрих хотел поступить в училище, но от него потребовали вступить в комсомол и перестать посещать богослужения. Он решительно отказался от такого предложения, и его не приняли. А зимой колхоз послал Генриха, вместе с другими юношами, на курсы трактористов.

Так Генрих начал зарабатывать, и мы зажили намного лучше. Он получал зарплату и зерно, и в 1950 году мы начали печь хлеб. Наш организм постепенно стал оживать и укрепляться.

Колхоз выделил нам участок земли, где мы могли сажать картошку. Господь благословлял нас хорошим урожаем. Кар-

тошка была дорогая, и, продав часть урожая, мы смогли собрать немного денег.

Однажды в селе дёшево продавали старую корову. Заняв небольшую сумму, мы добавили свои сбережения и купили её. Молока она давала мало, но оно было жирное. Я пропускала его через сепаратор, делала из сметаны масло и продавала, чтобы рассчитаться с долгами.

Когда мы рассчитались за корову, у меня появилось желание накопить денег на домик. Эта мысль была настолько заманчивой, что мы с Нетой решили опять экономить.

В 1953 году нам действительно удалось купить на краю села лачугу, состоящую из комнаты, кухни и прихожей. Хотя домик был маловат, зато — собственный. После переезда я вышла на пенсию, несмотря на то что председатель колхоза никак не хотел меня отпускать. Из-за недостатка стажа мне платили всего восемь рублей в месяц. Однако Нета и Генрих работали, и нам троим вполне хватало на жизнь.

Узнав, что одной из наших двоюродных сестёр негде жить, мы взяли её к себе.

— Где трое едят досыта, там может жить и четвёртый,— сказал Генрих, встречая старенькую родственницу.

Благодаря Божьему благословению, мы через время купили домик побольше.

В 1956 году немцев освободили от надзора спецкомендатуры, и мы могли ехать куда угодно, кроме Украины, где жили раньше.

Глава десятая,
последняя

Давно закончилась война, далеко позади страшные голодные годы. Наступили добрые времена, и только память хранит то ужасное, что прошло, оставив на сердце корявые рубцы и плохо заживающие раны. Я состарилась, но Бог, на Которого уповала с юности, не забывал меня ни на миг. И я это видела, я это чувствовала.

Прожив около Мартука более двадцати лет, я никогда

не думала, что смогу когда-то выбраться из этой высылки. Но у Бога Свои планы о каждом. Он направил мой жизненный путь так, что мне не пришлось коротать дни в одиночестве.

Генрих создал семью и переселился на юг, в солнечную Киргизию. Устроившись на новом месте (он уехал вместе с Нетой), Генрих пригласил меня к себе. Однако, как он ни старался, прописать меня у себя так и не смог. Я вернулась в Мартук и, смиряясь с Божьей волей, прилагала много старания к тому, чтобы ни в чём её не преступать.

За свою жизнь я усвоила одну настолько же важную, насколько и простую истину: Господь ничего не делает во вред Своим детям. Семья у Генриха росла, и со временем он купил для матери отдельный дом с тем, чтобы я могла переехать к ней вместе с племянницей, у которой стала жить, вернувшись в Мартук (до этого я жила у Лены). Повинуясь Божьему водительству, я служила Богу как могла и никогда не была одинока.

Осенью 1973 года неожиданно заболела Нета. Три недели она пролежала в больнице и 15 октября умерла от инфаркта сердечной мышцы. Для всех нас это было большим ударом. Нета всегда была крепкой и здоровой, но у земной жизни есть предел, и с этим нельзя не считаться. Похоронив Нету, а потом и Марию, которая жила в Ташкенте, я осталась с племянницей и никогда не чувствовала себя одинокой и никому не нужной.

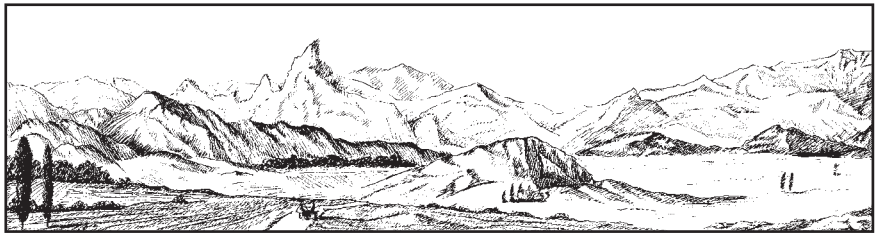
Когда немцам разрешили выезд на историческую родину, я вместе со своими родственниками и друзьями переехала в Германию.

Жуткие годы остались в прошлом, понемногу стираются из памяти ужасы войны и революции. Страшный голод и лютый холод не парализуют уже тела и разума, оттого острота этих столь тяжких переживаний потихоньку тускнеет. Но незабываемыми остаются Божьи милости и Его любовь.

Всем сердцем я крепко привязалась к моему Небесному Отцу. В дни благополучия, как и в дни ненастья, я ни на миг не переставала ждать Его, моего Возлюбленного, Который обещал прийти и взять к Себе всех, кто признал Его своим Спасителем и Богом.

«Путь праведника прям...» (Ис. 26, 7). И хотя этот путь нередко проходит долиной смертной тени, пролегает через страдания, через тесные врата,— он неизменно приводит к желанной цели!

Оглядываясь на пройденный путь, мне вместе с псалмопевцем хочется воскликнуть, прославив Господа Бога: «Для многих я был как бы дивом, но Ты твёрдая моя надежда. Да наполнятся уста мои хвалою, чтобы воспевать всякий день великолепие Твоё» (Пс. 70, 7–8).



Анна Никитична Новикова

Страдания за Евангелие

Наша семья проживала в селе Малый Узень Самарской губернии. В конце декабря 1893 года моего папашу, Новикова Никиту Сергеевича, осудили на вечную ссылку с лишением всех прав и состояния «за совращение в баптисты православной девицы».

Для ясности скажу немного о родителях папаши. Его отец был религиозным человеком. Молоканин от рождения, он считал себя самым честным и правдивым и твёрдо стоял за молоканскую веру. В том же духе он воспитал своих пятерых сыновей и четырёх дочерей. Дети слушались его, и он был очень доволен этим и жил спокойно.

Но в одно прекрасное время душевный мир дедушки был нарушен приездом его близкой родственницы из города Тифлиса, тётушки Варнавны. Много лет назад она со своим мужем уехала на Кавказ. Они жили там у одного зажиточного молоканина. Когда в Тифлисе появились баптисты и стали проводить собрания, к ним примкнули некоторые молокане, в том числе и хозяин, у которого жила тётушка Варнавна. Этим хозяином оказался известный проповедник Никита Исаевич Воронин.

В то время уверовал также юноша Василий Гурьевич Павлов, который впоследствии стал знаменитым проповедником.

Тётушка Варнавна, обратившись к Богу, присоединилась к церкви через святое водное крещение и сказала брату

Воронину, что поедет на родину благовествовать о Христе своим родственникам.

И вот, приехав в Самарскую губернию, Варнавна стала объяснять племянникам, что молокане заблуждаются, неправильно понимают Евангелие. Все внимательно слушали, что говорила Варнавна, цитируя Священное Писание.

Один за другим братья Новиковы уверовали в Спасителя, воспринимая весть о пречистой Крови Христа, пролитой за грешников. Тут-то дедушка и возмутился на Варнавну и на своих сыновей, которые вышли из послушания и нарушили веру родителей и дедов. Троих сыновей он сразу отделил от своей семьи: старшего Никиту Сергеевича и двух средних — Кирилла Сергеевича и Матвея Сергеевича.

Братья построили себе избу из самана и стали жить вместе и радоваться в Господе. Все они были уже семейные. Собрания проходили у них, и число верующих всё увеличивалось. Иногда их посещал Василий Гурьевич. Он и принял братьев Новиковых в церковь, крестив их по Слову Божьему.

Василий Гурьевич поставил Никиту Сергеевича пресвитером общины. Всё шло хорошо, благая весть распространялась даже в окрестных сёлах — в Куриловке и Орлов-Гае.

Однажды к братьям Новиковым зашёл бурлак из Пензенской губернии. В нашем селе проживало много зажиточных крестьян, которые нанимали на лето работников. Вот он и пришёл, чтобы поработать. С ним была девочка семи лет, сирота. Он попросил братьев Новиковых приютить эту девочку, так как с ребёнком его никто не хотел брать в работники.

Братья посоветовались со своими семьями и решили принять сироту. Среди полдесятка детей одна не помешает. И девочка осталась жить в верующей семье.

Она прожила у Новиковых до семнадцатилетнего возраста. Вращаясь среди верующих и всегда слыша в семье разговоры о Христе, девушка стала вникать в Священное Писание. Она начала молиться и просить Господа, чтобы Он и ей дал живую веру в то, что Его святая Кровь была пролита и за её грехи. Господь услышал молитвы, и вскоре её имя было записано в книге жизни у Бога. Девушка присоединилась

к общине баптистов, приняв святое водное крещение.

Радуясь, что имеет прощение грехов, она по неопытности решила отнести священнику свой крестик и сказать ему, что больше не верует ни в этот крестик, ни в иконы.

На вопрос священника, почему она перестала веровать в святые иконы мучеников, девушка ответила, что есть Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой и Библия учит поклоняться только живому Богу. Святые мученики обрели спасение, но никого другого спасти не могут. Они приняли мученическую смерть за то, что верили в Спасителя и проповедовали язычникам распятого Христа. Святые не могут ходатайствовать за нас. Это делает Спаситель, Он — наш Ходатай перед Небесным Отцом. А крест Спаситель велел носить не такой, Он сказал: «Возьми крест свой и следуй за Мной».

Священник сильно рассердился и стал кричать на девушку, спрашивая, где она набралась такой ереси, кто ей сказал, что иконы — не боги. Он потребовал показать, где это написано. Девушка хорошо знала Священное Писание и указала на Книгу Исход, где сказано: «Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения...» (гл. 20).

Священник так разошёлся, что стал угрожать девушке тюрьмой и требовал сказать имя человека, который внушил ей эту глупость. Девушка указала на Никиту Сергеевича, как на старшего в общине. Священник известил о произошедшем правительство, те послали докладную в губернию. Губернатор прислал приказ арестовать Новикова, а девушку этапным порядком отослать на родину. Это было в конце 1893 года.

Отца под конвоем погнали в Самару, и он два месяца просидел в тюрьме без разрешения на свидание.

По прошествии двух месяцев отца стали судить.

— Новиков, если ты откажешься от своей ереси и примешь православную веру, мы тебя освободим,— заявил судья. — Иначе будем судить и сильно накажем.

Отец отказался от свободы. Он признался, что за Христа готов принять какие бы то ни было кары, так как верит, что Господь поможет ему всё снести.

Заседатели и судья ушли на совещание. Конечно, с ними

был и священник, как свидетель и обвинитель. В итоге суд вынес решение: Н. С. Новикова за совращение православной девицы в баптистскую веру приговорить к вечной ссылке на Кавказ с лишением всех прав и состояния.

После объявления приговора судья спросил у отца, что он думает о семье,— оставит здесь или возьмёт с собой. Даже не предполагая, какие трудности могут встретиться во время этапа, отец решил взять жену и детей с собой. Ведь кто знает, куда его загонят, притом навечно?! И он сказал, что семью не оставит и они вместе будут переносить все тяготы. Правительство сообщило братьям Новиковым о решении суда и велело доставить жену и детей Никиты Сергеевича в Самару.

Был конец января 1894 года, пора страшных буранов. Дядя Кирюша сделал кибитку к розвальням, настелил сена, на сено наложил одеял и подушек, а сверху усадил всех нас и закутал в тулупы. Нас было трое: мой брат Лёня — девять лет, моя сестрёнка Маша — шесть лет и я. Мне исполнилось три года. Как самую младшую, мама взяла меня на руки.

Дядя Кирюша запряг пару лошадей, надел тулуп и сел за кучера.

Провожать нас пришли все родные и близкие. Сколько было пролито слёз! Ведь провожали нас навечно, не надеясь, что когда-нибудь можно будет увидеться.

Предав нас милости Божьей, проводили в далёкий путь. От нашей слободы до Самары было двести вёрст.

Лишь на четвёртые сутки мы приехали в Самару. В полиции дяде Кирюше дали направление в тюрьму. Там нас принял сам начальник. Дядю Кирюшу с нами не пустили, и мы остались в тюремных стенах одни. Нас тоже арестовали. Надели на нас всё арестантское, даже серые зипуны.

Поместили нас в женскую тюрьму. Двор был один, но мужские и женские камеры находились в разных зданиях.

На прогулку арестантов выпускали два раза в день, утром и вечером. Нас вывели раньше, и мама сказала, что сейчас увидим папашу. И вот, гремя кандалами, вышли арестанты. У них были скованы не только ноги. Их попарно сковали за руку, а также обрили правую сторону головы и бороды.

Я не могла узнать отца. А мама в это время не успевала вытирать слёзы.

— Боже мой, это за Тебя он несёт такое поругание! — шептала она.

Мы с Лёней и Машей притихли, нам было страшно. Казалось, что все дяденьки с бритыми головами и бородами похожи друг на друга.

Папаша, увидев нас, заулыбался и помахал свободной рукой.

— Нюра, беги скорее, вон папа тебя зовёт! — подтолкнула меня мама, указывая на отца.

Но я всё ещё не могла узнать дорогого папочку. И вдруг узнала! Я побежала к нему и бросилась в объятия. Он обхватил меня свободной рукой и долго целовал. Потом спросил, могу ли я спеть что-то новое?

Мы как раз выучили новый гимн, и я запела:

Твёрдо стой, твёрдо стой, народ Христа,
Не страшись врагов креста, ни угрозы мира!
Хоть и слаб ты, но крепись, и на Бога положись...

Как папаша был рад этому гимну!

Немало времени пришлось нам сидеть в тюрьме в ожидании, когда наберётся эшелон арестантов. Наконец стали собирать нас в путь. Железной дороги тогда не было, поэтому детей погрузили на подводы вместе с арестантским барахлом. Мужчин и женщин погнали пешим строем.

Шли от города до города. Пригонят в какой-то город, стоим одну-две недели, отдыхаем. Потом снова в дорогу.

В Ростове мы стояли целый месяц. В это время моя сестра Маша сильно заболела и отошла в лучший мир, где нет и в помине таких скорбей и тревог, какие нам пришлось пережить.

Проводить Машу на кладбище маме не разрешили, а папаше тем более. Он не мог даже проститься с любимым ребёнком. Да, трудно было родителям переносить все эти несчастья, но они находили помощь и утешение у Того, Кто обещал: «Я с вами во все дни до скончания века».

Так гнали нас до Новороссийска. Там погрузили в поезд.

В поезде ехали вместе с папашей. Он радовался, что наконец может быть с семьёй. Конвоир, старший унтер-офицер, был хорошим человеком и с удовольствием слушал, что папаша читал из Евангелия. Меня он частенько просил что-нибудь спеть, и я пела. Остальные подпевали мне и поправляли, где я неправильно произносила слова, так как мне не было ещё и четырёх лет.

На каком-то полустанке нас выгрузили и продолжали перегонять пешком от города к городу. Это скоро написать, ещё скорее сказать, но на место мы попали только весной 1894 года.

Пригнали нас на Кавказ, в город Елизаветполь. Арестантов, в том числе и папашу, погнали в кузню, где кузнец расковал их, и они свободно вздохнули...

Папашу заковали в конце 1893 года, а расковали в апреле 1894 года. Сколько времени его ноги не видели свободы ни днём ни ночью! Но он страдал за Господа без ропота и с радостью. Ведь Иисус сказал: «Гнали Меня, будут гнать и вас за имя Моё».

Когда папашу расковали, конвоиры проводили его в полицию. Там конвоирам сообщили, что они могут возвращаться в свою часть. А папаше начальник сказал:

— Новиков, ты теперь свободен. Можешь устраиваться, как знаешь. Но прими к сведению, что без моего разрешения не имеешь права ступить ногой за пределы города! И ещё: помни, за что ты выслан. Не вздумай распространять здесь свою пропаганду, иначе я загоню тебя туда, куда Макар телят не гонял!

Папаша поспешил к семье, ведь ему предстояло сделать много дел. Мы ждали его со своими пожитками неподалёку от полиции.

Завернув за угол, папаша тут же столкнулся со старшим конвоиром. Тот не хотел уйти, не простившись с Никитой Сергеевичем. Они расцеловались. Папаша поблагодарил своего надзирателя за хорошее отношение к нему и попросил его чаще читать Евангелие, которое укажет ему, как нужно жить. Тот пообещал исполнить просьбу. На этом они разошлись каждый в свою сторону.

Папаша пошёл искать квартиру. На самой окраине города ему удалось найти комнату, куда мы и вселились, попросив у Господа благословения на дальнейшую жизнь.

Городишко был небольшой. Присмотревшись к жизни на новом месте, папаша устроился на подённую работу плотником и стал подыскивать домишко. Он написал братьям, чтобы продали его имущество и выслали деньги на покупку дома. Так Господь послал нам и деньги, и домик. Стали мы жить и радоваться, что Господь нигде не покидает Своих детей.

Около нашего дома проходил арык. Однажды мы с Лёней плескались в нём, так как жара стояла несусветная.

Вдруг Лёня закричал:

— Нюра! Посмотри, кто идёт!

С горки прямо к нашему дому спускался наш дедушка — Сергей Герасимович! Я его уже забыла, но Лёня не забыл. Он тут же выпрыгнул из воды и бросился к дедушке в объятия.

Дедушкино сердце не стерпело разлуки. Он приехал повидаться. Хотя, когда папашу осудили, дедушка говорил, что так ему и надо, он ведь изменил отцовской вере. Потом он всё же понял, что сын страдает за Господа, а не за кражу или убийство.

Сколько радости было у папаши при встрече с дедушкой! Сколько было разговоров о родных местах! Ведь папаша получал письма через полицию, их проверял сам начальник. А тут дедушка без свидетелей подробно рассказал все новости, всё, что папашу интересовало.

Погостив у нас две недели, дедушка стал собираться домой, ему не нравилось на Кавказе.

После отъезда дедушки Лёня сильно заболел. Всё лето его трепала лихорадка и в конце концов совсем свалила в постель. Проболев до осени, Лёня тоже ушёл в лучший мир.

Мама сильно плакала.

Папаша, опуская гроб, сказал:

— Жди, дорогой сынок, и нас к себе...

А у Господа он просил силы, чтобы перенести все эти скорби без ропота.

В конце осени с родины пришло письмо, в котором сообщалось, что в окрестных сёлах осудили трёх братьев:

пресвитера Ивана Силантьевича Бугрова, а также Харитона Кузьмича и Ивана Николаевича Романовых. Теперь они просили у папаши совета, как поступить с семьями.

«Боже упаси брать семью с собой! — категорично ответил им папаша. — Когда пригонят на место, только тогда можно выписать семью».

Зимой мы встретили этих братьев по вере. Всех троих пригнали в наш город. Папаша приютил их у себя. Когда они выписали свои семьи, Романовы остались у нас, а Иван Силантьевич снял квартиру в городе. У него была большая семья, но с Божьей помощью всё устроилось хорошо.

Собрания иногда проходили у нас в доме.

Дожили до осени 1895 года. Господь снова послал папаше тяжёлое испытание. Мама долго болела лихорадкой. Потом у неё были неблагополучные роды. Родился мальчик, а мама через шесть часов скончалась. Папаше пришлось опускать в могилу третий гроб.

Тяжело было папаше. Но он с верой обращался к Тому, Кто даёт силу с терпением переносить все испытания, и получал от Него просимое.

Мальчика назвали Ваней. Он прожил всего шесть недель. Кормила его жена Ивана Николаевича, у которой тоже был маленький ребёнок. Но Ване, по всей видимости, не хватало молока. А может, ему передалась мамина болезнь. День ото дня он всё больше и больше слабел. Наконец Господь сжалился и над Ваней, и над папашей и взял мальчика в Свои обители.

Мы с папашей остались вдвоём. Он переписывался с пресвитерами из Тифлиса и Баку — с Василием Гурьевичем и Василием Васильевичем. Те советовали ему искать помощницу, потому что так жить нельзя, ребёнку нужна мать.

Мне пошёл уже шестой год, и я отлично помню, как весной мы тайком провожали папашу в Баку за новой мамой. Василий Васильевич нашёл сестру, Анну Захаровну, которая четыре года назад овдовела. Ей тоже было тяжело жить одной с малыми детьми. У неё их было пятеро, но трое жили уже самостоятельно, а с ней оставались двое: Маша одиннадцати лет и Коля шести лет.

Василий Васильевич предложил Анне Захаровне соединить свою судьбу с ссыльным братом, которому нужна помощница. Сестра согласилась. По приезду папаши Василий Васильевич сочетал их браком. Затем Анна Захаровна собрала свои скромные пожитки, и они вчетвером с Божьей помощью отправились в путь.

Помню, я стояла на балконе и две тёти, которые у нас жили, сказали мне, что сейчас придёт поезд, на котором папаша привезёт мне маму. Я с нетерпением смотрела в сторону вокзала, ожидая обещанную маму.

Наконец вдали показалась группа людей с узлами и мешками. Я ожидала, что папаша привезёт только маму, а Господь послал мне ещё сестру и брата!

После того как поздоровались, мама взяла меня на руки и крепко обняла. А Маша подарила мне куклу (после она призналась, что ей было очень жаль отдавать любимую игрушку).

Я была в восторге! Теперь в тёмные вечера мне не придётся оставаться в комнате одной. Ведь папаша после работы часто уходил к братьям побеседовать, и я, проснувшись, не могла больше заснуть. Без папаши мне почему-то было страшно.

С Божьей помощью, у нас началась новая жизнь. Папаша с мамой вскопали клочок земли около дома и что-то посеяли, а Маша насадила цветов. Когда у цветов появились бутоны, она каждое утро, вскочив с постели, бежала на огород посмотреть, не расцвели ли её цветочки.

Летом 1896 года папаше сильно захотелось побывать на родине. Но как это сделать? Он не имел права без спросу выехать за пределы города. И он решил уехать тайно. Одна только мама знала, куда уехал Никита Сергеевич.

Папаша отважился на опасное путешествие, и Господь по Своей милости охранял его путь и пребывание на родине. Он был очень осторожен, и с ним тайком виделись только самые надёжные братья и сёстры. Все они оберегали изгнанника, потому что враг, из-за которого тот страдал, был ещё жив.

Посетив родину, папаша увиделся с близкими и даже

побывал на собрании, но тайно — сидел в спальне, слушал проповедь дяди Кирюши (Кирилла Сергеевича) и пение духовных песен. Своему родителю папаша побоялся показаться. Когда дедушка всё же узнал, что приезжал Никита Сергеевич, то сильно обиделся на него и прислал ему большой выговор с предупреждением: дескать, смотри, сын, чтобы в следующий раз так не делал, я ведь не враг тебе, а родитель!

Конечно, вернувшись домой, папаша и сам горько сожалел, что не повидался с отцом, просил у него прощения и обещал, что в следующий раз, если Господь позволит ему быть на родине, обязательно зайдёт к нему повидаться.

По приезду папаши из весьма опасного путешествия в нашем доме была встреча с братьями, которые за это время соскучились по Никите Сергеевиче. Пришли: Иван Силантьевич Бугров, Иван Николаевич Романов и Харитон Кузьмич Романов, а также Иван Петрович Пиньков, тоже ссыльный из Николаевска. Братья провели вечер в пении и молитве.

Потом жизнь пошла по-старому. Папаша был очень благодарен Господу за то, что Он дал ему свидеться с родными и хранил его в пути от всех неприятностей.

Дожили до начала осени. Собрания по-прежнему проходили у нас, и Господь чудно охранял.

Папаша потихоньку работал. Машу устроили в няньки, хотя ей очень не хотелось идти в люди. Она всегда со слезами уходила из дома. Мама всё уговаривала её: не плачь, семье надо помогать, нас ведь пятеро, а отец работает один. Хотя братья Новиковы не забывали нас на чужбине и иногда присылали помощь.

Неожиданно нашему благополучию пришёл конец. В сентябре папашу вызвал начальник:

— Что, Новиков, надоело жить спокойно? Я предупреждал тебя, а ты всё равно собираешь у себя людей, проповедуешь всякую ересь. За это отправишься туда, где тебя никто не будет слушать и не поймёт твоей пропаганды!

— Воля ваша, господин начальник,— ответил ему папаша. — Я верю в Бога и надеюсь только на Него. Он поможет мне снести все страдания за веру в Него.

— Как ты думаешь, опять надеть тебе кандалы или добровольно, на свои средства, поедешь вместе с семьёй? — спросил начальник.

— Нет уж, господин начальник, разрешите мне ехать добровольно,— попросил папаша.

Начальник написал проходное свидетельство и велел в течение недели собраться и выехать из Елизаветполя.

Так начались наши сборы. Папаша стал искать, кому продать домик. Конечно, за такой короткий срок хорошего покупателя не найдёшь. Пришлось продать с убытком, ведь и на проезд, и на питание нужны были деньги.

Наконец собрались в дорогу — что продали, что бросили. С собой взяли только самое необходимое и сложили в сундук.

Погрузились на поезд. От Елизаветполя до станции Акстафа полсуток езды. С Акстафы папаша нанял извозчика до Еревана.

На подводе ехали пять дней. Мы все заболели лихорадкой. Она и так в течение лета нас не бросала, а теперь вспыхнула ещё сильнее, с высокой температурой. Папаша нередко терял сознание.

Приехали в Ереван. Первым долгом папаша пошёл искать доктора. Привёл его на постоялый двор, где мы остановились. Доктор осмотрел нас и обнаружил, что у каждого сильно опухшая селезёнка. Он выписал хинин и велел не есть солёного и не пить сырой воды.

Достав лекарство, папаша пошёл в губернское правление к губернатору, потому что проходное свидетельство было выписано до Еревана. Он надеялся, что нас оставят в городе. Но губернатор дал другое проходное свидетельство до уездного города Нахичевань.

Мы снова отправились в путь. От Еревана до Нахичевани — сто двадцать вёрст. Два дня ехали на фургоне. Ночевали у персидских татар, на постоялом дворе.

В Нахичевани папаша пошёл к уездному начальнику за распоряжением, где прикажет остановиться ссыльному Новикову. А у начальника уже было готово предписание от губернатора. Он направил нас в глухую армянскую деревню Кузнут, где мы могли основательно расположиться.

Мы ждали папашу с радостной вестью, надеясь наконец отдохнуть от дорог и болезней, но он принёс печаль. Пришлось снова нанимать извозчика и ехать туда, куда было приказано.

Дорога всё время шла между гор. На закате солнца приехали в Кузнут. Извозчик свалил наши пожитки посреди улицы, сказав, что не может ждать, когда мы найдём приют. Ему нужно до ночи вернуться в город, а то по-тёмному в горах ехать опасно: могут напасть и звери, и разбойники.

Нас тут же окружили армянки. Извозчик мог говорить по-армянски, он был молоканин. Когда-то их дедов за молоканство тоже ссылали в Закавказье на вечное поселение. Внуки уже привыкли здесь, на своей родине, и жили сёлами в Ереванской губернии. Этот молоканин объяснил армянкам, как мы здесь оказались.

Папаша через извозчика попросил женщин приютить на время больное семейство. Извозчик перевёл просьбу и уехал. Женщины смотрели на нас и плакали. Одна армянка сжалилась, дала нам помещение вроде сарая, без окон и печи, куда мы и перетащили свои пожитки.

Остались мы в том сарае жить, надеясь, что Господь поможет нам найти подходящую квартиру, где было бы тепло и светло. А здесь дневной свет проникал только через отверстие в потолке.

Во всей деревне по-русски мог говорить только учитель.

Так началась наша жизнь на новом месте.

Все мы сильно болели. Коля свалился наповал. Мама лежала с высокой температурой и в бреду часто вскакивала с постели и хотела куда-то бежать. Папаша брал её на руки и снова клал в постель. Мы с Машей тоже еле держались на ногах. Лихорадка трепала нас немилосердно. Мы грелись на солнце, а она ещё пуще начинала трепать. Один папаша перемогался, Господь держал его на ногах, а то и воды подать было бы некому.

Однажды меня трясла лихорадка, и я сидела у стеночки, грелась на солнышке. Смотрю, вдоль улицы, опираясь на батожок, идёт русский дедушка с седой бородой. Не веря своим глазам, я закричала изо всех сил:

— Папаша!

Он был около мамы. Услышав мой крик, тут же выскочил на порог:

— Что случилось?

Он подумал, что меня кто-то укусил, потому что там было очень много скорпионов и фаланг. А я, как после испуга, долго не могла сказать ни слова. Потом показала на дорогу:

— Русский дедушка идёт!

Папаша побежал ему навстречу. С какой радостью они обнялись!

Дедушка Слесь рассказал, что к ним приходили армяне из Кузнута и сообщили, что здесь поселились урусы (так кавказцы называли русских. — *Прим. ред.*). Он решил посетить брата по вере.

Этот дедушка тоже был выслан навечно, как и мы, только жил один, без семьи. Его хижина находилась ещё дальше в горах, в двенадцати верстах от нашей деревни. После этого знакомства он часто приходил к нам, и мы всегда встречали его с радостью.

В скором времени нашему Коле стало очень плохо, и Господь взял его к Себе. И мама, и мы с Машей много плакали.

Папаша помолился, сколотил гроб и положил туда останки нашего братишки. С помощью одного доброго армянина он похоронил Колю на армянском кладбище. Мы же не в силах были идти. Только смотрели вслед, а провожать не могли, особенно мама, она была очень слабая.

Похоронив Колю, папаша стал искать подходящую квартиру, чтобы хоть немного облегчить жизнь больной семьи. У кавказцев редко найдёшь комнату с окнами, а печей и в помине нет. У них вместо окна — отверстие в потолке, которое или затыкают на ночь, или же на него натягивают плёнку, чтобы проходил дневной свет.

Слава Богу, нашлось жильё с двумя окнами, но без печи. Папаша купил у хозяина кирпич и сложил русскую печь. И ещё он сделал что-то вроде кровати, стол и скамейки. С Божьей помощью мы поселились на новой квартире и стали жить по-русски.

Заработать на пропитание было негде. Армяне — очень

добрый народ, и часто то одна, то другая женщина приносили нам что-нибудь поесть. За это папаша мастерил им или люльку для ребёнка, или низенький столик. Они ставят эти столики на тандыр — круглую яму, аршина полтора глубиной, обмазанную глиной. В этом тандыре и готовят, и лаваши пекут, а зимой ещё и греются. Поставят на тандыр столик, накроют паласом — самотканым ковром из шерсти, потом садятся вокруг ногами вовнутрь и греются. На полу у них тоже везде настелены паласы.

Ну а мы грелись на русской печи. Зима была холодная. Армяне говорили, что у них никогда не было такой зимы, это, мол, урусы привезли с собой холод.

Немного осмотревшись, папаша пошёл в Нахичевань. Там он случайно встретил ссыльного брата Савелия Алексеевича Алексеева, которого выслали из Петербурга на десять лет. С ним были жена и дочь. Материально они жили хорошо — он сапожничал, а жена шила одежду.

От Савелия Алексеевича папаша узнал, что в городе есть ещё одна семья, которую тоже сослали навечно. У них два сына и две дочки.

Позднее папаша познакомился с этой семьёй. Яков Михайлович — глава семьи — оказался невозрождённым человеком. Беседуя с папашей, он часто спорил, во многом не соглашался. Он не был крещён по вере. Сослали его за то, что отказался кланяться иконам.

Понемногу мы стали привыкать на новом месте. Лихорадка оставила нас, зимой она не такая свирепая, как весной и летом. Машу устроили в город няней.

Весной папаша узнал, что в трёх верстах от нашего села, в ауле Шишма-Басар, строится сельское правление. Он стал хлопотать, чтобы его поставили там сторожем.

Осенью, когда здание отстроили, нам разрешили переселиться на новое место жительства. Папаша был рад, что Господь помог ему устроиться на эту работу. Ведь там будут платить десять рублей в месяц! Мы перенесли своё небольшое имущество и с благословением Господним начали жить на новом месте.

Правление было большое, просторное, светлое, люди

бывали в нём редко. В здании было шесть комнат: судебная, совещательная, писарская, арестантская, гостиничная и сторожевая, где мы и поселились. Остальные комнаты почти всегда были пусты.

Писарь жил в пяти верстах, в татарском селении, и приезжал редко. Гостиную занимал пристав или помощник уездного начальника лишь проездом, заезжая обогреться. А судебная и арестантская почти всегда пустовали. Судебный зал по воскресным дням служил нам молитвенным домом.

В субботу вечером к нам всегда приходил дедушка Слесь. Вечер мы проводили у нас в комнатке — читали, пели, молились. Спать ложились рано. Погасив огонь, ещё долго, лёжа в постели, вели разговоры о прошлом, о далёкой нашей родине. Папаша с дедушкой вспоминали о пережитых радостях и невзгодах. Я очень любила слушать их разговоры и, заслушавшись, незаметно засыпала безмятежным детским сном.

Золотое детство! В моей жизни не было лучшего времени, чем беззаботное и счастливое детство. Хотя в свои семь лет я уже много пережила — знала, что такое тюрьма, что значит остаться без матери. Однако новая мать не обижала меня, а папаша очень любил и жалел, и потому я была счастливой и радостной.

Ох, я далеко ушла, не закончив рассказ о судебном зале.

Зал был большой. В нём стояли диваны, а впереди — кафедра для судей и заседателей. В воскресенье утром мы заходили в зал — четыре, а порой и пять человек. Папаша поднимался на кафедру, а мы размещались на диванах. Папаша открывал собрание молитвой, потом мы все вместе пели и слушали проповедь. Мы были очень благодарны Господу за то, что Он даёт нам возможность и здесь, в далёкой стороне, утешаться Его Божественным словом и прославлять Его за любовь и спасение.

Зимой Маша приехала домой немного отдохнуть от господских детей. Папаша решил приступить к обучению всех нас грамоте, хотя сам был малограмотный. Он сходил в город, купил азбуку, грифельные доски и грифели. И началось наше учение. Три ученицы и один учитель. Мама тоже ни в какую не хотела отставать от нас.

— Я уже стара учиться письму,— сказала она,— но ты, Никита Сергеевич, научи меня хотя бы читать. Я хочу читать Евангелие.

Всю зиму мы учились и к весне уже хорошо читали и писали. Вспоминая то время, я всегда благодарю Господа за то, что могу и писать, и читать. Спасибо за это папаше. Он позаботился о нашем будущем.

В Кузнуте была школа, однако там обучали только мальчиков. Девочек армяне не учили. В городе была школа и для девочек, но ездить туда мы не могли.

Желая хоть немного заработать на питание, папаша стал покупать в городе лес и делать табуретки. Сделает стол и две табуретки и несёт в город продавать. На вырученные деньги купит хлеба, сахару, чаю, масла. Так с Божьей помощью прожили вторую зиму.

Иногда мы неделями никого не видели, кроме своей семьи. В ауле было всего пять дворов, но общались мы с жителями очень редко, потому что правление стояло на отшибе.

К весне Маша опять пошла в люди. Нас с мамой папаша тоже проводил было в город. Мама нанялась горничной к одинокой барыне. Но так жить мы не смогли. Нужно было платить за квартиру, и мы через месяц вернулись домой. Папаша один тоже затосковал. Так и жили до лета.

Папаша днём плотничал, а вечерами мы всей семьёй сидели около семилинейной лампы. Мы с мамой вязали чулки, а папаша читал нам Библию. Он читал и про Авраама, и про Исаака и Иакова, и про Иосифа, Моисея, читал про Спасителя — как Он родился, как пострадал, умер и воскрес, как вознёсся на небо. Все эти истории хорошо запечатлелись в моей детской памяти. Я полюбила эту чудесную книгу Библию и, когда научилась читать, то больше всего зачитывалась Новым Заветом. Папаша задавал мне учить некоторые главы наизусть.

Дожили до лета 1898 года. Папаша надумал проводить нас с мамой на всё лето на родину, в Малый Узень. Собрали всё необходимое в дорогу, и папаша, наняв подводу, проводил нас до города.

Прощаясь с нами, Маша плакала от обиды, что ей приходится оставаться служить в людях. Родители старались

объяснить, что у них не хватает денег, ведь ей нужно покупать полный билет, а мне — только четверть. Но Маше всё равно было обидно.

Поехали мы с мамой по той же дороге, по которой в полном неведении ехали два с половиной года назад — больные, с разбитым сердцем. Но теперь мы знали, куда едем, знали, что нас ждут родные и близкие. Только жаль было оставлять папашу в одиночестве и плачущую Машу.

Нас помчала четвёрка сытых лошадей. Пассажиров было человек пятнадцать. Фургон просторный, обтянутый белым полотном, чтобы солнце не жгло голову. Четвёрка бежала весело. Извозчик — молодой армянин. Он немного знал русский язык и всю дорогу балагурил, коверкая русские слова.

До станции Акстафа ехали пять дней. Затем сели на поезд. В Елизаветполе зашли к Ивану Силантьевичу, желая повидаться с братьями и сёстрами. Все были живы и здоровы, жили хорошо. Иван Силантьевич ни в чём не имел нужды. Он даже открыл свой магазин.

Потом мы поехали в Баку. Там мама заехала к знакомым верующим. Ей хотелось со всеми повидаться и побыть в общении с Божьими детьми. Ведь мы столько времени жили в одиночестве! Погостив и повидавшись, мы сели на шхуну и поплыли по Каспийскому морю. Ночью поднялась сильная буря. Шхуну бросало во все стороны. Мы были на палубе, и нас заливали волны — к утру на наших одеждах не осталось сухого места. С наступлением утра буря затихла, взошло яркое солнце, и мы быстро обсохли.

Потом мы пересели на поезд и поехали к бабушке в Пески Воронежской губернии. Помню, как радовалась бабушка нашему приезду. Они не виделись с мамой больше десяти лет.

Бабушка жила небогато. У неё не было коровы, зато был большой сад. Мы гостили у неё около месяца.

В то время в Песках проходили многолюдные собрания верующих. Мы с мамой постоянно посещали их, а бабушка верила по-православному, и, сколько мама ни уговаривала её пойти с нами, она не соглашалась.

От бабушки мы поехали в Малый Узень. С дороги дали

знать о нашем приезде, и нас встретил дядя Матвей.

Стояло жаркое лето. Поспевали хлеба, и в селе почти никого не было — все работали на поле. У нас на родине летом всегда так. Хозяева выезжали в поле, забирали с собой и детей, и коров, и телят, и кур, и гусей, и жили там до осени, как на даче. Там всем привольно — рядом был пруд, и гуси, и ребята целыми днями не вылезали из воды. Там стояли землянки и печи, даже были погреба для хранения продуктов.

В субботу вечером все ехали домой, мылись в бане, а в воскресенье шли на собрание. Потом снова все уезжали на поле. Вот и нас дядя Матвей повёз туда.

Дядя Кирюша и дядя Матвей жили ещё вместе. У дяди Кирюши старший сын уже имел свою семью, и сколько там было у меня двоюродных братьев и сестёр, лучше не считать. Все они были очень рады нашему приезду.

В субботу мы поехали в село и в воскресенье посетили богослужение. Вечером дядя, Иван Сергеевич, взял меня к себе. Там я встретилась с дедушкой, Сергеем Герасимовичем, и гостила у него всю неделю.

Дедушка жил с младшим сыном — Иваном Сергеевичем. Бабушка умерла без папаши, а дедушка всё так же твёрдо стоял за свою молоканскую веру. Его дочь Феня (папашина сестра) умерла, и дети остались сиротами. У Ивана Сергеевича не было детей, и они взяли к себе на воспитание Ваню и Полю. У дедушки был хороший сад, и мы с Полечкой играли там в тени деревьев.

За время нашего пребывания в Малом Узене я выучила много духовных песен. Каждое воскресенье нас с мамой кто-нибудь из родных брал к себе в гости. Всем хотелось узнать, как Никита Сергеевич живёт на далёкой чужбине. Все молились и просили у Господа благословений для него, чтобы он не унывал в одиночестве и утешался Господом.

В августе мама стала собираться в дорогу. Родные уговаривали её не спешить, но она хотела ещё повидаться со своими детьми.

Сборы были недолгие. Провожать нас пришли все родные, надавали нам много деревенских гостинцев. Один брат сшил мне новые полусапожки, а сестра купила ткань на платье.

Провожали нас до вокзала. Сколько приветов передали Никите Сергеевичу! Все обещали не забывать его в молитвах.

Поехали мы через Саратов в Баку, а из Баку — в Бухару. Там у мамы жили дочь Саша и сын Ваня, который недавно женился. Маме хотелось увидеться с невесткой.

Доехали мы, слава Богу, хорошо. Встреча получилась радостная. Погостили две недели. Русских там проживало немного, да и те в основном приезжие, которые хотели подзаработать на хлопке. В Бухаре сеяли хлопок. Мамин сын работал слесарем на хлопкозаводе. Хлопковыми стеблями топили печи и тандыры.

Время пролетело очень быстро, и нам снова надо было собираться в дорогу. Хорошо, когда родные встречаются, но когда приходится расставаться — становится грустно. Распростившись с Сашей, Ваней и его женой Надей, мы поехали домой. Дорога дальняя, и мы сделали несколько пересадок, пока добрались до Еревана.

В Ереване остановились на несколько дней. Посетили одного ссыльного брата, а у него — большое горе: после тяжёлой болезни умерла жена, оставив троих маленьких детей.

Брат послал на Украину телеграмму и ожидал приезда родных. Гроб пришлось обкладывать льдом, потому что погода стояла тёплая, хотя и был уже сентябрь. Очень тяжело было брату переносить горе на чужбине, с малыми детьми. Только Господь мог помочь ему всё это пережить.

Не дождавшись похорон, мы с мамой тронулись в путь и уже через два дня были у папаши.

Как он обрадовался нашему приезду! Мы сразу передали ему приветы от всех, а рассказов о родных и близких хватило надолго. Папаше, конечно, хотелось знать, кто как живёт. Мы привезли ему песенник — кто-то из братьев передал в подарок, и он тут же начал учить новые песни: «Страшно бушует житейское море...», «Ах, радость, радость будет там...», «Обвитый чистой плащаницей...» и другие.

Так мы проводили время в назидании, ожидая скучную зиму. Летом не так скучно — вокруг зелень, поля, посевы. А зимой одни горы стоят кругом, и редко кто заедет к нам.

Маша иногда приезжала, но через неделю со слезами отправлялась обратно, служить господам.

В Нахичевани жила сестра, сосланная на пять лет. Её звали Матрёной. Она тоже работала у господ няней. В хорошую погоду они вместе с Машей гуляли с детьми по городскому саду. У Матрёны на родине остались дети, по которым она бесконечно тосковала.

В скором времени пригнали в нашу местность ссыльных братьев с Украины. Самсона Ивановича отправили ещё дальше в горы, в армянскую деревушку. Ему уже исполнилось семьдесят лет, он был белый как лунь. Брата Андроника с женой сослали на пять лет. Его поставили сторожем в правлении одного татарского аула. И ещё прибыли два брата: Арсений — на пять лет, Василий — навечно. Их тоже поставили сторожами — одного в армянском селе, другого — в татарском. Николая Семёновича с женой Дарьей и тринадцатилетним сыном Петей сослали навечно.

Всем было трудно, но Господь не покидал Своих детей и давал силу всё переносить с радостью и без ропота.

По милости Божьей пережили зиму без особых изменений. Дедушка Слесь часто посещал нас, и мы радостно проводили время в беседах и песнопении.

Иногда к нам заезжало начальство: пристав или его помощник. Переночуют и дальше едут. Их целью были города на русско-персидской границе — Джульфа и Ордубад. Начальники выезжали туда наводить порядки.

Как-то раз заехал к нам помощник начальника полиции и остался ночевать. Вечером папаша накрыл ему стол, и они разговорились. Начальник поинтересовался, как мы живём. Папаша признался, что тяжело жить далеко от города. Четырнадцать вёрст ему приходится носить в город свои изделия, чтобы продать и на вырученные деньги купить продукты для семьи.

— В пяти верстах от города строится сельское правление,— сказал помощник. — Пиши начальнику прошение, чтобы тебя перевели в Тумбул и поставили там сторожем. А я похлопочу за тебя.

Папаша поблагодарил этого человека за любезный совет

и в скором времени подал прошение о переводе. Начальник полиции тогда был новый, недавно приехавший в Нахичевань и разрешил ссыльному Новикову переехать в селение Тумбул.

Весной 1899 года мы с большой радостью оставили аул Шишма-Басар и переехали в Тумбул. Там народ был не такой тёмный, как в глухих деревнях. Многие армяне могли говорить по-русски. В ту пору Маша вернулась домой.

Приближалась Пасха. Нас почему-то не оставили в правлении, и мы сняли квартиру. На Пасху к нам приехал Савелий Алексеевич с женой Анной Яковлевной и дочерью Маней.

Мне было очень интересно встречать городских гостей. Они приехали на фаэтоне, запряжённом парой сытых лошадей. Одеты все были по-городскому, в модных платьях и шикарных шляпках. Совсем не так, как мы, бедняки. Они жили без нужды, все трое работали. Савелий Алексеевич имел сапожную мастерскую и держал подмастерьев. Жена с дочерью были портнихами.

Отпраздновав Пасху, папаша проводил нас с мамой в Баку. Мамин сын Ваня вернулся из Бухары в Баку и приглашал нас в гости. И вот мы снова оставили папашу одного и поехали по знакомой нам дороге. Маша была в восторге, что в этот раз едет с нами, причём в то место, где она провела детство.

Гостили у Вани больше месяца. Маша разыскала своих подруг, и они часто ходили на море купаться. Конечно, я от них не отставала.

В воскресенье мы всей семьёй ходили на собрание. Община там была большая, пели красиво, стройно. Мне очень нравилось пение. Я любила петь и быстро запоминала мелодию. Пресвитером был брат В. В. Иванов, очень хороший служитель — даровитый и кроткий. Община любила его и уважала.

Пока мы гостили в Баку, папаша выхлопотал разрешение переехать на три месяца в город для подработки. Он снял квартиру и начал работать плотником. Потом он написал нам, чтобы ехали домой. Мы были очень рады пожить в городе.

Приехав из Баку, я устроилась горничной к Савелию

Алексеевичу. Он отбывал последние месяцы ссылки, и это время тянулось очень долго. Наконец его вызвали в полицию и объявили, что он свободен и может уезжать на родину. Освободили также и сестру Матрёну. Савелий Алексеевич отбыл десять лет, а Матрёна — пять. Как они радовались, что могут ехать на родину!

Хорошо помню, как все собрались у нас в последний раз и просили у Господа благословения на предстоящий путь. Папаша волновался и просил у Бога силы нести свой крест с терпением. Ведь Савелий Алексеевич был сослан на десять лет, а папаша — навечно, и кто знает, не придётся ли и умереть на чужбине?!

Папаша пошёл провожать Савелия Алексеевича и сестру Матрёну до разгонной станции. Савелий Алексеевич уезжал один, жена с дочерью оставались на месте, пока он где-нибудь устроится.

Проводив брата и сестру, папаша вернулся домой с болью в сердце. Вечером он снова молился о том, чтобы Господь дал ему сил не унывать. Папаша надеялся на милость Божью, и Господь не оставлял нас.

Три месяца подошли к концу. Папаша снова подал в полицию прошение с просьбой перевести его на постоянное жительство в город.

В то время на окраине Нахичевани строился этапный дом. Господь расположил к нам сердце начальника, и он распорядился, чтобы Новикова перевели в город и поставили сторожем в этапном доме. Так мы с Божьей помощью переехали на новое место жительства.

После всего пережитого нам казалось, что мы попали в рай. Папаша сделал себе верстак и принялся плотничать. Вначале он выносил свои столики и стулья на базар, потом заказчики стали приходить на дом.

Глубокой осенью мы проводили на волю Анну Яковлевну с дочерью. Савелию Алексеевичу не разрешили жить в Петербурге, и он устроился в Саратове.

Ну а мы, по милости Всевышнего, жили в Нахичевани. Папаша плотничал, мама ходила к господам стирать бельё. Здоровье у неё было слабое, она сильно уставала, часто страдала

от болей в желудке. Маша тоже служила в людях, и ей очень хотелось пожить в семье. Однажды, когда она плакала и жаловалась на нападки барыни, папаша сказал:

— Ладно, Маша, живи дома, только лишнего не проси, а прокормить — я тебя прокормлю.

Маша охотно осталась с нами. Мама начала брать стирку на дом. Они с Машей стирали, а я убирала в комнатах, ходила на родник за водой, грела самовар. Чуть позже мама и меня стала приучать к стирке носков и носовых платков.

Иногда к нам приходил дедушка Слесь со своей женой. Она приехала посетить своего старичка, да так и осталась с ним. Приходил к нам и брат Андроник со своей женой, и мы вместе изучали Слово Божье. Потом начальник взял брата Андроника к себе поваром, а его жену — работницей на кухне.

Мы жили неподалёку от солдатских казарм, и папаша познакомился однажды с солдатом, который стал заходить к нам, чтобы побеседовать на духовные темы. Скоро он убедился, что в Евангелии написана истина. Служить ему оставалось немного, и он обещал по приезду на родину обязательно разыскать верующих. Однако там он попал к субботникам и писал папаше: «Ты, Никита Сергеевич, неправильно понимаешь Евангелие и заблуждаешься». Папаша старался его разубедить, но тот твёрдо стоял на субботе.

Познакомился с нами ещё один солдат — Тимофей Яковлевич, писарь из лазарета, старший унтер-офицер. Он как-то сразу зачастил к нам, и вскоре все поняли, что его заинтересовали наши девушки: Маша, Фёкла и Фима (две дочери Якова Михайловича). Тимофей Яковлевич был хороший человек — скромный, некурящий и непьющий. Но папаша запретил девушкам встречаться с солдатом. Тогда он стал приходить к папаше и увлёкся Словом Божьим. Он достал себе Библию и начал прилежно её изучать. Так прошёл целый год.

Тимофей Яковлевич усердно занимался Священным Писанием, молился вместе с нами. Однажды летом, в июне 1901 года, мы допоздна сидели во дворе. Папаша беседовал с Тимофеем Яковлевичем. Затем все вместе помолились, и

Тимофей Яковлевич пошёл в лазарет, а мы легли спать.

Было жарко, и мы спали на крыше. Не прошло и получаса, как солдат вновь прибежал к нам такой радостный, восторженный.

— Никита Сергеевич, вставай! — закричал он, перепрыгнув через изгородь. — Мне Господь всё простил, я теперь верю, что Господь и за меня страдал!

Оказывается, по дороге в лазарет он молился, чтобы Господь открыл ему истину. Проходя через городской сад, Тимофей Яковлевич не выдержал внутренней борьбы, упал на колени и стал умолять Господа, чтобы пощадил его грешную душу и простил все грехи. И Господь подарил ему Свою благодать.

Мы все поднялись с постели, спустились во двор и благодарили Господа за спасение ещё одного грешника.

Тимофей Яковлевич оставался таким же ревностным и радостным, продолжал изучать Священное Писание. Осенью у нас собрались братья и приняли его в церковь. Папаша ночью ходил с ним на пруд и крестил его во имя Отца и Сына и Духа Святого.

Всё это совершалось с большой осторожностью. Если бы весть о крещении достигла начальства, то Никите Сергеевичу пришлось бы возвратиться в татарский аул. Но папаша надеялся на Божью милость, и Господь чудно охранял его от неприятностей. Братья иногда собирались у нас и совершали вечерю Господню, но тоже очень осторожно, поздним вечером, при закрытых дверях.

Тимофей Яковлевич продолжал ходить к нам. Посторонние не обращали на это особенного внимания, предполагая, что он ухаживает за Машей. Так и получилось. Осенью 1901 года он стал уделять ей много внимания и наконец сделал предложение. Маша сказала, что сама не может решить этот вопрос, нужно поговорить с родителями. И Тимофей Яковлевич отважился говорить об этом деле с папашей. Тот сразу же отказал.

— Во-первых, Маша неверующая, а ты — член церкви. Во-вторых, я не могу дать согласия на венчание по-православному.

Однако Тимофей Яковлевич решил быть на время отлучённым, лишь бы вступить в брак с Машей. Венчаться в православной церкви он не хотел и просил Никиту Сергеевича благословить их на семейную жизнь.

Папаша советовался с братьями и в конце концов дал согласие на этот брак. В октябре Маша вышла замуж, и Тимофея Яковлевича исключили из церкви.

Никакой свадьбы не было. Мы отметили это событие скромным чаепитием, и жизнь пошла по-старому. Изменилось только то, что теперь Маша свободно гуляла с Тимофеем Яковлевичем. Все думали, что они помолвлены и ждут конца службы, чтобы обвенчаться.

Маша жила у нас, и они с мамой продолжали брать стирку на дом. Я тоже помогала им. Зимой мы ходили полоскать бельё на родник. В Закавказье вода в родниках зимой тёплая, а летом — холодная.

В начале 1902 года папаша опять надумал съездить на родину. К тому времени он стал получать письма от родных через одного торговца, армянина. Случилось так, что в разговоре с ним папаша откровенно рассказал, что получает письма через полицию, поэтому родные не могут писать всё, что хотелось бы знать. Армянин предложил свой адрес — пусть, мол, пишут на Микыртича Саркисова. Родные писали разные новости и даже приглашали Микыртича (то есть папашу) в гости, обещая выслать денег на дорогу. И у него возгорелось желание повидаться с родными. Попросив Божьего благословения, папаша пустился в весьма опасный и рискованный путь.

В этот раз он виделся со всеми верующими и родными. Сергею Герасимовичу тоже сказали, что приехал Никита Сергеевич. И дедушка с радостью прибежал. Он был рад увидеть непослушного сына.

Повидавшись со всеми близкими, с братьями и сёстрами, папаша захотел встретиться ещё с племянником, который жил на хуторе за сто двадцать вёрст от Малого Узеня. Николай Захарович — сын папашиной сестры — и братья Новиковы запрягли пару лошадей в сани и повезли Никиту Сергеевича. По дороге заехали в Куриловку повидаться с верующими, а потом и в Орлов-Гай. Встречи везде были радостными. На ху-

торе у племянника папаша гостил несколько дней.

Однажды после собрания к папаше подошёл незнакомый брат и стал его приветствовать.

— Что-то я тебя не знаю, брат,— сказал ему папаша.

— А ты вспомни путь от Самары до Елизаветполя и старшего конвоира,— улыбнулся тот.

Папаша тут же кинулся обнимать его и целовать:

— Радость-то какая!

Брат рассказал, как он, простившись с Никитой Сергеевичем, вернулся в Самару и исполнил то, что обещал. Он достал Библию и принялся внимательно читать те места, о которых говорил ему Никита Сергеевич. А через год, когда прошёл срок военной службы, он вернулся домой, в Куриловку. Разыскал верующих и стал ходить на собрания. В скором времени он уверовал и был принят в общину.

Папаша от всей души радовался и благодарил Господа за то, что Он услышал его просьбу и пробудил в конвоире желание искать истину.

От племянника папаша возвратился с братьями в Малый Узень и стал собираться в обратный путь. Проводы были не такие радостные, как встреча. Провожали с печалью в сердцах, призывая в проводники Самого Господа.

Пока папаша путешествовал, мы сильно волновались за него. Наконец он приехал! Как мы радовались, что Господь хранил его в пути! А сколько он привёз нам приветов и гостинцев от родных — не пересказать!

Жизнь потекла по старому руслу. Папаша по-прежнему выполнял плотницкие работы. Иногда его вызывали на дом что-нибудь отремонтировать.

Мы с мамой и Машей продолжали стирать. Зимой жизнь была скучная. Сидели в основном дома. Когда смеркалось, папаша заканчивал свою работу, мыл руки и ложился на кровать отдохнуть. Зажигать огонь было ещё рано, и мы следовали его примеру. Маша ложилась на свою койку, а я — в середину между папашей и мамой, и в сумерках лежали целый час. Родители рассказывали что-нибудь из прошлого: как жили, как было хорошо. Я очень любила слушать рассказы про дальнюю родную Россию.

До сих пор люблю сумерки. И когда бываю одна, то не зажигаю света, но лежу в потёмках и размышляю о прошлом, как много довелось пережить и хорошего, и плохого.

Зимние вечера мы проводили за чтением и рукоделием. Папаша читал, а мы слушали, иногда пели.

С наступлением весны мы оживали, как и вся природа. Вокруг расцветали сады, зеленели поля, весело журчали родники. В такое время мы с папашей часто прогуливались вдоль поля, и он восторгался всходами пшеницы.

Порой он долго стоял молча, задумавшись, а потом тяжело вздыхал и говорил:

— Да, всходы хорошие. Не знаю, как теперь в Малом Узене растёт хлеб...

Я тогда не понимала его страданий по родным полям.

Наш дом стоял лицом на восток. Солнце всходило из-за Араратских гор. Выходя из дома, мы всегда видели горы. Их вершины и зимой и летом белые, снег на них никогда не тает. Глядя на эти горы, невольно вспоминаешь Ноя и его ковчег. Он поселился на этой плодородной земле и насадил виноградник.

Сколько же там виноградников и фруктовых садов! А какие бахчи! Там никто не ждёт, когда пойдёт дождь, там всё орошают с помощью арыков.

Местные жители по сей день оберегают Ноеву могилу. Посреди большого кладбища, где давно никого не хоронят, возвышается сторожка. Внутри всегда горит свет. Сторож следит за свечами, которые горят день и ночь. По преданию, в той сторожке похоронена семья Ноя.

Армяне дорожат Ноевой могилой. Каждый год на Пасху там совершается служба. Приходит из монастыря священник с монашками, закалывают барашка, варят его и кормят нищих.

Летом 1902 года пригнали ещё одного брата, совсем молодого. Его тоже сослали навечно и поселили в Тумбуле, среди армян. Поставили сторожем в сельском правлении. Он был холостой и очень скучал. Часто приходил к нам.

Мы жили по-старому — днём работали, а вечерами проводили время за чтением и пением духовных псалмов. Закан-

чивали день молитвой. Папаша с мамой всегда молились за Машу, чтобы Господь пробудил в ней желание искать спасения своей душе.

Однажды после вечерней молитвы все разошлись по своим постелям. Мы спали на крыше, а Маша — в помещении. Вдруг посреди ночи Маша выбежала во двор и стала нас будить. Не в силах скрыть радость, она рассказала, что Господь простил её грехи и подарил спасение.

Мы быстро спустились с крыши, преклонили колени и благодарили Господа за то, что Он услышал наши молитвы. Тимофея Яковлевича в это время не было, он уезжал на родину в отпуск.

Маша не могла дождаться своего возлюбленного. А когда он наконец приехал, их радости не было предела. Особенно он радовался тому, что теперь их обоих примут в церковь.

Господь защищал нас от уныния. Жена дедушки Слеся тоже уверовала и пожелала присоединиться к церкви. Папаша посоветовался с братьями, и Маша, Прасковья Ивановна и Тимофей Яковлевич были приняты в общину.

Крещение совершали поздно вечером на озере, в трёх верстах от города. Придя домой, молились о благословении новообращённых и сохранении всех нас от неприятности.

Осенью 1903 года Тимофей Яковлевич дослуживал последние денёчки. Они с Машей стали советоваться, куда ехать и где устраивать свою молодую жизнь. В Нахичевани им не хотелось оставаться. Папаша с мамой посоветовали ехать в Баку — там есть община и легче устроиться на работу.

В конце декабря они уехали. Прощаться было тяжело и грустно. Мы делили вместе и радость, и горе. Бывало, что и ссорились с Машей по детской глупости. А потом мирились и жили дружно.

Проводив Машу, мы с мамой продолжали стирать для богатых. Мама научила меня крахмалить воротнички, манишки и манжеты. Мне шёл четырнадцатый год, и я уже хорошо помогала маме во всём.

В феврале 1904 года к нам приехали гости из Киевской и Харьковской губернии. Это были дети дедушки Слеся — Яша и Таня, а также дочь Самсона Ивановича. Они заехали

вначале к нам, а потом папаша проводил их дальше. Сколько радости было у наших старичков! Дедушка Слесь почти десять лет не видел своих детей. Да и Самсон Иванович давно не виделся с дочкой.

Гостили они недолго, потому что шла весна, а Яша занимался земледелием, ему предстояла посевная работа. Ну а дочь Самсона Ивановича не хотела потом ехать одна. Только Таня осталась, не захотела бросать стареньких родителей.

Дедушку Слеся, как и нас, перевели ближе к городу и поставили сторожем в правлении. Таня, немного обжившись на новом месте, познакомилась с портнихой и устроилась к ней на работу.

Мы с Фимой часто ходили к Тане. Это была очень скромная и мягкого характера девушка. Она любила петь, и мы с ней всегда пели, когда шли к ним или от них к нам. От них до города было пять вёрст, и дорога пролегала между полями. Весной и летом мы с удовольствием ходили среди зелени и цветов.

Ближе к лету мама с Дарьей Ивановной поехали в Тифлис. Там сын Дарьи Ивановны, Петя, служил у одного брата в бухгалтерии. Он закончил в Нахичевани училище, и папаша попросил знакомого брата взять Петю к себе на работу.

Тифлисская община, 1907 год

Гостили они у Василия Гурьевича. Им очень понравились проповеди одарённых братьев и церковное пение — и хоровое, и особенно под фисгармонию. По возвращении они много рассказывали нам о жизни верующих в Тифлисе.

Маша часто писала нам письма. Они жили хорошо. Тимофей Яковлевич устроился бухгалтером и получал приличную зарплату. Но Маша сильно скучала по нас и по Нахичевани.

Нахичевань — небольшой городишко, который ничем особенным не выделялся. Он привлекал людей богатой природой, множеством родников с холодной кристально-чистой водой. Город населяли в основном персы и армяне. Все русские были приезжими. Некоторые солдаты, отслужив, женились на армянках и оставались на постоянное жительство. Начальство там тоже было из числа высланных из России за какую-либо провину.

Начальник полиции в нашем районе, по фамилии Энкель, тоже отбывал срок. Говорят, он был лютеранин. Он очень хорошо относился к ссыльным, на него никто не обижался. Вечерами он иногда заходил к нам в этапный дом.

Бывало, сидим мы всей семьёй, поём, вдруг раздаётся стук в окно. Папаша выйдет, откроет калитку, а это Энкель со своим стражником. Он оставит стражника на улице, а сам зайдёт в дом и спросит:

— Ну, Новиков, как живёшь?

— Слава Богу, господин начальник, живём хорошо. Днём работаем, а вечером отдыхаем — поём, читаем.

Энкель присядет на поданную ему табуретку и попросит что-нибудь спеть. Мы с удовольствием пели. Он внимательно слушал, а уходя говорил:

— Ну, Новиков, пойте и читайте со своим семейством, только других не приглашайте, будьте осторожны!

Дожили до 1904 года без особых приключений. Потихоньку собирались и проводили богослужения. Летом приняли в члены церкви Таню. Крестили её на озере среди белого дня.

Было жаркое воскресенье, и мы — восемь человек — пошли на озеро, будто надумали искупаться. Шли с пением, и

никто из посторонних не подумал, что ссыльные отправились совершать Господню заповедь.

Благодаря палящему зною людей на озере не было. Местные боялись жары и предпочитали отдыхать дома, в холодке. Господь благословил нас, и святое крещение было совершено спокойно, никто не помешал. На берегу мы все вместе помолились, поблагодарили Господа за Его чудную охрану.

В 1904 году началась война с Японией. Время было напряжённое, все ждали, когда наступит мир. В 1905 году, наконец, услышали, что заключён мир и издан манифест об освобождении каторжан и тех, кто выслан бессрочно.

Брат Пинков из Елизаветполя написал, что их освободили и они собираются уезжать на родину. Наши братья пошли к уездному начальнику узнать, когда им объявят свободу. Начальник сказал, что обязательно всех освободят, но пока ещё такого распоряжения от губернатора нет и он никого не может отпустить.

Начальник посоветовал написать прошение губернатору и обещал от себя послать ходатайство за ссыльных, чтобы ускорить дело по их освобождению. Братья подали прошение и с нетерпением стали ждать ответа.

Папаша решил проводить нас с мамой в Баку, к Маше, потому что время было неспокойное, назревал бунт — персы восставали на армян. Вместе с нами решила ехать и жена Якова Михайловича с дочерью Фимой. От Нахичевани до Акстафы, где проходила железная дорога, было всего тридцать вёрст, поэтому нам предстояло трястись на лошадях гораздо меньше, чем это было в прошлую поездку.

Распрощавшись с папашей и Нахичеванью, мы сели в омнибус и в последний раз поехали по Закавказью. Вечером мы уже ехали в поезде. Дорога очень часто ныряла в туннели, потому что вокруг стояли горы.

На вторые сутки прибыли в Баку. Маша встретила нас с радостью, и мы прогостили у неё почти месяц.

Мы выехали из Нахичевани пятого мая в восемь утра, а в девять часов начался бунт. Персы восстали против армян. Три дня шла страшная резня. Персы грабили лавки и мага-

зины. Русских не трогали, только велели им не выходить из квартир. Местная полиция не могла усмирить бунтовщиков, пока не прибыли казаки из Еревана.

Во время бунта папаша днём сидел дома, а ночевал в казарме с солдатами.

Мимо нашего дома проходила шоссейная дорога. Наши соседи, персы, среди дня останавливали фургоны, нагруженные сахаром и мануфактурой, и грабили их. Если извозчиками были армяне, их убивали, а если русские — то отпускали, забрав товар и велев не появляться в городе.

Однажды папаша увидел в окно, что соседи грабят извозчиков, и хотел попросить, чтобы они этого не делали.

— Молокан! Не гляди! — закричали они ему.

И папаше пришлось отойти от окна.

В конце мая папаша дал нам знать, что все ссыльные получили свободу и собираются в путь. Он велел нам ехать к бабушке в Пески и там ожидать его приезда.

Когда мы были у Маши, пресвитер Бакинской общины, Василий Васильевич Иванов, уезжал в Лондон на Всемирный съезд верующих. Мы ходили на вокзал провожать его.

В конце мая мы распрощались с Машей и поехали к бабушке. Там гостили до встречи с папашей. Он приехал, повидался с братьями и стал торопиться на родину.

По пути домой заехали в Балашов к Ване. (Он переехал туда из Баку.) Там тоже гостили недолго и через Саратов поехали в Малый Узень.

Приехали тридцатого июня. Встреча с родными была радостной. Мы бесконечно благодарили Господа за сохранение нашей жизни. Двенадцать лет Никита Сергеевич отбыл на чужбине! Никто и не думал, что придёт день, когда он вернётся на родину.

Первые дни прошли в общении с родными. Потом мы поехали в поле. Папаша очень соскучился по полевой работе и усердно помогал племянникам: Пете, Паше и Васе. Матвей Сергеевич болел и тяжёлую работу делать не мог. А папаша был ещё в силе, ему исполнился только 51 год.

Лето прожили у Матвея Сергеевича. Мы с папашей — в поле, а мама — дома. Папаша между тем подыскивал жильё.

К осени нашлась глиняная изба за сто пятьдесят рублей. Мы перебрались в своё жильё. Через некоторое время купили корову за семнадцать рублей и лошадь за сорок. Папаша снова стал хозяином.

Осенью с полей возвратился народ и возобновились собрания по средам и субботам. (Летом проходили только по воскресеньям.) По вторникам и четвергам в церкви начали проводить спевки. Я от души радовалась, что наконец научусь петь по нотам.

Посещая спевки, я познакомилась с двоюродными сёстрами и братьями. Их было так много, что я даже не могла сразу запомнить имена. Регентом оказался двоюродный брат — Иван Сергеевич. Он ревностно обучал нас нотам и пению, готов был каждому вложить всё своё знание. Нотную грамоту я усвоила быстро. Хор был большой, голоса хорошие.

Пресвитер церкви — Кирилл Сергеевич — часто уезжал, выполняя служение благовестника по Пензенской губернии. Его заместителем был Захар Сергеевич. Некоторые братья стали поговаривать, почему бы Никите Сергеевичу не за-

Анна Никитична с отцом (в центре)

нять свой пост, ведь его никто не отстранял от служения. По этому вопросу назначили членское собрание. Почти все были за, кроме нескольких членов из молодёжи. Так Никиту Сергеевича восстановили в служении пресвитера.

Зима пролетела незаметно. Мы с папашей вечерами бывали дома только в понедельник и в пятницу, а все остальные дни — в молитвенном доме. Мама зимой больше лежала на печке, ей Малый Узень не нравился, она тосковала по Нахичевани.

Лето 1906 года подходило к концу, и я радовалась, что скоро настанет осень и у нас начнутся спевки, мы будем разучивать новые гимны. Ах, как я любила петь! Пела даже за работой. Я и теперь люблю петь, но, к сожалению, голос мой утратил былую свежесть и гармоничность и срывается в самый неподходящий момент.

Один брат говорил в своих проповедях, что человек, умеющий петь,— счастливый. Он и в радости, и в печали может утешаться песней, как Давид — певец Израиля. Я тоже такого мнения.

В октябре к нам приехал брат Савельев. Он любил петь по нотам и помогал на спевках нашему регенту. Однажды он спросил у Ивана Сергеевича, все ли хористы члены церкви.

— Нет, лишь некоторые,— ответил он. — Большинство — дети верующих родителей.

И вот в воскресенье, на вечернем собрании, брат Савельев так горячо проповедовал, что наши сердца сильно встревожились. После проповеди мы все упали на колени и стали взывать к Господу, чтобы Он простил нас и не дал нам погибнуть в этом грешном мире.

Во вторник вечером мы собрались в молитвенном доме на спевку. Перед началом регент пригласил нас к молитве. Мы вновь стали плакать и просить у Господа прощения. Многие, в том числе и я, не могли успокоиться и после молитвы плакали и осуждали себя за греховную жизнь.

Спевка не состоялась. Иван Сергеевич ещё раз помолился о нас Господу и вместе с юношами ушёл, оставив нас в молитвенном доме у Аксинии Сергеевны.

Маня, внучка Аксинии Сергеевны, отставила скамейки в сторону, постлала нам на полу, и мы все вместе стали молиться перед сном. Хозяйка молилась о нас, просила Господа подарить нам радость спасения и укрепить веру. А мы продолжали просить прощения за грехи. Аксиния Сергеевна пошла было к себе спать, но через время вернулась, услышав, что мы не спим.

— Девчонки! Когда же вы успокоитесь? — спросила она. — Почему не верите в Божье прощение? А если Господь придёт в эту ночь, что вы будете делать? Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха. И если вы попросили прощения, то верьте, что Господь простил!

Маня тут же встала на колени и начала благодарить Господа за дарованное спасение. После неё ещё две девочки начали благодарить.

Все мы немного успокоились и стали спрашивать у Аксинии Сергеевны, что нам делать.

— Ступайте к Никите Сергеевичу,— сказала она.

Идти по деревне ночью мы боялись, и Аксиния Сергеевна разбудила брата Трофима, который жил у неё на квартире. Он взял большущую палку (на всякий случай, от собак) и пошёл впереди, а мы — за ним гуськом. Кто-то от радости напевал, прославляя Бога за спасение, а кто-то, как и я, утирал слёзы печали.

В полночь улица была безлюдной, лишь кое-где во дворах лаяли собаки. Когда свернули в переулок, где стоял недостроенный дом, я не выдержала внутренних терзаний и упала на колени:

— Господи, помилуй мою душу. Даруй моему сердцу мир и радость! Помоги поверить, что Ты простил мои грехи!

И произошло чудо. Меня будто озарило светом — на душе стало легко и свободно. Невозможно описать словами ту радость, которая наполнила меня. Это можно только пережить, а рассказать об этом — не знаю как.

Я вскочила и побежала догонять подруг.

— Мне тоже Господь простил все грехи! — объявила я восторженно.

Девочки тут же стали поздравлять меня. Многие разде-

ляли со мной радость, но некоторые пока не могли понять моего состояния.

Пройдя через рынок и мимо казённых амбаров, мы вышли на нашу улицу. На углу стояла изба Захара Сергеевича. Увидев свет в окне, мы решили зайти к нему.

Дядя Захар порадовался вместе с нами и пожелал нам служить Господу до конца земных дней.

От дяди Захара пошли прямо к нашей избе. Папаша открыл нам, и мы взволнованно стали рассказывать ему, как Господь помиловал нас. Папаша радостно поблагодарил Господа за услышанную молитву. Оказывается, ему братья сообщили, почему мы остались у Аксинии Сергеевны. Он не ложился спать и всё время молился о нас.

Мы поблагодарили Господа, спели радостную песнь и направились к соседям. Там жила наша подруга Катя. Она была с нами и тоже покаялась. Теперь ей хотелось скорее поделиться своей радостью с младшей сестрой Настей. Разбудив всю семью, мы помолились за Настю, чтобы Господь и её принял в число Божьих детей.

От Кати мы через всё село пошли в Карповку, к Ивану Сергеевичу (регенту). От него пошли к сестре Кате. Она на радостях согрела самовар и угостила нас чаем. Мы много пели и молились. Когда пошли от сестры Кати, уже начало рассветать.

Пришли к Аксинии Сергеевне. Она напекла пышек и пирожков, согрела чай и стала нас угощать. Напившись чаю и поблагодарив тётю за угощение, а Трофима за ночные проводы и труд, мы снова пошли к нам и были у нас до вечера.

Многие братья, услышав о том, что произошло ночью, пришли порадоваться с нами. Некоторые тоже сильно сокрушались и просили молиться за них. Вечером мы всей гурьбой отправились на собрание.

На том собрании после каждой проповеди каялись юноши. Бог по Своей милости посетил нас и позвал на путь спасения.

Духовно ожив, мы пожелали заключить вечный завет с Богом. Семнадцать девушек и шестнадцать юношей были приняты в церковь. Нас разделили на две группы. Сестёр

крестили шестого декабря, а братьев — шестого января.

Стояли крепкие морозы. За некоторыми крещёнными родные приехали на санях, но с ними никто не захотел ехать. Переодевшись, мы сразу бежали в молитвенный дом. Он стоял недалеко от реки. Последним пришёл Никита Сергеевич. Его закутали в тулуп и привезли в санях — боялись, как бы не простудился.

Все мы ликовали. У всех были сияющие лица. Над нами молились с возложением рук.

Юноши принимали крещение шестого января. В тот день сильно буранило. Но это не помешало совершить Христову заповедь. Недалеко от нашей проруби была устроена иордань, где православные совершали своё служение. Услышав наше пение, многие из них прибежали к нам посмотреть, что происходит.

Слава Богу, было не то время, когда за одну душу папашу сослали навечно. Теперь он исполнял Божье повеление беспрепятственно — крестил верующих во имя Отца и Сына и Духа Святого. И противники не могли помешать. Вечная слава за это нашему Господу, Который печётся о нас непрестанно!

Мы искренне радовались тому, что исполнили Божью заповедь и Он записал наши имена в книгу жизни. Долгие зимние вечера проводили в сладостном общении, восхваляя Господа и Спасителя в песнях. Но со временем нашей радости стали угрожать житейские невзгоды, искушения и всякие печали.

Пока жили с родителями, многие заботы нас не касались. Но впоследствии все разъехались кто куда. Обзавелись семьями. И заботы мира сего стали заглушать небесную радость.

Я вышла замуж на хутор и уехала из Малого Узеня за сто двадцать вёрст. Богослужений там не было. Иногда к нам приезжали братья из Куриловки или из Орлов-Гая. Тогда съезжались верующие из ближних хуторов, и мы наслаждались общением.

Раз, а порой два раза в год я ездила в Малый Узень к родителям. Они старели, но Господь хранил их. Иногда папаша приезжал к нам.

Последний раз он был у нас осенью 1923 года. Гостил целый месяц. Возился с внучатами. Он любил их и всегда говорил:

— Нюра, какие у тебя хорошие дети!

— Хорошие, потому что твои внуки,— отвечала я ему.

— Нет,— улыбался он обычно,— у других не такие. Ой, всегда кричат, не дадут поговорить. А твои тихие, их совсем не слышно.

Прожив у меня до конца сентября, он уехал, и ему больше никогда не довелось побывать в нашем доме.

Я тоже не смогла зимой съездить к дорогим старичкам. А в июле 1924 года приехал двоюродный брат Паша с печальной вестью: папаша сильно болен. Мы незамедлительно выехали и на следующий день к вечеру были в Малом Узене.

Папаша лежал на полу. На кровати его нельзя было удержать — он бредил от сильного жара. На пять-десять минут приходил в сознание и снова впадал в бред. Около него сидели сёстры.

Когда он пришёл в сознание, я наклонилась к нему, поцеловала и спросила, узнал ли он меня.

— Нюра, наконец-то ты приехала! — выдохнул он.

Я подала ему своего сынишку, он взял его на руки и долго целовал, повторяя:

— Ах, внучок, мой внучок...

В бреду папаша всегда или пел, или молился. Однажды ему казалось, что он совершает хлебопреломление, и он просил благословения на хлеб, потом молился над чашей. А другой раз он пытался встать, объясняя, что должен идти на собрание.

Неверующая соседка, посетив однажды папашу, сквозь слёзы говорила:

— Ах, Никита Сергеевич, как ты жил, служа Богу, так и в бреду только о Господнем говоришь. А мой как был пьяница, так и сейчас лежит в горячке и буянит, доброго слова от него не услышишь...

Я попросила Пашу съездить за доктором. Но тот оказался в отпуске, приехал фельдшер. Он осмотрел больного и

ничего определённого не сказал, прописал только горькую микстуру, после которой папаша и воду боялся пить, думая, что ему опять дают лекарство.

В таком состоянии папаша пробыл полторы недели. Потом температура спала, и он лежал спокойно, совершенно обессилевший. За время болезни он ничего не ел, только пил. На вопрос, что у него болит, отвечал:

— Ничего, только сил нет...

Три недели я прожила в Малом Узене. Папаша почувствовал себя лучше, начал понемногу есть. Дома у меня осталось трое детей, восьмидесятилетняя бабушка, хозяйство без присмотра. Я готова была уехать, но мама боялась оставаться с папашей одна.

И тогда я решила взять его к себе.

— Настелим в телегу сена, положим перину и потихоньку поедем,— сказала маме.

Она согласилась. Но Иван Сергеевич, узнав об этом, запротестовал:

— Вы что, разве можно по такой жаре, да на телеге трясти больного? Пусть лежит спокойно, Бог даст — поправится.

На другой день я попрощалась с родными и с болью в сердце поехала домой. Жаль было оставлять папашу, но я надеялась, что он поправится. Совсем не думала, что больше не увижу дорогого родителя. Как мы любили друг друга! Особенно он меня. Я у него была единственная, остальных детей он лишился во время ссылки.

Через две недели мне сообщили, что мой дорогой папаша перешёл в вечность.

Умирал папаша в памяти, и когда мама прощалась с ним, он сказал ей словами апостола Павла:

— Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды. Не плачь, дорогая!

Так на семьдесят первом году жизни папаша ушёл к Господу. После ссылки он прожил ещё девятнадцать лет и переселился в ту чудную страну, где нет ни болезней, ни скорбей. Там одна только радость. Там его встретили близкие и дорогие, которые ушли с земли прежде него. Там он будет

вечно славить Того, Кто спас его душу от вечной гибели.

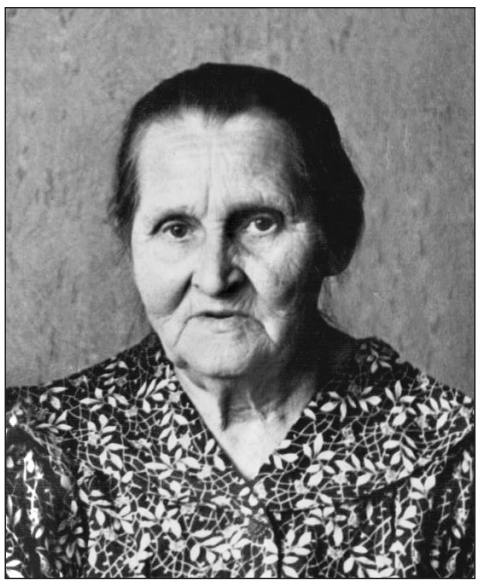
После смерти папаши я звала маму к себе, но она не захотела переезжать. Зимой она жила одна, а летом Маша забрала её в Санкт-Петербург.

В 1926 году мама попросилась к старшей дочери. К тому времени она стала уже очень слабая, у неё часто болел желудок. Как Маша её ни уговаривала, она не захотела оставаться, ей не нравилась городская жизнь. Саша увезла маму в Среднюю Азию. Там она проболела до 1927 года и летом, на семьдесят втором году жизни, перешла в лучший мир.

Моя повесть подходит к концу. Пережив немало и хорошего и плохого, я сердечно благодарю Господа за то, что Он наблюдал за мной и всегда посылал Свою помощь. Даже когда я нарушала Его заповеди, Он не оставлял меня и влёк к Себе. Я всегда чувствовала Его руку над собой и в трудную минуту обращалась к Нему за помощью. Теперь у меня одно желание — всегда быть готовой к встрече с Ним.

Маша, прожив с Тимофеем до старости, осталась одна. Тимофей Яковлевич потерпел кораблекрушение в вере и ушёл в вечность. Мы с Машей десятки лет не виделись и даже не переписывались. Она жила городской жизнью. Детей у неё не было. Муж хорошо зарабатывал, занимая должность старшего бухгалтера. Они жили только для себя.

Моя жизнь вначале тоже была безбедной.



«Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю» (Пс. 120, 1–2)

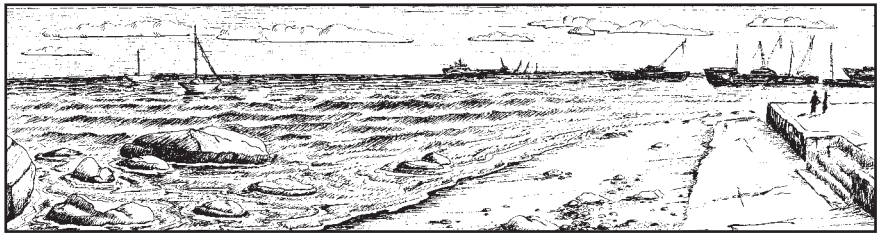
Но обременённая хозяйством и детьми, я часто изнемогала под тяжестью житейских забот. Господу угодно было оставить меня одну — муж умер в 1937 году. Два сына погибли на Отечественной войне. Я переехала к дочери и после долгих лет разлуки снова встретила Машу, потому что они жили в одном городе.

Быстро промчались годы, и я уже готовлюсь к переходу в лучший мир. Постоянно молюсь Господу о том, чтобы Он хранил меня от всех опасностей. Я верю в могущество Господа и Его обещание быть с нами до седины и до старости. Хочу быть твёрдой в вере, как мои родители.

Мне уже восемьдесят один год. Шестьдесят пять лет назад я уверовала, что Господь Иисус умер за мои грехи и воскрес, чтобы оправдать меня перед Небесным Отцом.

До сих пор верю, что любящий Господь поможет мне перейти в тот светлый мир, куда я стремилась всю жизнь.

1972 г.



Надежда Ванина

Граждане неба

Странники и пришельцы

Южный портовый город встретил Марию запахом сырости, рыбы и мазута. Пронизывающий морской ветер заставлял плотнее затягивать старенький пиджачок. Она задумчиво брела вдоль пристани и с грустью смотрела на покачивающиеся на свинцовых волнах рыбацкие лодки, баркасы и катера. Серые, пропитанные солью и ветром доски причала сменяли такую же серую брусчатку мостовой, вытертую ногами множества идущих куда-то людей. Грузчики, рыбаки, моряки — все куда-то спешили. Даже чайки сновали туда-сюда, с криком выхватывая из воды рыбёшек. У всех было занятие, только Мария оказалась не у дел...

Карие уставшие глаза девушки придавали её лицу неюношескую сосредоточенность. Она не надеялась встретить знакомых, потому что здесь у неё не было ни родных, ни друзей.

«Эх, найти бы корабль, уходящий в открытое море! — с тоской думала Мария. — Уехала бы хоть куда, пусть даже в самую дальнюю и неведомую страну, согласилась бы там на любую работу, лишь бы всё пережитое осталось где-то далеко-далеко... Но где найти такой корабль? Мечты... Мечты...»

Мария заметила, как с ближайшего катера по трапу легко сбежал моряк и направился в её сторону. Приблизившись к ней, он вдруг замедлил шаг и неуверенно проговорил:

— Неужели Мария?

Быстрым взглядом окинув молодого человека, Мария негромко ответила:

— Да, это я...

Она силилась вспомнить, где могла видеть этого парня.

Он крепко пожал ей руку:

— Давно живёшь здесь?

— Нет, недавно,— всё ещё настороженно ответила она.

— Давай уйдём отсюда и поговорим,— предложил моряк и шагнул по убегающей вдаль дорожке.

Отойдя на приличное расстояние от берега, он попросил:

— Расскажи, как ты оказалась здесь?

И вдруг Мария вспомнила, где видела этого парня.

Шахта, тяжёлая вагонетка с углём, которую она толкала изо дня в день, и этот паренёк, измазанный угольной пылью... Родителей Марии, как и родителей Ивана и многих других трудяг, раскулачили и сослали на Урал. Молодых отправили на работу в шахты, а пожилых обрекли на вымирание.

— Хорошего мало, хвалиться нечем,— печально сказала Мария. — Голод и холод едва не погубили нас. Мы поняли, что не выживем, надо что-то делать. Отец решил бежать. — Мария стала рассказывать ещё тише: — В родные края возвращаться побоялся и ушёл в глухое, необжитое место. Для меня там не нашлось дела, и я решила обосноваться в городе. Подвернулась временная работа, но начальник узнал, что у меня нет документов, и попросил уйти. Боюсь, что в любой момент могут арестовать и вернуть в ссылку...

Понурив голову, девушка замолчала.

— Да, такое бывает... — вздохнул Иван. — Ты лучше не появлялась бы нигде,— сочувственно посоветовал он.

— А как жить? — грустно спросила Мария. — Я пришла сюда поискать какую-нибудь работу.

Иван молчал. Он шёл неторопливо, слегка покачиваясь, как обычно ходят моряки. Высокий, широкоплечий. На нём ловко сидел форменный костюм. Марии этот юноша казался воплощением спокойствия на фоне царящей вокруг неразберихи.

— А ты что здесь делаешь? — осмелилась спросить она, отгоняя прочь мрачные думы.

— Мне посчастливилось,— задумчиво посмотрел он вдаль. — Начальство дало направление на учёбу. Закончил мореходное училище и теперь работаю на рыболовном катере.

— Хорошо тебе... А я думаю податься на юг, в Баку. Может, получится уйти в горы или за границу. Не хочу так жить. Я слышала, там какие-то экспедиции организовываются, может, и меня возьмут куда-нибудь...

Иван с жалостью посмотрел в её усталые глаза.

— Нет, не надо туда идти,— решительно мотнул он головой. — Пропадёшь совсем. Оставайся здесь, а с документами что-нибудь придумаем. Принеси мне свою фотографию.

— А где ты живёшь?

— На катере, на котором работаю,— улыбнулся Иван и тут же посерьёзнел: — У меня картина не лучше твоей. Мать умерла от голода на Урале. Остальных судьба разбросала по всей стране.

Договорившись о встрече, молодые люди расстались.

Слабый луч надежды блеснул в сердце Марии: «Неужели придёт конец моим скитаниям? Неужели я смогу открыто жить и работать, не опасаясь, что меня арестуют и возвратят в ссылку? — Ей показалось, что даже колючий ветер стал немного мягче. — Действительно, мир не без добрых людей, а Бог не без милости...»

Мария ускорила шаг и через несколько минут исчезла в землянке, в которой приютила её добросердечная хозяйка.

Иван с Марией продолжали встречаться. Однажды он, улыбаясь, подал ей новенький паспорт. Как он его оформил, для Марии осталось тайной.

— Теперь можешь ехать куда хочешь,— весело сказал он и, немного помолчав, добавил: — Но лучше... оставайся здесь и выходи за меня замуж!

Это было сказано так просто, что Мария задохнулась от неожиданности.

«Похоже, это моя судьба»,— решила она и, недолго думая, с радостью согласилась.

Через месяц она сменила свой новый паспорт на другой и стала законной женой моряка Ивана.

За небольшую плату молодожёны сняли убогое помещение.

Это было что-то вроде сарайчика с маленьким окошком над дверью. Там едва ли можно было жить, но в таких условиях ютились многие.

Свадьбы у Ивана с Марией не было. Не за что было её справлять. Иван купил бутылку водки, буханку хлеба и вяленую рыбину. Пригласили хозяйку, у которой снимали комнатушку, и втроём отпраздновали знаменательное событие. Шёл 1935 год.

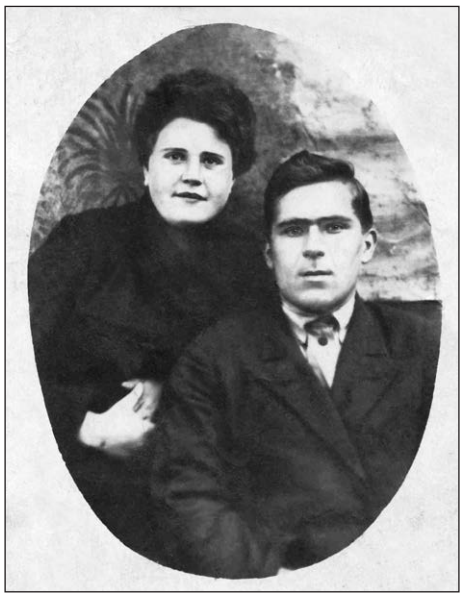
Через год у молодых супругов родился сын, а ещё через год — дочь. По долгу службы Иван больше времени проводил в море, чем дома. Мария одна растила детей, сражаясь с нуждой. Помощи ждать было неоткуда.

В стране царила разруха и голод. Мария нередко чувствовала себя птицей, выброшенной из гнезда вместе с птенцами. Как жить? Ради детей надо приспосабливаться к жизни. Купили вначале двух коз, а потом старенькую швейную машинку. Мария стала зарабатывать на хлеб шитьём.

Несмотря на убогость жилья, Мария нередко делила свой кров с людьми, которые приезжали из дальних сёл на рынок. Её отец, даже не зная условий, в которых она живёт, без всякого смущения советовал односельчанам:

— Заезжайте к моей дочери, переночуйте, а утром — на базар!

И Мария встречала всех — и знакомых, и незнакомых. Спали прямо на полу, кто как мог. Порой гостей приезжало столько, что и ступить было некуда, но никто не жаловался на неудобства. Кормить гостей было совершенно нечем, зато горячий чай Мария



В начале долгого совместного пути

предлагала всем. Бывало, наварит большую кастрюлю чая по-калмыцки (особый рецепт) и поставит перед гостями. Они попьют горяченького — и в дорогу.

То было трудное время. Все жили впроголодь. Смиряясь с обстоятельствами, народ надеялся на лучшее.

Однажды зашла к Марии незнакомка. Молодая, скромно одетая, с добрыми глазами. Попросилась переночевать. Утром Мария предложила ей кружку горячего чаю. Девушка достала из своей котомки початок варёной кукурузы, положила на стол рядом с кружкой и встала для молитвы.

Марии показалось, что гостья молится на кукурузу. Такого она ещё не видела. Девушка быстро позавтракала и, встав, снова помолилась. Что она говорила, Мария не слышала. Девушка сердечно поблагодарила за гостеприимство и ушла.

«Иноверка какая-то... — подумала Мария. — Но если молится, значит, неплохой человек. А у меня и помолиться нормально нельзя — ни одной иконы нет...»

Она тоскливо оглядела пустые углы своей комнатушки. По соседству жила женщина, у которой весь угол был уставлен иконами. Мария решила попросить у неё одну. Женщина молча выслушала просьбу, но икону не дала.

Луч надежды

Надежды на лучшее рухнули с приходом войны. Ивана на фронт не взяли, оставили дома по брони. Теперь он ещё реже бывал с семьёй. В военное время работать приходилось вдвойне.

Склонясь над шитьём, Мария очень часто задумывалась о своей жизни. Шесть лет прошло с тех пор, как они с Иваном создали семью. Что изменилось за эти годы? Что они приобрели? Перебивались в той же бедной, чужой каморке, жили в нужде, не были уверены в завтрашнем дне.

Сколько Мария помнила себя, ей никогда не жилось легко. Ещё в родительском доме вдоволь было только работы. В доме, в поле, в огороде, со скотом — только работа, работа, работа... Они всегда ждали лучших времён, но вместо них

пришло раскулачивание, разруха и нужда. Когда будет лучше? Все говорили, что лучше уже было, но она всё ещё ждала, ждала чего-то хорошего, светлого. Только где оно? Каждый поворот в жизни страшнее прежнего. Всё так неустойчиво, шатко, ненадёжно. А теперь началась война. Везде и всюду только о ней и говорят. Вокруг одни ужасы и беды...

Вспомнился разговор соседей о том, что в городе открылись церкви.

«Может, сходить, послушать что-нибудь божественное»,— подумала она и решила в ближайшее воскресенье пойти в храм.

Народу в церкви набилось — не протиснешься. Что читают и поют — непонятно, всё на славянском. Но вот возвысил голос батюшка и заговорил на русском языке:

— Нашим войскам осталось гнать немцев около тридцати километров...

«И здесь про войну! — разочарованно подумала Мария. — Не хочу об этом слушать!»

Не дождавшись конца службы, она ушла.

Однако душа её жаждала услышать что-нибудь о живом, всемогущем Боге. Эта жажда не давала ей покоя, и она решила сходить в монастырь.

В монастыре её встретили дружелюбно. Монахини в то время стегали одеяла на фронт, и Мария присоединилась к ним. За несколько дней она научилась шить одеяла, и это умение хорошо пригодилось ей в дальнейшей многотрудной жизни.

Работая, Мария прислушивалась к разговорам монахинь.

«И здесь о Боге ничего не говорят,— печально вздыхала она. — Только о житейском думают...»

* * *

Глубокой осенью пришёл с фронта Николай — младший брат Марии. Он получил серьёзное ранение и вернулся домой инвалидом. Военкомат направил его на учёбу, и он приехал в город, к сестре. Пришлось Ивану с Марией потесниться и принять Николая в свою маленькую комнатушку.

Николай часто говорил о трудностях на фронте, о том

горе и страданиях, которые видел в госпитале. Между прочим обмолвился и о том, что слышал от солдат рассказы из Евангелия и даже встречал человека, который утверждал, что есть новая, правильная вера в Бога.

— Тяжело на душе от такой жизни,— невесело сказала как-то раз Мария. — Никакого просвета...

— Надо молиться Богу,— перебил её Николай. — Живому Богу.

— Я каждый день молюсь,— отозвалась Мария. — Хотя и без иконы, всё равно молюсь. А толку нет.

— Мы совсем неправильно молимся,— неуверенно заметил Николай.

Мария стояла у плиты, помешивая калмыцкий чай. Услышав такое замечание, она в недоумении повернулась к брату:

— Как это неправильно?

— Не знаю, как надо, но мы молимся не так. Здесь в городе есть человек, который знает, как надо молиться. Один солдат дал мне его адрес.

— Так давай сходим к нему и расспросим! — вдохновилась она.

— Давай,— согласился Николай. — Я уже узнал, что они собираются по воскресеньям. Их баптистами зовут.

Наступило воскресенье. Иван был в командировке, и на поиски баптистов Мария отправилась с Николаем.

Шли долго. Город располагался в долине меж двух гор. Мария жила у подножия одной горы, а идти надо было в противоположный конец города, к подножию другой горы. По дороге она решила: «Если услышу что-нибудь про войну, сразу уйду!»

Остановились около скромного домика. На стук вышла пожилая хозяйка и сердечно пригласила войти. В комнате уже сидело человек пятнадцать. Мария присела на край неширокой лавки. Не успела она оглядеться, как люди вдруг вполголоса запели. О, какое это было мелодичное пение! Ничего подобного Мария никогда не слышала.

Так же внезапно, как началось, пение прекратилось. Из-за стола у самой стены поднялся почтенный старец. Он открыл Евангелие и стал читать. Мария вся превратилась в слух.

Ни слова о войне! Речь шла только о Христе, о душе, о грехе.

В комнате стояла необыкновенная тишина. Люди сосредоточенно слушали. Чувство спокойствия и умиротворения тёплой волной наполняло сердце Марии, и ей хотелось слушать, слушать и слушать. Но время пролетело стрелой, и собрание закончилось.

Домой шли молча. Каждый думал о своём. Марии очень хотелось, чтобы на этом собрании побыл Иван.

«Он грамотный, быстро разберётся, что правда, а что неправда,— думала она. — А я неграмотная, не всё поняла, но есть здесь что-то очень необычное, хорошее...»

Принимать какие-то решения без мужа Мария не хотела.

В понедельник утром она пошла доить козу и во дворе встретилась с соседкой. Та держала в руках маленькую иконку, старательно вытирая с неё пыль.

— А я к тебе направилась,— сказала соседка, поздоровавшись. — Ты как-то просила у меня икону. Вот, возьми.

— Не надо мне уже,— отказалась Мария. — Я ходила к баптистам, слушала их проповеди. Они иконам не молятся, и я тоже не хочу.

— Смотри сама,— растерянно пожала плечами соседка и спрятала икону в карман фартука. — Не надо, так не надо...

«Раньше не хотела давать, жалко было, а теперь, когда я, кажется, нашла истинную веру,— решила искусить меня. Нет, это не от Господа»,— подумала Мария.

В четверг приехал Иван. Мария охотно рассказала ему, где они с Николаем были в воскресенье. Он слушал молча, никак не реагируя на вдохновенный рассказ жены. Однако она не отступала:

— Давай сходим к ним на собрание вместе! Ты же грамотный, лучше поймёшь и мне объяснишь, правильно они говорят или нет.

Возвращаясь из командировки, Иван мечтал отдохнуть в воскресенье, сходить с женой на концерт, повеселиться, а тут... Видя её неотступность, он всё же согласился.

В воскресенье супруги оделись по-праздничному и вместе с Николаем отправились на собрание баптистов. Войдя

в дом, Мария села у порога, а Иван с Николаем прошли к столу, где сидели мужчины.

Неожиданно Иван увидел знакомого моряка. Поговорить с ним не было возможности, потому что всё собрание тихо и стройно запело. После пения тот же старец, который читал Евангелие в прошлое воскресенье, открыл святую книгу и стал читать интересное место:

— «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: „пёс возвращается на свою блевотину“, и: „вымытая свинья идёт валяться в грязи“».

Мария старалась не пропустить ни одного слова, чтобы лучше понять объяснения старца. А он очень просто говорил о том, кому это написано и что значит возвращаться к прежним грехам.

Вдруг знакомый Ивану моряк упал на колени и, рыдая, стал громко молиться. Его слова показались Марии какими-то странными.

— Господи, прости меня! — взывал моряк. — Это я тот пёс, который вернулся на свою блевотину! Это я вернулся к греховной жизни и вновь погряз в своих старых пороках! Помилуй меня, дорогой Господь...

Иван с большим удивлением смотрел на рыдающего и слушал его молитву.

Марии тоже хотелось помолиться и попросить у Бога прощения, но подкативший к горлу ком не дал произнести ни слова. Она пыталась побороть себя, однако какой-то внутренний голос останавливал: «Что скажут люди?! Подумают, что ты просто подражаешь этому человеку... Нет, лучше в другой раз...»

После собрания Иван подошёл к знакомому моряку. Тот сразу же попросил:

— Иван, ты тоже прости меня! Я знал Господа, знал истину, но жил, как безбожник. Я так сожалею об этом...

Домой пошли вместе.

Товарищ без умолку рассказывал Ивану о Боге, а тот молчал, стараясь понять, что произошло с моряком.

«Надо разобраться во всём этом самому»,— подумал он и спросил товарища:

— Где найти такую книжку, как в собрании читали?

— Это Евангелие. У меня есть. Пойдём ко мне, я дам!

Они свернули к дому моряка, а Мария поспешила к детям.

Едва моряк открыл дверь, навстречу ему вышла жена.

— Где ты ходишь?! — с бранью обрушилась она на мужа. — Опять привёл собутыльника?! Не разрешу пить в доме! Идите куда хотите!

— Нет, мы не будем пить,— миролюбиво сказал моряк. — Я сегодня был на богослужении, Богу молился. Больше не буду пить.

— Ты молился? — переспросила жена. — Что-то мне не верится...

Моряк долго рылся в тумбочке. Наконец достал тоненькую книжечку без обложки.

— Вот, Иван, это было Евангелие... — смущённо проговорил он. — Негодный я человек, искурил святую книгу... Тут ещё остались послания — он полистал немного и протянул Ивану: — Возьми, почитаешь. Здесь написано всё, что нам надо знать...

Мужчины вышли во двор и, немного поговорив, распрощались.

А Мария не находила покоя от осаждавших её душу вопросов. В памяти снова и снова всплывало всё, что она видела и слышала на собрании.

«Как надо жить, чтобы чувствовать себя счастливой? Кто может научить правильно молиться? Как странно молился тот моряк!»

Мария охотно осталась бы в том доме, где проходило богослужение, и слушала бы Евангелие, но её ждали дети. Да и как ко всему этому отнесётся муж? Понравилось ли ему сегодняшнее собрание?

«Хорошо, что он пошёл,— думала она. — Разберётся во всём и подскажет мне, как поступать».

Иван вернулся домой поздно. О собрании не вспоминал. Сказал только, что взял у товарища Евангелие.

Обращение

В существование Бога Иван не верил, но и в богоборцах не числился. Работу свою он знал хорошо и с рабочих за всякие недоделки спрашивал строго. Работал прорабом в порту — руководил бригадой, строившей пирсы, волноломы и различные берегоукрепительные сооружения. Если видел, что кто-то не выполняет его указаний, то бранился не подбирая слов. Высокий, крепкого телосложения, он имел увесистый кулак и со своей недюжинной силой никого не боялся. Одно у него было плохо — любил выпить.

В то утро, распределив работу между рабочими, Иван пошёл в прорабскую. Достал из кармана Евангелие и решил почитать. Вдруг его осенила мысль, что вначале нужно помолиться. Он тут же снял фуражку и закрыл глаза — так молились на собрании, куда он ходил в воскресенье с Марией.

— Господи, если Ты действительно есть, то дай мне знать о Себе,— прошептал Иван. — И ещё покажи, каков я в Твоих глазах и что меня ждёт, если я буду жить так, как живу сейчас.

Сперва Иван никак не мог сосредоточиться и ничего не понимал. Перевернув несколько страниц, он всё же решил не отступать. Читал вдумчиво. Наконец в сознании начало что-то проясняться. Вторая глава Второго послания апостола Петра произвела на него особое впечатление, и он с жадностью стал читать третью. Первые три стиха перечитал вслух:

— «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели...»

Иван остановился.

«Наглые ругатели — это относится ко мне,— подумал он, не сводя глаз с текста. — Как я разговариваю с рабочими?! Не зря совесть осуждает меня за такую брань... Значит, в глазах Бога я — наглый ругатель!»

Ивану стало не по себе. Он потёр лоб, глубоко вздохнул и продолжил чтение.

«...Поступающие по собственным своим похотям». Слова цепляли его, словно клещи.

«Да, это точно про меня! — понял он. — Я не удерживаю себя ни в чём, как хочу, так и поступаю!»

Незаметно для самого себя он стал читать вслух, проговаривая каждое слово:

— «...И говорящие: „где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, всё остаётся так же“».

Он задумался: «На самом деле, я никогда серьёзно не интересовался Богом. А с тех пор, как умерли родители, вообще о Нём не вспоминаю. Всё идёт своим чередом, и моими неизменными спутниками остаются тревога, горе и нужда... Что же дальше?»

— «Думающие так не знают, что вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою...»

О воде Иван знал много.

«В ней сокрыта великая сила,— задумчиво посмотрел он в окно. — Вот мы строим гавань. Сколько бетона уже вложили, чтобы укрепить берега, сколько свай забили! Это очень тяжёлая работа. А Бог словом держит воду в берегах. Какой же Он могучий!»

— «Потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою». — Иван на мгновение задумался и, подгоняемый интересом, что будет дальше, прочитал: — «А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков».

Иван остолбенел. Гибель! Вот что его ждёт! Он заслуживает справедливого наказания. Господь не медлит исполнить Своё обещание, но долготерпит. Он не хочет, чтобы кто-то погиб.

Иван упал на колени:

— Боже! Я не хочу погибать!

Его сильные плечи вздрагивали от рыданий. Перед ним вдруг предстала вся его жизнь, вспомнилось всё плохое, что он делал, не удерживая себя. Ему казалось, что кто-то усердно старался привести ему на память все его беззакония и повергнуть в страх. О, сколько зла он сделал за свою недолгую жизнь!

Иван плакал и молился несколько часов подряд.

Рабочие стали собираться домой. Пришла вторая смена. Обмякший, заплаканный, Иван вышел из прорабской и дал

наряд второй смене. От него никто не услышал ни грубого, ни бранного слова. Рабочие смотрели на прораба сочувствующе и не задавали никаких вопросов.

Идти домой Ивану не хотелось. Ему чего-то не хватало. Гнетущая тяжесть мешала дышать. Он отошёл немного от прорабской, пробрался через ивняк и спустился в ложбинку. Ноги сами согнулись, и он, упав на колени, вновь стал слёзно молиться.

Сознавая себя большим грешником, Иван исповедовал Богу всё нечестие, которое приводила ему на память встревоженная совесть. Время для него перестало существовать.

Стемнело. На небе появились первые звёзды. Иван поднял глаза вверх, беспокоясь лишь об одном: простил ли ему Бог? И вдруг ему показалось, что кто-то невидимой рукой коснулся измученного сердца и вселил в него радостную уверенность: простил! Вместе с тем его наполнил необычный мир, полное спокойствие, словно тишь после сильной бури.

Домой Иван пришёл поздно. Подавая ему ужин, Мария встревоженно спросила:

— У тебя что-то случилось?

— Апостол Пётр избил меня,— тихо ответил он.

Не сказав больше ни слова, он поел и пошёл спать.

На следующий день Иван ощущал тот же мир и покой. Рабочие просто не могли не заметить в прорабе необычную перемену и удивлённо говорили друг другу: «С Иваном что-то случилось...»

Мария терпеливо ждала от мужа каких-то разъяснений. Когда же он в воскресенье первый засобирался на богослужение, она не выдержала:

— Почему ты мне ничего не говоришь — правильная эта вера или неправильная?

— Мы живём как несмысленный скот,— сказал Иван с неподдельной печалью и какой-то невыразимой тоской. — Есть живой Бог, а мы ничего о Нём не знаем. Надо быть ближе к тем, кто понимает Евангелие.

В то воскресенье Мария и Николай покаялись. Не стыдясь слёз, они искренне просили у Бога прощения за нечестивую жизнь. Иван тоже молился на собрании вслух. Признавая

себя великим грешником, он благодарил Бога за прощение, выражал желание жить свято и никогда не изменять Господу.

После молитвы покаяния Мария ощутила в себе небывалую радость. Ей хотелось всех обнять и расцеловать — все казались такими родными! Озираясь, она видела радость и на лицах верующих. Они сердечно приветствовали её и поздравляли.

Не понимая, что с ней происходит, Мария думала: «Надо успокоиться, что-то я слишком развеселилась, даже неудобно как-то...» Не знала она ещё тогда, что её наполняет радость спасения — подарок Духа Святого, что радуется и ликует её освобождённая от грехов душа.

По дороге домой все трое обсуждали случившееся.

— Мария, как ты думаешь, сегодня у тебя была правильная молитва? — спросил Николай.

— Конечно! — ни на миг не задумалась она. — Знаешь, я такой радости ещё никогда не ощущала!

— Кто же научил тебя правильно молиться? — не унимался брат.

— Не знаю... Наверное, Сам Бог...

Это произошло весной 1943 года. А летом 1944 года Мария с Иваном приняли крещение. Крестил их Марк Игнатьевич Маркелов — тот самый старец, в доме которого проходили собрания и который так просто и доступно разъяснял Евангелие.

Первые испытания

Ещё в двадцатые годы в городе, где проживали теперь Иван с Марией, была большая община баптистов. Когда пришли времена гонений, многих братьев и сестёр арестовали. Похоже, среди верующих появились предатели, потому что арестовывали в основном тех, кто был особо предан Спасителю.

Вернуться домой посчастливилось немногим. В их числе оказался и пресвитер — Марк Игнатьевич Маркелов. Он оставил в местах лишения свободы восемь лет жизни и бóльшую часть здоровья. По возвращении ему удалось со-

брать небольшую группу верующих, в которую и попали Николай, Мария и Иван. Здесь Господь встретил их Своим спасением и сделал новыми людьми.

Пережив встречу с Христом, человек не остаётся прежним. Иван с Марией полностью изменили направление жизненного пути. Им хотелось заполнить свои дни сердечной хвалой Богу, хотелось ближе узнать Господа, больше познакомиться с Библией.

Мария от души полюбила христианское пение. У неё был красивый голос и хороший слух. Каждое воскресенье она запоминала одну песню и дома пела её вместе с дочерью. Очень часто, отложив все дела, она пела песню за песней, стараясь приобщить к пению и детей. Однако Егору это не нравилось, он с недоверием относился к христианству, хотя и был ещё ребёнком. А вот семилетняя Дуся охотно пела вместе с матерью.

Некоторые сёстры в общине видели, что Мария жаждет познать путь Господень, и приглашали её приходить к ним в любой день, не только в воскресенье. Мария открытым сердцем приняла это приглашение. После обеда, уложив шестимесячную Катю спать, Мария хоть на часок старалась сбегать к кому-нибудь из сестёр. По дороге идти было далеко, а напрямик — нелегко, потому что попадалось много глубоких рытвин, вымытых дождями и талой водой, бегущей с гор. Экономя время, Мария бежала напрямик.

Верно кто-то сказал: любовь не знает преград. Горя любовью к Господу, Мария спешила в общение с сёстрами по вере. Дорожные трудности преодолевала с молитвой, просила помощи у Бога. Помолится мысленно и прыгнет с разгону через канаву, наполненную водой. И перепрыгивала! Казалось, Сам Бог нёс её на Своих руках туда, где она могла услышать слово Божье и выучить новую песню. Огонь первой любви подвигал Марию на невероятное. Через часполтора она таким же образом спешила домой, чтобы малышка, проснувшись, не испугалась и не плакала.

Ивану больше хотелось беседовать с Марком Игнатьевичем, и после работы он нередко засиживался у него до полуночи. Мария старалась не отставать от мужа, ей тоже нравились

беседы о Боге и Библии. Бывало, возьмут они с собой ребёнка и пойдут к служителю. А старшие дома одни, уроки делают. Разговор, как правило, затягивался далеко за полночь. Домой возвращались так же пешком, через весь город.

Неся спящую Катю (а позже, когда родилась Галя, на руках было двое детей), Иван мысленно молился о том, чтобы Бог защитил его детей от неверия, чтобы они, когда подрастут, ответили на Его призыв согласием и полюбили Его всем сердцем.

Марк Игнатьевич любил молодых братьев, видел в них будущих служителей и тружеников и, не жалея сил и времени, передавал им накопленный опыт. Он хорошо знал Священное Писание и доступно объяснял библейские принципы домостроительства церкви. Богобоязненный служитель ясно видел и понимал, в чём заключается отклонение от истины руководителей только что организованного Союза евангельских христиан-баптистов. Он подробно объяснял молодым братьям евангельский путь церкви.

Беседы нередко затягивались до утра. Вместе помолившись, братья шли сразу на работу.

Марк Игнатьевич предполагал, что враги дела Божьего постараются изолировать его от церкви, поэтому особое внимание уделял устройству общин и групп в близлежащих посёлках. Посещая христиан в округе, он всегда брал с собой молодых братьев. У новообращённых христиан возникало множество вопросов, и кому-то надо было их решать.

Тревожные предположения старца подтвердились: поздней осенью 1946 года власти предписали Марку Игнатьевичу в течение суток покинуть город. Он срочно созвал членское собрание и предложил поставить руководящим брата Ивана. Церковь единодушно согласилась, видя в нём искреннего христианина, который горячо любит Господа.

В тот же вечер Ивана рукоположили в пресвитеры.

Стараясь не выдавать волнения, Марк Игнатьевич давал церкви последние наставления. Он не скрывал от христиан, что их ждут скорби. Их вера будет испытана и переплавлена, но они не должны забывать, что Господь будет с ними и в огненной печи. Враг не сможет их сломить, не сможет

лишить богоприсутствия и закрыть их уста, если они будут верны Господу.

Голос пастыря иногда срывался, из его незрячих глаз (Марк Игнатьевич был почти слепой) текли слёзы. Благословляя паству на страдания, он в то же время предвещал им победу, но только с Господом.

Собрание длилось всю ночь. На рассвете старец покинул город.

Иван воспринял переданное ему служение с трепетом. Сознавая своё недостоинство и немощь, а также ответственность столь высокого служения, он ежедневно молил Бога о помощи, о защите от вражьих стрел и о мудрости свыше.

И Господь, будучи заботливым Пастырем, с большой любовью направлял Своих овец на пути правды, вдохновлял на подвиги веры. Ни Иван, ни Мария ни на миг не сомневались в Божьем могуществе. Они искренне верили всему, написанному в Евангелии, и были готовы всё переносить, лишь бы не потерять живого общения с Господом.

* * *

Ивана арестовали на рабочем месте. К тому времени он работал уже на катере.

Однажды рано утром, находясь в каюте, он услышал, что по трапу, чеканя шаг, поднимается несколько человек. Шаги приближались к его каюте. Люди шли по палубе молча и уверенно, словно хозяева.

Едва он успел отомкнуть дверь, как она распахнулась и раздался металлический голос:

— Именем закона... вы арестованы!

Дальше всё происходило очень быстро, поскольку сценарий был продуман до мельчайших деталей. Многим людям в те годы довелось поучаствовать в этом действе. Кому-то он стоил долгих лет тюрьмы или ссылки, а кто-то заплатил за участие в нём жизнью.

Когда работники небезызвестной службы энергично обыскали каюту и нашли Евангелие, они велели Ивану следовать за ними. Стараясь сохранять спокойствие, он заявил, что не может уйти с судна, никому его не передав.

Пока по селектору вызвали дежурного штурмана, Иван открыл рабочий журнал и размашистым почерком записал: «Арестован органами НКВД 6 июня 1948 года. Иван...»

Выйдя из каюты в сопровождении сотрудников НКВД, Иван махнул товарищам:

— Сообщите домой...

Иван с Марией знали, что рано или поздно их разлучат и им придётся идти путём страданий поодиночке. И всё же известие об аресте мужа опечалило Марию и даже сбило с толку. Проводив рабочего, который принёс ей скорбную весть, она позвала детей и стала слёзно молиться. Просила Господа укрепить её веру и подарить необходимые силы для того, чтобы всё перенести и устоять в истине.

В тот день к Марии один за другим приходили печальные вестники. Арестовали её брата Николая вместе с женой, а также других христиан, всего десять человек.

Осенью у Марии родился Андрюша. Это был уже пятый ребёнок в семье.

Предатели поусердствовали и доложили властям, что Мария первая пришла на собрание верующих, а потом привела мужа, который стал руководителем общины.

Марию начали вызывать на допросы. Каждый вечер с грудным ребёнком на руках её под конвоем вели к следователю. Путь неблизкий — не меньше пяти километров.

Она не отвечала ни на какие вопросы, касающиеся церкви. Следователь от этого приходил в ярость.

— Ты втянула мужа в секту! — кричал он, не скрывая негодования.

— Как можно его втянуть? — удивлялась Мария. — Это же не ребёнок, которого можно взять на руки и понести. Муж сам идёт куда хочет.

— Не рассказывай мне сказки! — горячился следователь. — Мы всё знаем! Будешь отвечать по закону! А пока можешь идти домой!

На обратном пути Марию никто не сопровождал. Улицы безлюдного города окутывала ночь. Прижимая к себе спящего малыша, Мария спешила домой, не переставая молиться. Она изливала своему Богу душу, доверяла Ему всё, что теснило её

и пугало. Она вверяла Богу и себя, и детей, и мужа, и всех друзей в заточении. Молитва лилась нескончаемым потоком.

Отец сирот и вдов слышал вопль страдающей души и был по-особенному близок к ней.

— Ничего не бойся, Я всегда с тобой, на пути тернистом есть светильник Мой... — пела Мария, благословляя Господа. Её душа наполнялась миром и радостью.

Однажды на неё напала стая бродячих собак. Была ночь. Вокруг ни души. Со всех сторон обступив уставшую, беззащитную женщину, собаки злобно лаяли, готовые растерзать свою жертву.

Мария начала громко молиться:

— Боже великий! Защити меня! Ты всё можешь... Я так устала и ослабела, кто мне поможет, кроме Тебя?!

Малыш зашевелился и закряхтел. Мария покрепче прижала его к себе и открыла глаза. Собак не стало. Они как-то разом притихли и убежали. Мария поспешила домой, восторженно прославляя Бога за чудесную защиту и удивляясь Его любви и заботе.

Следователь угрожал Марии десятилетним сроком заключения. Единственное, что удерживало его выполнить угрозу — пятеро детей. После войны детских учреждений ещё не существовало, и определить малолетних было некуда. Мария же утешалась тем, что её семья находится в надёжных Божьих руках и без Его воли ничего с ними не случится.

После каждого ночного допроса к Марии стал приходить один верующий по имени Александр. Он никогда не заявлялся с пустыми руками — то сомика принесёт, то щучку. Его гостинцы были как нельзя кстати для семьи, лишённой кормильца, причём в голодное послевоенное время. Александр внимательно выслушивал Марию, участливо расспрашивал об Иване. А та откровенно всё рассказывала ему, думая: «Это же брат, если я не так что-то понимаю, он подскажет, поправит меня».

Неожиданно стала посещать Марию ещё одна христианка — Лена. Ласково и сердечно она расспрашивала, какие вопросы задаёт следователь, что Мария думает об аресте мужа, что её волнует, как она намерена жить дальше. Казалось,

Лена проникнута состраданием. Однако Мария заметила, что её интересуют те же вопросы, что и Александра.

Верующие боялись посещать друг друга из-за слежек, а эти двое — Александр и Елена — безбоязненно посещали семью узника. Казалось, им всё нипочём. Не знала Мария, что эти люди давно уже не пользовались доверием верующих. Об их нечестности её никто не предупредил.

Противники Божьего дела нередко прибегали к низким способам добычи информации и засылали в общины своих агентов. Порой же предателями становились сами верующие, плотские христиане,— из страха или материальной заинтересованности они подавали сотрудникам НКВД требуемые сведения.

Находясь под следствием, Иван ясно понял, что в церкви есть осведомитель. Следователь ставил вопросы так, что у Ивана не оставалось сомнений — органам власти известно многое из жизни церкви. Это помогало им разорять общину, наносить ей ощутимые удары.

«Как узнать предателя и предостеречь простодушных?» — тревожился Божий служитель.

С этой просьбой он обратился к Богу:

— Господь, я прощаю своим предателям и обещаю никогда не взыскивать с них. Прошу Тебя, открой мне, кто они. Я хочу предостеречь братьев и сестёр, чтобы не случилось в общине ещё большей беды...

Во сне Иван увидел Александра и Елену и понял, что получил ответ на свою молитву.

На первом же свидании он сказал жене:

— Бойся Александра и Лену.

Мария не поняла, что имел в виду Иван, однако с тех пор остерегалась любознательных гостей. Впрочем, их посещения стали более редкими, а потом и вовсе прекратились.

Достойна сожаления судьба тех, кто, подобно Иуде, отдал себя нечестию. Поиграв такими людьми, враг только посмеётся над ними и вышвырнет, словно ненужную вещь. Так произошло с Александром и Еленой. Они ушли из церкви и больше не вернулись, хотя христиане великодушно простили им все обиды.

В октябре 1948 года Ивану присудили десять лет лагерей

и пять лет ссылки. Теперь его жизнь потечёт новым руслом — тюрьмы, этапы, вышки, лагеря...

Молодой служитель принял этот жизненный поворот безропотно, зная, что такова судьба последователей Иисуса Христа. С глубокой верой он шагнул в неизвестное будущее, всем сердцем доверяя Самому Богу. Только у Него Иван просил помощи и поддержки и для себя, и для своей семьи.

Прощай, мама!

Кроме Николая, у Марии было ещё две сестры — Нина и Ульяна. Обе они вышли замуж и жили далеко, где-то в северных областях. Узнав, что Ивана посадили, Ульяна приехала навестить сестру.

Уже на следующий день, представляя себе будущее этой семьи, Ульяна сказала Марии:

— Ох, не выживешь ты в городе! Перебирайся в село, там есть земля, можно что-то посадить. Там, может, где-то заработаешь, что-то вырастишь. А тут — погибнешь. Везде разруха, безработица, голод, кто тебе поможет?

Ульяна на минуту замолчала. Потом её осенила новая идея, и она скороговоркой выпалила:

— Мария, давай я отвезу двух девочек к Нине! Троих как-нибудь прокормишь, а двоих я заберу...

Мария в ужасе замерла. Отдать детей?! Нет! Нет! Не выдержав нахлынувших чувств, она горько заплакала.

— Да успокойся! — сердечно сказала Ульяна. — Я тебе дело говорю. Сейчас вот сяду и напишу письмо Михаилу с Ниной. Они будут рады помочь тебе. У них ведь нет своих детей. Не убивайся, вместе как-нибудь переживём это трудное время. А там всё наладится, вот увидишь!

Сердце Марии рвалось на части. Она не знала, какой муж у Нины, какой у Ульяны. Они вышли замуж уже после раскулачивания, когда вся семья была безжалостно раскидана по белому свету. Однако сёстры — не чужие люди, им можно доверять, к тому же они тоже христианки. Мария понимала это умом и готова была согласиться отправить своих дочерей к сестре, но сердце её просто

останавливалось от боли и страшного предчувствия.

«Что скажет Ваня? — не спала она ночами. — Как отпустить детей на чьё-то попечение? А как с ними выжить? Где и как заработать на хлеб насущный?»

Бесконечные вопросы осаждали многодетную мать и сжимали сердце, словно клещи. Глядя на её страдания, Ульяна продолжала уговаривать:

— Дети будут ведь у своих, не у чужих! Мы же хорошо понимаем тебя, хотим помочь. Отпусти хоть на первое время, пока что-то уляжется, утрясётся. Если будет тебе под силу, потом заберёшь. А сейчас — сама подумай, как жить?

На том и порешили. Мария собрала одежду Кати и Гали и сложила в сумку.

— Боже мой, что я делаю?! — рыдала она, взывая к Господу. — Помоги мне быть благоразумной! Научи меня, что делать в этих трудностях! Боже, защити моих птенцов! Я доверяю их Твоему попечению! Сохрани их от зла!

Рано утром Мария проводила Ульяну с девочками на железнодорожный вокзал.

На прощание с Катей и Галей

* * *

Ульяна поставила сумки в ящик для багажа и посадила Катю ближе к окну. Галю она взяла на руки и тоже подсела к окну.

— Смотри, вон мама, помаши ей ручкой,— прошептала она Гале на ухо и сглотнула горький ком, подкатившийся к горлу.

Увидев мать, Галя глубоко втянула в себя воздух и разразилась громким плачем:

— Мама! Хочу к маме!

— Тише! Тише! — прижала её к себе Ульяна. — Мама скоро приедет к нам, не плачь!

Но Галя не унималась.

— Уходи уже! Уходи! — помахала Ульяна сестре. — До свидания! До встречи!

Но Мария не слышала этих слов. Она видела только, как плачет Галя, видела испуганное личико Кати, и её материнское сердце разрывалось от горя. Наконец оно не выдержало нагрузки: Мария потеряла сознание и рухнула на привокзальные ступеньки.

— О Боже, помилуй нас! — вскрикнула Ульяна.

Вагон вздрогнул и пополз вдоль перрона. Потеряв мать из виду, Катя крепко обняла Галю и тоже заплакала.

Утирая слёзы, Ульяна старалась успокоить детей, но это оказалось непросто.

— Тише! Нельзя так громко плакать, а то дядя заберёт... — нашлась наконец Ульяна.

Катя испуганно замолчала. Однако Галя плакала безутешно, пока не уснула у тёти на руках.

* * *

Мария пришла в себя, когда поезд уже уехал. Вдалеке виднелись красные огоньки последнего вагона. Из-за слёз не видя под ногами земли, она побрела домой.

Как неожиданно распалась её семья! Соберутся ли они когда-нибудь вместе? Где будет отбывать срок Иван? Сможет ли она хоть когда-нибудь попасть к нему на свидание? Как и где ей теперь жить? Как прокормить детей? Как примут её девочек Нина с Михаилом?

Вопросам без ответа не было конца, и Мария находила утешение только в молитве:

— Боже! Ты всё знаешь... — шептала она. — Сохрани нас в этом мире зла... Сохрани Ваню, сохрани деток... Господи, укрепи нас! Помоги пережить эту скорбь, не выпусти нас из Своих Отцовских рук...

* * *

Через несколько дней поезд привёз Ульяну с детьми далеко на север. Катя спрыгнула с подножки вагона прямо в снег. Мороз тут же стал щипать её нос и щёки, но замёрзнуть она не успела.

— Ого! Вот вы и приехали! — послышался вдруг весёлый зычный бас.

Какой-то мужчина подбежал к Ульяне и взял у неё сумки. Следом подошла женщина, очень похожая на Марию. Она поцеловала детей и, завернув их в огромный полушубок, усадила на санки.

Переговариваясь, взрослые прошли в конец перрона и свернули на безлюдную улицу. Во дворах то тут, то там лаяли собаки, под ногами весело поскрипывал снег, а сани бесшумно скользили по утоптанной дорожке.

Неожиданно санки остановились. Девочек высвободили из тулупа и поставили на высокое крыльцо. Потом открылась дверь, и Катя с Галей оказались в тёплом доме.

— Вот здесь вы теперь будете жить,— мягко сказала женщина, похожая на маму. — Меня зовут тётя Нина.

К ней тут же подошёл высокий черноволосый мужчина. Он уже успел снять свой полушубок и теперь, широко улыбаясь, протянул вперёд руки:

— Ну, давайте знакомиться! Я — дядя Миша, а ты кто?

Он обнял девочку постарше и заглянул ей в глаза.

— Катя...

— Сколько тебе лет?

Девочка молча растопырила четыре пальца.

— А ты кто? — Мужчина подхватил младшую и хотел посадить к себе на коленки, но она упрямо задрыгала ногами и засопела, готовая расплакаться.

— Галя,— ответила за неё Катя. — Ей два года.

Она взяла сестрёнкину руку и показала дяде два розовых пальчика.

Тётя между тем накрыла на стол, и девочки с удовольствием принялись есть душистую уху.

* * *

Нина приняла детей радушно, с желанием хоть немного облегчить тяжёлую ношу, выпавшую на долю младшей сестры. Жили они с Михаилом в небольшой комнатушке рыбозаводской конторы. Работали на этом же заводе.

В конторе всегда было многолюдно и шумно, поэтому детям не разрешалось выходить из комнаты. На улицу их тоже не выпускали из-за суровой и снежной зимы. Да и двор рыбозавода не был предназначен для детских прогулок.

К счастью, прожили они здесь недолго. В конце лета Михаил с Ниной переехали на юг, тоже на завод по обработке рыбы.

Посёлок Рыбный раскинулся на берегу красивой реки Дон. Она текла мирно и спокойно. По ней мимо Рыбного каждый день проплывали пароходы, катера, баржи и самые обычные лодки. Берега реки утопали в пышной зелени.

При переезде на новое место жительства дядя Миша велел девочкам называть его папой, а тётю Нину — мамой. Таким образом он хотел избежать множества вопросов, которыми осаждали его сотрудники и соседи.

Михаил был человеком весёлого нрава. Любил выпить. В Бога он совсем не верил и своей жене категорически запретил не только молиться Богу, но даже упоминать Его имя.

Нина вначале не соглашалась с таким решением, пыталась молиться украдкой, но без общения с церковью постепенно охладела и её вера со временем совсем потухла. Нина стала такой же, какой была до покаяния: ссорилась с мужем, хитрила и обманывала, заботилась лишь о своей внешней красоте, совершенно не думая о душе.

И только Катя с Галей постоянно напоминали супругам о том, что их родственники живут совершенно иначе. Ивана осудили на долгий срок заключения только за то, что он верил Богу и жил по Евангелию.

Михаил строго-настрого приказал Нине никому не говорить, чьих детей они приютили, иначе ему придётся поплатиться и должностью, и партбилетом. А этого он боялся больше всего.

Так Катя и Галя обрели новых родителей. Родного отца и родную мать девочки забыли очень скоро — Михаил и Нина ничего о них не рассказывали и даже не упоминали в своей речи. Катя какое-то время помнила маму, но постепенно этот смутный образ исчез из её памяти.

В Рыбном Катю с Галей уже не держали взаперти. Они гуляли по территории рыбозавода, спускались к реке и любовались её величественным течением и зелёными берегами. Девочки часами могли наблюдать, как рыбаки в больших резиновых сапогах заполняли корзины и ящики разной рыбой, как сушили во дворе сети, как женщины нанизывали на вешала серебристую чехонь и отправляли в коптильню. А когда готовую рыбу выносили из коптильни, по всей округе разносился приятный запах.

Ближе к реке, под большой вербой, стоял длинный стол, сколоченный из грубых добротных досок. В конце рабочего дня на этот стол нередко насыпали груды красных раков. Варили их здесь же, на берегу, во врытом в землю котле. Лакомиться раками всегда приглашали и Катю с Галей.

По праздникам за этим столом пировали компании отдыхающих. На столе всегда было спиртное, поэтому вечеринки обычно заканчивались руганью, скандалами, а то и дракой. На таких весельях девочки не присутствовали. Однако через окно они всё видели и слышали, хорошо различая голоса своих приёмных родителей. Очень скоро девочки выучили песни, которые пели во дворе, и охотно подпевали пьяной компании.

Катю с Галей никто не учил молиться. Здесь никто не пел маминых песен. Михаил твёрдо решил воспитать девочек патриотками, далёкими от всякой религиозности. Сам он шёл в ногу со временем, верил в светлое будущее без Бога. Дети баптистов вначале смущали его, но потом он решил, что у него получится воспитать их в коммунистическом духе. Для этого он несколько раз поменял место жительства: дети, подрастая, забудут, откуда они приехали и где их настоящие родители.

Безотцовщина

Из Рыбного Михаил перевёз семью в посёлок Лучезарный на небольшом полуострове. Там заканчивалась грандиозная стройка канала, соединяющего Волгу с Доном, и начиналось строительство гидроэлектростанции.

Михаил купил в Лучезарном камышанку, разделённую печью на две комнаты. В одной помещалось две кровати и сундук, в другой — обеденный стол. К времянке была пристроена веранда — тоже из камыша. В одной её части жили козы, другая часть служила коридором. Во дворе росли две раскидистые груши, а вокруг усадьбы куда ни глянь — густые заросли терновника.

В Лучезарном все жили в неблагоустроенных лачугах. Землянки и камышанки стояли в полнейшем беспорядке, поэтому в посёлке не было ни улиц, ни площадей.

Вокруг посёлка располагалось несколько лагерей, в которых томились тысячи заключённых. Это была основная рабочая сила, с помощью которой на полуострове осуществлялась грандиозная стройка. Каждый день заключённых строем водили на работу.

Катя пошла в Лучезарном в первый класс. Если случалось, что она задерживалась дома и не успевала вовремя перейти дорогу возле школы, ей приходилось больше часа стоять и ждать, пока мимо чёрной стеной пройдут заключённые.

Это зрелище Катя запомнила на всю жизнь. По обе стороны бетонной дороги выстраивался конвой с собаками. В это время никто не имел права переходить через дорогу. Начинался развод заключённых на работу. Люди в серых выгоревших бушлатах и таких же кепках шли молча, близко друг ко другу. Шли колоннами. Пересчитать людей казалось невозможным. Вначале шли мужчины. Потом шли женщины — такие же серые, безрадостные, измученные. Замыкали шествие грузовые автомобили, в кузове которых стояли такие же заключённые. Их тоже везли на работу.

Катя смотрела на движущуюся перед ней массу людей с некоторым страхом и одним желанием — чтобы эта вереница скорее закончилась. Ей никогда не приходила в голову мысль, что среди этих несчастных может быть и её родной отец.

* * *

— Ты снова пьян?! — недовольно встретила Нина мужа. — Ох, как я устала от своей судьбы!

— Устала? — промямлил Михаил. — А я, думаешь, не устал?

Он плюхнулся на сундук и мутными глазами поискал кого-то из девочек.

— Где мои пострелята?

Нина накинула на плечи кофту и молча вышла. Она не хотела не только разговаривать с мужем, но и смотреть на него, не хотела скандалить. Пил он часто. До беспамятства не напивался, но пьяным был нередко. Из-за этого в доме почти не прекращались скандалы, отравляющие жизнь всей семьи.

Будучи трезвым, Михаил обычно не обращал внимания на девочек. Они давно уже надоели ему и были бременем. Девочки чувствовали, что их не любят, и старались как можно меньше попадаться отцу на глаза.

Однако пьяный Михаил любил возиться с детьми. Он требовал, чтобы они развлекали его песнями и стихами о Родине, Сталине, прекрасном будущем.

— Катя, куда вы запропастились?! — заревел Михаил, потирая виски.

Катя быстро встала из-за стола, закрыла учебник и заглянула в комнату, где на сундуке сидел Михаил.

— Я уроки делаю,— тихо сказала она.

— Уроки? — ухмыльнулся Михаил. — Потом сделаешь. Давай запевай мою любимую...

Катя кивнула Гале, возившейся под столом, и через минуту девочки звонко пели:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...

С особым вдохновением Михаил присоединялся к пению и на словах: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» — высоко поднимал руку, пробуя дирижировать звонкоголосым дуэтом.

Девочки любили петь. Не ведая о лучшей жизни, не зная лучших песен, они распевали то, чему учил их безбожный дядя. Сам он, глядя на своих певичек, обычно начинал хохотать и смеялся до тех пор, пока не засыпал от усталости. Тогда в дом заходила Нина, сердито ворчала на девочек и отправляла их спать без ужина. Голодные, Катя с Галей натягивали на себя одеяло и, не смея даже шёпотом пожалеть друг друга, засыпали.

Имя Бога в доме не упоминалось, разве только в сквернословии Михаила. Девочки боялись его, когда он так сильно ругался, и всегда старались куда-нибудь спрятаться.

* * *

Рано утром Катя проснулась от толчка.

— Быстро вставай! — велел ей Михаил.

Катя подскочила и полусонная пошла вслед за отцом. Он вышел во двор, подвёл её к груше и поставил спиной к стволу. Потом завёл её руки назад и стал обматывать верёвкой. Крепко привязав ребёнка к дереву, он молча ушёл.

Катя в страхе ожидала какого-то продолжения, но вокруг было тихо — ни шагов, ни голосов. Утренняя свежесть быстро пробралась под рубашку, и Катя начала дрожать. Дрожала не только от холода, но и от страха. Плакать боялась — вдруг отец вернётся и накажет её ещё и за слёзы.

Из дома послышался плач. Это Галя проснулась и, увидев, что Кати нет, а дверь на замке, стала плакать.

— Не плачь, я здесь, во дворе,— заговорила с ней Катя.

Галя раздвинула камыш, из которого была сделана пристройка к дому, и выбралась на улицу.

— Кто тебя привязал? — испуганно спросила она.

— Папа.

— За что?

— Не знаю...

— Давай отвяжу!

— Не надо, а то бить будет!

— А куда они ушли?

— Наверно, на базар...

Катя не переставала дрожать. Галя присела рядом и, натянув ночную рубашку на колени, погладила Катину руку:

— Больно?

— Да, руки занемели...

Девочки замолчали. Им вспомнился вчерашний вечер. Отец пришёл пьяный. Они с матерью долго ссорились, а утром он решил выместить своё настроение на Кате...

Поднялось солнце. Стало жарко. Галя не отходила от Кати. Девочкам сильно хотелось есть, но еды не было.

Неожиданно во двор зашёл сосед.

— Отец дома? — спросил он Галю.

— Нет,— мотнула она головой.

— А это что такое?! — воскликнул сосед, в недоумении разглядывая неприятную картину. — Кто тебя привязал?

— Папа...

Катя не выдержала и заплакала.

— Изверг... — прошептал мужчина, торопливо развязывая пленницу.

Он бросил верёвку на грушу и мягко сказал:

— Будет ругать, скажи, что я отвязал.

Михаил с Ниной пришли домой к обеду. Узнав, кто отвязал Катю, Михаил промолчал. Соседей он побаивался, поэтому решил не поднимать шума.

Очень редко, но всё же случалось, что Михаил и Нина были как-то особенно добры к детям. Нина в такие дни пекла пироги с капустой или с тыквой, и они могли долго сидеть за столом и о чём-нибудь разговаривать.

В один из таких добрых вечеров Нина сказала девочкам, что пришло письмо от их родной мамы.

— Она спрашивает, как вы здесь живёте, послушны ли.

Ни Катю, ни Галю это известие не обрадовало. Маму они уже не помнили.

— А что вы напишете ей? — простодушно спросила Галя. — Мы же послушные, правда?

Нина промолчала.

— Если выучишь «Дед Мазай и зайцы», напишем, что послушная,— рассмеялся Михаил.

Галя втянула голову в плечи. Столько времени она учит

это длиннющее стихотворение и никак не может выучить до конца!

— А про Ивана пишет что-нибудь? — спросил Михаил.

— Нет, ничего не пишет,— Нина немного помолчала. — Что она может написать?

Катя насторожилась. Речь об отце заходила очень редко. Дядя с тётей не любили говорить на эту тему.

— Долго ещё ему сидеть... — вздохнула Нина.

— А за что его посадили? — наивно спросила Галя.

— За аварию,— быстро проговорил Михаил. — Отец ваш работал на кране. Однажды груз сорвался со стрелы, упал прямо на рабочего и раздавил его. Вот отца и посадили.

Катя задумчиво опустила кудрявую голову. Галя тоже притихла и ничего не стала спрашивать. Девочки совсем не помнили отца, знали только, что его зовут Иваном. А какой он — добрый или злой, лучше их папы Михаила или хуже,— им было неведомо.

Настоящей родительской любви Катя с Галей не знали. Тётя воспитывала их строго, часто била, требуя делать всё только так, как она велела.

Сама Нина была аккуратной, любила чистоту и порядок и учила этому девочек. Каждый день они должны были заправлять постель, мести двор, чистить песком алюминиевую посуду до блеска. Кастрюлю не разрешалось ставить на место до тех пор, пока она не будет блестеть как новая. А варили в то время на керогазе. Этот прибор всегда коптил и сильно пачкал кастрюли. После варки они были чёрные, и отчищать их приходилось нелегко.

За некачественную работу Нина наказывала девочек очень строго: или била ремнём, или целый день ничего не давала есть, или выгоняла из дому на всю ночь.

В пылу гнева она нередко кричала:

— Уходите, чтобы глаза мои вас не видели!

Девочки в страхе покидали двор и в зарослях терновника ждали, когда дверь запрут на ночь на засов. Потом они тихонько пробирались на веранду к козе и, прижавшись к её тёплому боку, спали до утра. Утром настроение Нины менялось, и она уже не выгоняла своих племянниц.

Без мужа

Мария долго не могла привыкнуть к тому, что у неё не стало двух дочерей. Каждую ночь ей снились страшные сны: то кто-то отнимал у неё детей, то кто-то хотел сделать им зло и они горько плакали... Мария взволнованно вскакивала с постели и преклоняла колени перед Богом:

— Господи, Ты — моё прибежище, Ты — наша помощь и защита! Прошу Тебя, сохрани моих детей от зла! Помоги моей сестре научить их доброму, пошли им хлеб насущный и одежду...

Мария хорошо знала, что такое нищета и голод. По совету Ульяны она всё же перебралась в пригород. Купить дом, даже самый плохонький, она не могла, но за небольшую цену приобрела участок земли. Дальний родственник помог Марии накосить камыша, которого в той местности было хоть пруд пруди, и они соорудили что-то наподобие камышанки. Строение обмазали глиной, крышу тоже помазали и покрыли камышом. Получилось хорошее укрытие от ветра и холода, хотя и с земляным полом.

На новом месте для Марии нашлась и работа — устроилась в совхоз разнорабочей. С ранней весны до поздней осени работала в поле, таская за собой малолетнего сынишку. Осенью Марии платили немного денег и выдавали овощи: картофель, тыкву, лук, морковь и свёклу.

Глубокое утешение Мария находила в молитве. Чувствуя себя птицей, гнездо которой разорила безжалостная рука, Мария искала покровительства всемогущего Бога. И Он никогда не отталкивал её, не отказывал в помощи и благословениях. Нет, её жизнь не превращалась в рай, жалкая лачуга не становилась хороминой. Дух Святой удивительно наполнял её сердце миром и вселял надежду на то, что пора скорбей когда-то кончится. Так Мария каждый день черпала силу в общении с Господом и была счастлива.

Через год после того, как арестовали Ивана, Мария купила козу, а ещё через год — тёлочку. Дети подросли и уже хорошо помогали по хозяйству. Материально жить стало намного легче.

От Ивана очень редко приходили скудные записки. Ни свиданий, ни писем ему не разрешалось. На нём, как и на

всей его семье, стояло клеймо врага народа, и всякая связь с такими людьми строго наказывалась.

С арестом служителя церковь тоже много страдала. Разрозненные христиане переносили жизненные тяготы в одиночку. Многие охладели в вере, и лишь некоторые из последних сил старались держаться Божьих путей и ни за что не изменять своему Господу.

Среди таких христиан была и Мария. Когда невзгоды обрушивались на неё, словно морские волны, грозя потопить, лишить веры и надежды, она вставала на колени и плакала, как ребёнок, умоляя любимого Господа не оставить её на произвол судьбы.

А потом, вытерев слёзы, она начинала громко петь:

Нет, я не один! Нет, нет, никогда
Мой Бог меня не оставит,
Нет, не останусь один!..

Пение подкрепляло духовные силы, и Мария, превозмогая всё, старалась передать детям живую веру в Того, без Которого нет смысла жить.

Об отце в семье говорили часто. Так же часто вспоминали и Катю с Галей. Мария регулярно посылала письма Нине, но та в основном не отвечала, а если и писала, то очень скудно, в общих фразах: всё нормально, девочки растут, всем привет. Мария обычно пыталась прочитать ещё что-нибудь между строк, мысленно представляя себе своих ненаглядных, но воображение не преподносило ей ничего утешительного.

«Боже, только Ты можешь сохранить их, я совершенно бессильна что-либо сделать...» — вздыхала она и вновь находила утешение в молитве, вверяя своих деток надёжным рукам доброго Пастыря.

Нелюбимые

Холодным мартовским утром, перепрыгивая с кочки на кочку, Катя спешила в школу. Талый снег, а вернее серая холодная жижа норовила проникнуть сквозь старенькие

сапожки, и ей хотелось сохранить ноги сухими.

Возле школы Катя встретила одноклассницу.

— Сегодня учёбы не будет,— сообщила она. — Умер Сталин, в клубе траурный митинг...

Вместе с другими учениками Катя протиснулась в большой зал Дома культуры. Народу было битком. На стене, на самом видном месте, висел огромный портрет вождя, обрамлённый красной и чёрной лентой. Люди переговаривались шёпотом. Многие плакали.

У Кати тоже было грустное настроение. Она понимала, что случилось какое-то горе, и старалась проникнуться печальными чувствами. Ей было ещё неведомо, что лишь благодаря почившему вождю вокруг так много тюрем и лагерей, в которых томятся тысячи ни в чём не повинных отцов и матерей. Там же был и её отец. Об этом она узнает гораздо позже.

После смерти Сталина лагеря заключённых заметно опустели. Теперь переходить дорогу в школу было нетрудно, колонны заключённых встречались значительно реже.

Михаил вновь задумал переехать туда, где можно больше заработать. Выбор пал на местечко Уютное. Там начиналось строительство атомной электростанции, и народ потянулся туда со всего света.

Михаил с Ниной продали корову и козу, а урожай с огорода решили взять с собой.

Стояла сухая тёплая осень. Картошку, свёклу и морковь собрали в большой бурт и накрыли брезентом. Михаил планировал перевезти овощи на грузовике.

Закончив свою работу, Катя с Галей огляделись. Опустевший двор, как и огород, выглядел печально.

В окнах зажёгся свет, и девочки поспешили домой. Как же они были разочарованы, увидев, что дверь в дом уже заперта!

— Где мы теперь будем спать? — испуганно спросила Галя. — Козы нет...

Девочки устало присели на ступеньку. Закрытая дверь — не новость, родители часто наказывали их, оставляя ночевать на улице. Но раньше всегда была коза, возле

которой можно было согреться, а сейчас...

Вскоре свет в окнах погас, и девочки поняли, что им придётся ночевать на улице. Стало холодно. Галя поёжилась и заплакала.

— Не плачь,— обняла её Катя. — Мы же вместе.

— Куда мы пойдём? — всхлипнула Галя.

— Никуда, будем здесь.

На небе одна за другой зажигались звёзды.

— Мне холодно,— вздрогнула Галя. — Давай залезем под брезент — может, там теплее?

— А вдруг нам за это попадёт? — засомневалась Катя, но в тот же момент вскочила и побежала к куче овощей.

Девочки приподняли брезент и легли прямо на картошку.

Обняв сестрёнку, Катя долго думала о том, в чём они провинились, за что их снова не пустили в дом. Целый день они усердно работали, мама ни разу не рассердилась на них — и вдруг оставили на ночь на улице.

Галя согрелась и мирно засопела. А Катя долго ещё не могла уснуть. В страхе она прислушивалась к каждому шороху. Ей казалось, что к ним кто-то крадётся, и тогда она высовывала голову из-под брезента и всматривалась в темноту. Но нигде никого не было.

В полночь появилась яркая луна и осветила окрестности холодным светом. Стало не так страшно. Катя поджала ноги, которые постоянно съезжали по картошке вниз, и задумалась: «Хорошо, что это последняя ночь здесь. А что ждёт нас на новом месте? Мама с папой нас не любят, потому что мы им не родные. Но почему нас не отвезут к родным родителям? Где они? Как узнать? Маму спрашивать нельзя, она всё равно не скажет, а только поругает или побьёт. Она почему-то всегда злая, без настроения...»

Незаметно Катя уснула. Разбудил её голос отца. Катя испуганно толкнула Галю и вылезла с ней из-под брезента. Отец, казалось, не замечал девочек.

— Смотри, на траве иней,— удивлённо сказал он жене и тут же повернулся к Кате: — Вы тут спали? Замёрзли?

— Немножко,— пробормотала Катя, стряхивая пыль с платья.

— Значит, картошка не замёрзла,— повеселел Михаил и как ни в чём не бывало пошёл в дом.

Нина ни словом не обмолвилась о том, где и как девочки провели ночь. Взглянув на них, она лишь недовольно заметила:

— Посмотрите, на кого вы похожи! Марш сейчас же умываться! И ноги вымойте!

Это был последний день в Лучезарном.

* * *

В Уютном Михаил приобрёл участок земли, на который перевёз свою времянку из Лучезарного.

На новом месте в первую очередь выкопали колодец. До воды пришлось добираться двадцать два метра. Зато вода оказалась хорошая, сладкая, как говорили люди. Рядом у соседей была солёная.

Весной 1954 года Михаил приступил к строительству настоящего дома. Люди стали жить намного лучше, чем сразу после войны,— заработали заводы и фабрики, появился строительный материал.

Михаил был мастеровым человеком, многое умел и делал хорошо, но неполадки с женой выбивали его из колеи, и тогда у него опускались руки. Желая забыться, он часто напивался допьяна.

Подрастая, Катя стала обращать внимание на причину скандалов, которые нередко разгорались между дядей и тётей. Оказывается, Михаил не хотел держать у себя детей, но не знал, куда их деть. Нина почему-то не хотела писать Марии, чтобы та забрала девочек. Ей нравилось, что они много помогают ей по хозяйству и чем старше становятся, тем больше от них пользы. Но Михаил злился. Он не хотел кормить детей баптиста, а сказать об этом вслух боялся и стыдился.

Строительство дома продвигалось медленно. Только через два года, наконец, накрыли крышу. Пришло время обмазывать стены глиной. В этой трудной работе хорошо пригодились дети. Глину замачивали, добавляли в неё солому и долго месили ногами, пока она не превращалась в мягкую, вязкую

массу. Трудились с утра до вечера, спешили сделать дело, пока стоят тёплые дни.

К концу лета основные работы были закончены. Даже полы в доме покрасили. Девочки радовались — теперь они будут жить в новом доме, даже в отдельной комнате! Однако их радость омрачило нелепое приключение.

Родители перешли в дом, а детей оставили во времянке! Катя с Галей терялись в догадках: почему их не взяли в дом? в чём они провинились? как они будут здесь одни? надолго их здесь оставили или скоро заберут к себе? Ответа на эти вопросы никто не давал. Да Катя с Галей их и не задавали. В этой семье строго-настрого запрещалось что-либо спрашивать или кому-то рассказывать о себе. Девочек за это сурово наказывали.

Во времянке не осталось ничего, кроме железной кровати,— ни постели, ни еды. Вечером, увидев, что дверь в дом закрыта на ключ, девочки поняли, что там им места нет. Спать на железной кровати без подстилки было невозможно, и Катя с Галей улеглись на полу, крепко прижавшись друг к другу.

На следующий день мать преподнесла детям принеприятнейший сюрприз. Вместо завтрака она принесла длинную проволоку и, не сказав ни слова, привязала Катю к кровати за ногу. Неужели только для этого и была оставлена кровать во времянке?

Горячая обида обожгла сердце Кати: за что?! Неужели это плата за все её старания и труды? Ведь она работала наравне со взрослыми — месила глину, таскала воду...

Мать молча ушла, а Галя обняла сестрёнку и взволнованно прошептала:

— Не плачь, а то ещё вернётся и побьёт...

Кате нелегко было успокоиться. В памяти одно за другим вставали события последних лет. Сколько страху натерпелись они от своих родителей! Сколько услышали незаслуженных обвинений, сколько испытали неприязни! Почему же они так нелюбимы? Что плохого они сделали? В чём их вина? Где их родная мать? Где отец? Неужели они тоже не любили своих детей? Как и почему они отдали их в эту

семью? Бесконечные вопросы разрывали уже не детское сердце на части. О, кто бы мог ответить ей, успокоить её, приласкать?!

В памяти живо всплыл последний случай. Они месили глину. Замес был большой. Глину полили водой, и пока взрослые занимались другими делами, дети уже вовсю топтали вязкую массу. В тот день у них гостили два двоюродных брата и сестра. Они тоже присоединились к работе и, взявшись за руки, дружно месили глину.

Был жаркий день. Михаил следил за процессом. Он собирал с краёв невымешанную глину и подбрасывал её в середину, изредка поливая водой.

Когда глина превратилась в однородную массу, Михаил посыпал её соломой со словами:

— Ну, ребята, давайте! Ещё один рывок — и большое дело будет сделано!

Вмешивать солому в глину — неприятная процедура. Жёсткие соломинки кололи и царапали ноги. Но работа всё равно не остановилась.

Заметив, что дети уже устали, Михаил пообещал:

— Как только закончите месить, пойдёте на водохранилище купаться!

У детей, как говорится, открылось второе дыхание. Предвкушая купание, они с новой силой закружились в замесе, соединяя глину с соломой.

Наконец Михаил объявил, что замес готов.

— Молодцы! — похвалил он. — Потрудились на славу, теперь бегом отмываться!

Все весело выбрались из глины, кое-как почистили ноги и помчались к водохранилищу.

— Катя, вернись! — вдруг выглянула из дверей Нина. — Сегодня не пойдёшь купаться, дома много работы.

Её голос слышали все. На какое-то мгновение дети остановились и с сожалением посмотрели на Катю.

— Вы же обещали! — осмелилась сказать двоюродная сестра.

— Да, обещали,— невозмутимо проговорила Нина. — Вы идите, а Катя с Галей помоются дома. Им ещё работать надо.

...Катя всхлипнула. С тех пор прошла уже не одна неделя, а обида из сердца не уходила. Значит, работать нужно, работать они должны, а отдыхать... Даже по-человечески жить не могут. Ведь это нечестно! Нет, дядя с тётей их совсем не любят!

Худо-бедно, день всё же пришёл к концу. Девочкам сильно хотелось есть, но в тот вечер им пришлось лечь без ужина. Галя принесла из сарая старенькую дерюжку, и, накрывшись ею, девочки быстро согрелись и уснули.

На следующий день обстановка не изменилась. Во времянку никто даже не заглянул. Никто Галю с Катей не ждал, никто в них не нуждался.

— У меня уже болит живот, так есть хочется,— жалобно простонала Галя.

— Я тоже хочу,— прошептала Катя. — Пойди попроси хлеба у тёти Ульяны. Только смотри, чтобы мама не увидела, что ты куда-то пошла!

В то лето в Уютное переехала и младшая сестра Нины — Ульяна. Они с мужем и тремя детьми поселились неподалёку, через две улицы. Галя побежала к ним. Тётя дала ей полбулки. Галя не удержалась и, пока бежала обратно, половину хлеба съела. Чтобы сгладить свой проступок и порадовать Катю, она забежала на убранный огород и нашла несколько сморщенных, полузелёных помидоров. Они были совсем невкусные, но Катя всё же охотно съела их вместе с тем хлебом, что принесла сестрёнка.

Прошло три дня. Нина пару раз приносила детям покушать, но ничего у них не спрашивала и ничего не рассказывала.

Наступило первое сентября. Ни Михаил, ни Нина не позаботились о том, чтобы Катю и Галю собрать в школу.

Третьего сентября рано утром прибежала двоюродная сестра — узнать, почему девочки не ходят в школу. Нина быстро зашла во времянку и отвязала Катю. Потом она принесла трёхлитровую банку сметаны и громко сказала:

— Пока не собьёте масло, никуда не пойдёте!

Двоюродная сестра кинулась помогать. Девочки без остановки трясли и катали банку, стараясь поскорее сбить масло,

но это было нелёгкое дело. Время пролетело быстро. Сестра убежала в школу, а Катя с Галей, глотая горькие слёзы, продолжали сбивать масло.

«Ну почему она не дала нам это задание вчера? — думала Катя. — Почему нас держат в этой времянке без еды? Почему не пускают в школу?»

Говорить об этом вслух Катя боялась. Её постоянно преследовал страх какой-то вины. Ни Гале, ни Кате приёмные родители не разрешали ни с кем дружить, поэтому кому-то пожаловаться они не могли. Когда в Уютное переехала семья тёти Ульяны, девочки обрадовались — теперь у них будут друзья, их двоюродные братья и сестра! Но подружиться с ними пока что не получалось.

Из-за частых переездов девочки каждый раз должны были привыкать к новой школе, к новому классу. Своё происхождение они должны были скрывать, потому что не могли ответить на самый простой вопрос — где их родные родители.

В награду за сбитое масло Нина позвала девочек в дом и сразу же посадила за стол. О, как давно они не ели такого вкусного горячего супа! А как уютно в доме, как тепло! Катя с Галей быстро поели, поблагодарили за вкусный обед и тщательно вымыли посуду.

* * *

Приближалось Рождество 1955 года. Катя с Галей не знали правды об этом празднике. Михаил однажды рассказал им какую-то сказку по поводу Рождества, но сказка есть сказка. От своих двоюродных родственников девочки узнали, что на Рождество колядуют, а на Пасху красят яйца и пекут куличи. Вот и всё, что знали о христианских праздниках дети служителя, страдающего за веру. Их родной матери, конечно, тоже было неведомо, в какой обстановке растут её дочери. Лишь Бог всё видел и, без сомнения, держал ситуацию под Своим контролем.

Незадолго до Рождества Нина вдруг решила научить девочек молитве «Отче наш».

— Произносите её каждый вечер перед сном,— сказала

она после того, как они несколько раз повторили молитву вместе с ней. — Только смотрите, чтобы отец не услышал!

Молитва девочкам понравилась, и они быстро её запомнили. Каждый вечер, напомнив друг другу, что надо помолиться, они с головой накрывались одеялом и шептали выученные слова.

Увидев, что молитва пришлась девочкам по душе, Нина как бы между прочим сказала, что в Божественной книге, где записана молитва «Отче наш», есть ещё такое изречение: «Всякая неправда — грех».

И Катя, и Галя с первого раза запомнили эти слова. Повторяя их про себя, они боялись обманывать. Если мать, спрашивая их о чём-то, напоминала, что «всякая неправда — грех», то они, как бы ни было трудно, говорили только правду. В их понимании грех был чем-то таким страшным, что ни в коем случае нельзя делать.

Нередко девочки произносили это евангельское изречение, желая знать правду друг о друге. В таких случаях ни одна из них не осмеливалась хитрить или обманывать.

Детство Кати и Гали было безрадостным. Окутанные тьмой неверия, они страдали от недостатка света, который вселяет в душу надежду, открывает будущее и влечёт к нему. Атеистическое воспитание было сильным, но девочки не могли жить в обществе активно, потому что их не любили. Их считали забитыми, отсталыми, детьми с плохим прошлым. Девочки всегда должны были скрывать, что родителям они не родные, мать постоянно об этом напоминала.

Нина тоже была несчастна. Оставив живую веру в Бога, она засорила свою жизнь всякими грехами. Михаил думал, что вера лишит его жену счастья и радости, и постарался сделать всё для того, чтобы отвратить её от Господа. Однако он глубоко ошибся. Веры в Бога не стало — и жизнь превратилась в ад.

Михаил не раз хотел бросить Нину и построить своё счастье заново, но его что-то удерживало. Приёмные дети были для него живым напоминанием о том, что есть люди, которые верят Богу и счастливы в своей вере, хотя и много страдают. Бог удивительно заботится об этих людях. Он

повелел Михаилу кормить детей страдальца за веру, и как бы ни хотелось ему избежать этой участи, он не может от неё отказаться.

* * *

Дождливая весна принесла Михаилу с Ниной большие убытки. Ливни образовали в степи огромные потоки. Весь посёлок был в страхе перед наводнением. Один из таких потоков устремился на усадьбу Михаила. Зрелище было потрясающее. Вода, смешиваясь с землёй, бурлила и кипела. Шквал с ливнем бушевал двое суток, а когда всё утихло и вода ушла, усадьба превратилась в печальное зрелище.

Вода прорезала глубокие канавы по всему огороду, смыла плодородный слой земли, оставив лишь ил, грязь и песок. Колодец обвалился. От былого уюта во дворе и в огороде не осталось и следа. Михаил и Нина с глубокой печалью ходили по своему участку, словно по чужой земле.

На их улице пострадали далеко не все огороды. Михаилу казалось, что чья-то властная рука направила степные потоки прямо через их двор, тогда как соседей эта стихия миновала. Ему было досадно, и он не скупился на скверные слова, ругая Бога и понося всё святое, несмотря на то что сам ни во что не верил.

Завалившийся колодец тоже принёс свои неудобства. Теперь за водой надо было ходить к соседям. Михаил с Ниной чувствовали, что их нелюбовное отношение к детям вызывает у соседей много вопросов, поэтому строго наказывали девочкам ни с кем не вступать в разговоры.

На второй или третий день после стихийного бедствия, когда Катя пришла к ближайшим соседям с пустыми вёдрами, хозяйка добросердечно подвела её к колодцу и сама достала воды. Она погоревала о случившемся и тут же спросила:

— Катюша, а Михаил и Нина — родные ваши родители?

Катя испуганно отвела глаза в сторону. Как она боялась этих вопросов! И всё же соседке удалось узнать, что родной отец Кати с Галей сидит в тюрьме. Ей очень хотелось знать подробности, но девочка больше ничего не сказала.

Дома Катя передала разговор с соседкой матери, и та запретила ходить к ним за водой. В следующий раз пришлось идти в другой двор, но и там задавали те же вопросы. Правда, эта соседка не допытывалась до тонкостей. Она сама шёпотом поведала Кате, что её настоящие родители верующие и отец страдает за веру.

Удивлённая Катя добросовестно рассказала матери всё, что услышала, и спросила, правда ли это? В ответ она получила полный запрет ходить и к этим соседям.

Теперь воду надо было носить из самого крайнего, углового двора. Там Катю никто ни о чём не спрашивал.

Однажды самая ближняя соседка спросила Катю через забор:

— Родители дома?

— Нет.

— Заходи к нам, побудешь немного! — ласково пригласила она.

Катя охотно пошла, ей нравилась Вера — дочь соседей, очень скромная и простая девочка.

Соседка угостила их киселём с пряниками и включила радиоприёмник. Вначале там что-то свистело и трещало, а потом сквозь шум прорвалось мелодичное пение.

— Ты знаешь эту песню? — спросила соседка, пристально наблюдая за реакцией Кати.

Катя прислушалась. Такой мелодии она не знала.

— Нет, я никогда не слышала такую песню.

Через пару минут зазвучала другая песня.

— А эту знаешь?

— Нет... — ответила Катя.

Соседка больше ничего не спросила. Она присела возле приёмника и стала подпевать. Потом заговорил какой-то мужчина. Он рассказывал что-то о Боге, о Христе. Катя засобиралась домой, но соседка удерживала её, стараясь вызвать у неё интерес к передаче.

Неожиданно Катей овладел непонятный страх. Она не могла понять, с чем это связано, но ей хотелось поскорее покинуть этот таинственный дом.

Провожая Катю, соседка попросила:

— Ты никому не рассказывай, что мы слушали эту передачу, ладно?

Катя кивнула. Уж что-что, а тайны Катя хранить умела! Лишь спустя годы она поняла, что соседка была верующей и слушала христианские радиопередачи. Первая песня, которую слушала Катя, была: «Страшно бушует житейское море...»

Крутой поворот

Прошло шесть долгих лет с тех пор, как Мария осталась без мужа. Трудно и очень трудно было ей в одиночку поднимать детей, зарабатывать на насущный хлеб. Однако она изо всех сил старалась не потерять живой связи с Богом и не опустить руки. Переживания о детях на чужбине, о муже в заточении, нужда и беспомощность — всё это ни на миг не давало Марии расслабиться. Она не переставала взывать к Богу о помощи, умоляла Его помиловать детей, сохранить мужа и дать им возможность встретиться.

Неожиданно от Ивана пришло радостное письмо. Он сообщал, что благодаря зачётам его лагерный срок истёк и теперь его отправляют на пять лет в ссылку. Через короткое время пришло ещё одно письмо, в котором Иван приглашал Марию с детьми к себе, в Красноярский край.

Сердце Марии дрогнуло. Как она поедет в такую даль? Как там жить? Ни у неё, ни у детей не было тёплой одежды...

Марии казалось, что ей предстоит ехать на край света. Она сильно боялась, но в дорогу стала собираться без промедления. К тому времени она уже обзавелась небольшим хозяйством.

Стояла золотая осень 1954 года. Мария продала собранный на зиму урожай, коз, тёлку и избушку. Упаковав свои пожитки в мешки, она сдала всё в багаж и отправилась с тремя детьми в Сибирь.

* * *

Иван приехал встречать семью в Канск.

Поезд медленно подходил к станции. Вот уже и перрон. Мария и дети прильнули к стеклу, стараясь увидеть отца,

но все лица были чужие. Когда они вышли из вагона, к ним приблизился худой, сутуловатый мужчина в коротких арестантских брюках и стареньком бушлате.

— Приветствую вас! — сказал он густым баритоном, и Мария тут же встрепенулась:

— Ваня!

Она сразу узнала родной голос!

Дети смотрели на него с недоверием. Андрей спрятался за мать, а Егор несмело спросил:

— Папа, это правда ты?

Не вытирая слёз, отец стал обнимать и целовать своих дорогих и родных. Все плакали, никто не сдерживал слёз. Да и зачем их сдерживать? Много лет они копились в сердце, а теперь пусть текут...

Мария получила багаж, который везли в этом же поезде, в багажном вагоне, и сразу достала мужу форменные брюки, китель (всё ещё с погонами) и фуражку с кокардой.

Когда Иван переоделся, Егор тут же бросился к нему и крепко обнял его:

— Папа! Теперь это точно ты!

Из Канска Иван повёз семью на грузовике в Абан. Мария с замирающим сердцем озиралась по сторонам. Вокруг стеной стоял лес, лишь вверху небольшими клочками проглядывало небо. Выросшая в степях, Мария привыкла к простору, где всегда виден горизонт... А тут всё так мрачно, тихо, верхушки вековых сосен едва колышутся. Мария плотнее закутывалась в шаль и, закрыв глаза, искала утешения в молитве.

По дороге Иван заехал к Ивану Куприяновичу Ильину. Этот служитель тоже отбывал ссылку. Встреча друзей была тёплая. Мария не выдержала и поведала ему все свои страхи.

Иван Куприянович внимательно выслушал её, затем открыл Библию:

— Сестра дорогая, я прочитаю тебе на память слово, сказанное Самим Богом, а потом мы помолимся. Ты хорошо запомни эти драгоценные слова из Книги пророка Исаии: «Ныне же так говорит Господь, сотворивший тебя... не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, через

реки ли, они не потопят тебя; пойдёшь ли через огонь, не обожжёшься, и пламя не опалит тебя. Ибо Я Господь, Бог твой…»

Слушая это слово, Мария плакала. Она понимала, что Сам Господь утешает её и обещает быть с ней и хранить её во всех обстоятельствах жизни. Преклонив колени, она просила у Господа прощение за неверие и страхи. Иван Куприянович положил на её голову руки и горячо попросил Бога о том, чтобы Он помог ей всё перенести, чтобы успокоил её и вселил в неё уверенность и надежду.

После молитвы, приветствуя Марию, служитель с теплотой в голосе твёрдо сказал:

— Господь будет с тобой, сестра, и никогда не оставит ни в беде, ни в горе. Он избавит тебя от вод печали и огня бедствий. Он будет идти вместе с тобой и вести тебя по тому пути, который тебе суждено пройти по Его воле.

Мария счастливо улыбалась и кивала головой, чувствуя мир в сердце и небесную радость от Самого Господа. Это благословение она пронесёт через всю жизнь, везде и всюду

Иван Куприянович Ильин (второй слева) среди братьев, таких же ссыльных, как и сам

опираясь на Божьи обетования и получая от Него крепость, силу и защиту.

От Ивана Куприяновича Ивану с семьёй надо было пробираться ещё двадцать километров вглубь тайги, в посёлок Тёплый Ключ. Там, в большом деревянном доме на трёх хозяев, Иван приготовил жильё для детей и жены. Это был первый дом, построенный ссыльными. Раньше здесь жило несколько мужчин. Узнав, что к Ивану едет семья, они освободили часть дома. Иван с Марией поселились в двух комнатах.

Неподалёку, под горой, бил тёплый ключ. Вода в нём никогда не замерзала. Отсюда и произошло название посёлка. Там же, под горой, поближе к воде ссыльные построили баню, а чуть поодаль — конюшню. Вокруг дома стояла дремучая тайга.

Со временем к ссыльным начали приезжать семьи, и на горе один за другим появились деревянные домики. Иван был здесь и прорабом, и бригадиром, и плотником.

В Тёплом Ключе у Ивана с Марией родилась ещё одна

Бригада плотников. Иван в центре

дочь. Назвали её Верой, вкладывая в это имя своё доверие Богу и надежду на доброе будущее.

Верочке не было ещё и года, когда родители решили забрать наконец своих дочерей — Катю и Галю. Иван отправил Михаилу с Ниной письмо, в котором сердечно благодарил их за то, что приютили у себя детей и столько лет о них заботились. Он также сообщил, что у него появилась возможность собрать семью. Сам он не имеет права покидать место ссылки, а Мария приедет за девочками, как только закончится учебный год.

Затянутый узел

Получив от Ивана письмо, Михаил с Ниной встревожились. Им совсем не хотелось отдавать детей. Повзрослевшая Катя была хорошей помощницей. Галя тоже старалась не отставать от сестры — была старательной и трудолюбивой.

— Скоро приедет ваша мать,— сказала Нина девочкам с присущим ей раздражением. — Вы, конечно же, кинетесь ей на шею: «Мамочка, забери нас отсюда поскорее!» Для вас она родная, а я теперь — никто. Восемь лет кормила вас, поила, из грязи вас вытащила, а теперь — совсем ненужная тётка, плохая тётка...

— Нет, мы вас ни за что не оставим и никуда не поедем! — преданно заявила Галя. — Нам не нужна другая мать!

Девочкам было обидно слышать, что они легко оставят и забудут воспитывавших их дядю с тётей. А Нина почти каждый день заводила разговор на эту тему, накаляя обстановку и настраивая детей против родителей.

Кате минуло уже двенадцать, и она часто вспоминала своё безрадостное детство, старалась представить себе родных родителей — какие они? Если это правда, что они верят в Бога, значит, они какие-то отсталые и неграмотные. Ведь все говорят, что Бога нет, что это выдумки забитых людей. Зачем тогда нужны такие родители? Говорят даже, что верующие приносят детей в жертву...

«Лучше остаться здесь,— думала Катя. — Ещё немного, и закончу школу, пойду учиться...»

Михаил забеспокоился всерьёз. Он стал спешно продавать дом и искать место для переезда. После наводнения они так и не смогли привести имение в надлежащий вид, оно оставалось совершенно неприглядным, словно памятник ужасной катастрофы.

Получив телеграмму о прибытии Марии, Михаил решил отправить Катю к родственникам.

— Пусть побудет там, пока мать уедет,— сказал он Нине. — Не хочу отпускать девчонку. Как мы будем на старости одни? Пусть забирает Галю, и хватит им!

Наутро Катю снарядили в путь. Заметив её недоумение, Нина любезно сказала:

— Это тебе подарок за послушание и за все труды... Поезжай, погостишь, отдохнёшь. Ты уже почти взрослая, сама доедешь!

Галя с завистью смотрела на сестру и плакала, впервые оставаясь дома без неё.

— Не плачь,— утешала её Катя. — Я привезу тебе гостинец.

Галя не переставала шмыгать носом, даже когда они с тётей возвращались домой, проводив Катю на пароход.

— Ну что ты нос повесила?! — недовольно спросила Нина. Как и прежде, в её голосе не слышалось ни любви, ни сочувствия. — Вечерним рейсом приедет твоя мать, будешь радоваться! Так что готовься к встрече!

Галя не знала — радоваться ей или плакать. Как жаль, что Кати нет! Сейчас они пошептались бы с ней и придумали, как встретить незнакомую маму...

На пристань Галя пошла пораньше, не дожидаясь вечера. Она долго сидела на берегу и смотрела на реку, мысленно рисуя в своём воображении встречу с матерью.

Гале очень хотелось, чтобы мама была добрая и красивая. Тётя сказала, что у мамы есть маленькая девочка, их сестрёнка. Может, мама приедет вместе с ней?

Наконец на горизонте появился пароход. Галя впилась в него глазами и не отвела взгляда до тех пор, пока он, вращая огромными лопастями, не пришвартовался к пристани.

Подали трап, и пассажиры стали сходить на берег. Галя

взволнованно вглядывалась в лица, но мамы не видела. Последней по трапу спустилась какая-то старушка с мальчиком.

— Галя! — послышался вдруг знакомый голос. — Пойдём домой!

«Мама тоже пришла встречать»,— подумала Галя и одними глазами спросила у неё: «А где же наша мама?»

Но Нина на этот вопрос не отреагировала.

— Иди быстро домой и не оглядывайся! — велела она как всегда строго.

Впереди шли две женщины с ребёнком. Галя обогнала их, подумав: «А вдруг это наша родная мама с девочкой?! Как бы посмотреть на них? Но мне запретили оглядываться...»

Галя быстро зашла во двор и спряталась за курятником, чтобы понаблюдать, куда пойдут женщины, которых она обогнала.

«Точно, это наша мама!» — чуть не вскрикнула Галя от волнения, когда Нина завела женщину с ребёнком во двор.

На улице было жарко, и Нина с Марией сразу зашли в дом.

С сильно бьющимся сердцем Галя подкралась к двери.

— Девочки тебя совсем не знают! — услышала она сердитый голос тёти. — Ты для них чужая. Вот посмотришь, как они будут к тебе относиться! Давай позовём Галю и посмотрим, к кому она подойдёт!

Галя испуганно отскочила от двери. Ей сразу вспомнились причитания тёти, что они забудут всё, увидев свою мать.

«Мы обещали, что никогда не забудем их и не поедем к родителям,— вспомнила Галя. — И я докажу это!»

— Га-ля! — послышалось из дома. — Иди-ка сюда!

Войдя в дом, Галя увидела, что тётя с её матерью, утомлённые жарой, сидят на полу, а рядом ползает маленькая девочка. Галя быстро села возле тёти и краем глаза заметила, что мать плачет.

Нина стала что-то рассказывать своей сестре, а Галя подвинулась ближе к девочке и поманила её к себе. Какая же она хорошенькая! Пухленькая, черноглазая, словно живая кукла!

* * *

Михаил с Ниной дали знать Марии, что детей не отдадут.

— Мы вложили столько средств и здоровья, чтобы воспитать их, а ты теперь появилась тут со своими правами! — кричал Михаил. — Тебе что, четверых мало?!

Мария не знала, что делать. Ни слёзы, ни уговоры не помогали. Она отправила Ивану телеграмму: «Детей не отдают. Что делать?» Он ответил категорично: «Без детей не приезжай».

Наконец Михаил пошёл на компромисс:

— Галю забирай, а Катя останется с нами, как вознаграждение за все наши труды.

Мария вынуждена была подать на свою сестру в суд.

В это время вернулась из гостей Катя. Напряжённая атмосфера в доме быстро передалась ей, и она, не зная, как вести себя, тревожно наблюдала за всеми. Мать ей понравилась. Она говорила и вела себя совсем не так, как тётя. В голосе матери было что-то тёплое, родное, доброе. Она ни разу не крикнула, не произнесла ни одного бранного слова, хотя Михаил с Ниной обрушивали на неё потоки зла и недовольства.

На следующий день по приезду Кати состоялся суд. Накануне Михаил долго разговаривал с племянницей — учил, как надо вести себя на суде:

— Смело говори, что никуда не поедешь, что здесь твой дом и твои родители. Не бойся, мамка твоя уедет с Галей, хватит им тех детей, что у них есть. А тебе у нас будет хорошо. Вот закончишь школу, поступишь в институт...

Михаил был уверен, что суд займёт его сторону. Ещё бы! Зачем отдавать детей преступнику, баптисту, который не сможет воспитать их патриотами? Девочки же — примерные пионерки, воспитаны в коммунистическом духе, их ждёт светлое будущее. А отец сделает из них монашек. Нет, этого нельзя допустить!

Всё это Катя услышала в зале суда. Плохо понимая ситуацию, она задавала себе множество вопросов: «Почему дядя не хочет нас отпускать? Он же не любит нас! Он никогда не хотел, чтобы мы жили у них. Он не хотел кормить нас, не хотел даже видеть нас... А как выглядит наш папа? Почему

мама так настойчиво добивается забрать нас? Она любит нас? Оказывается, у нас есть два брата и старшая сестра, и они хотят, чтобы мы жили вместе...»

Глядя на свою мать, Катя начинала её любить. Какая она скромная, терпеливая! Какие у неё добрые глаза, хотя и очень печальные...

Суд удалился на совещание, и все вышли на улицу. Был жаркий день. Мария с Верочкой на руках встала в тень под огромное дерево. Встретившись с Катей взглядом, она кивнула ей:

— Хочешь подержать сестричку? Возьми! — и протянула ей девочку.

Катя несмело взяла ребёнка на руки. Мария отошла в сторону и развязала платок, чтобы поправить растрепавшиеся волосы.

Неожиданно Катя услышала злобный шёпот в самое ухо:

— Зачем она тебе нужна?! Посади её на землю! Не бойся, тебе ничего за это не будет...

Это была тётя Нина. Катя с недоумением посмотрела в её глаза, искрящиеся злостью, и перевела взгляд на девочку. Страх перед тётей был велик, но опустить ребёнка на землю Катя не решилась.

«Как я посажу такую хорошую девочку на пыльную землю? — думала она. — И почему тётя всегда такая злая? Мама, кажется, совсем другая...»

Смятение длилось недолго, потому что всех пригласили в зал. Решение суда было конкретным и однозначным: родители имеют все права на своих детей и опекуны обязаны отдать детей законным родителям.

— Почему вы не спросите мнение детей? — не отступал Михаил. — Может, они не хотят возвращаться к родителям?!

— Они ещё несовершеннолетние,— спокойно ответил судья.

* * *

После суда Мария пошла ночевать к Ульяне, взяв с собой и Галю. Катя осталась у Михаила с Ниной. Её наполняло чувство вины и жалости. Почему-то хотелось, чтобы суд оста-

вил её у дяди с тётей. После всего пережитого они были утомлены и удручены. Разговор не клеился.

Рано утром Михаил с Ниной отправились на рынок продавать тёлку. Дом был уже продан. Катя простилась с дядей и тётей, но к маме на пристань решила не идти, подумав: «Пусть она уедет с Галей, а я потом вернусь сюда и останусь с дядей и тётей навсегда».

Она взяла свой узелок с одеждой и направилась в степь. Но там негде было укрыться от палящего солнца. Пришлось идти на железнодорожный вокзал, который находился в шести километрах от Уютного. Но и там спрятаться было негде. Кате казалось, что за ней наблюдают, что все люди знают, кто она такая. К вечеру, устав скрываться, она побрела домой.

А там поднялся переполох. Дело дошло до милиции — куда делась девочка? Все обвиняли Михаила с Ниной, зная, что они не хотят отпускать детей.

Увидев Катю, Михаил потухшим голосом сказал:

— Поезжай с матерью. Как только мы устроимся на новом месте, так тебя и заберём. А может, ты сама приедешь, когда станешь постарше.

Словно растревоженная птица, Мария не знала, как защитить и уберечь своих детей. Она попрощалась с Ульяной и, не зная расписания, поздно вечером пошла с детьми на пристань. А пароход, оказывается, ходил только один раз в сутки — утром. Упросив дежурных пустить её в комнату для приезжих, Мария уложила детей на голых скамейках и сидела возле них всю ночь, не смея сомкнуть глаз.

Утром они сели на пароход, и для Кати с Галей началось долгое путешествие к отцу в Сибирь. С парохода поздно вечером пересели на поезд.

Мария смотрела на своих дочерей не только с любовью, но и с невыразимой скорбью. Как ей хотелось обнять их, прижать к себе и выслушать, чем наполнены их сердечки! Но они ещё боялись её, стеснялись, и она терпела.

На больших станциях в поезд садилось много молодёжи. Юноши и девушки по призыву коммунистической партии ехали осваивать целину. Друзья и родные провожали их с песнями и плясками.

Высунув из окна голову, Катя с Галей во всё горло подпевали провожающим: «...вьётся дорога длинная, здравствуй, земля целинная!..»

Мария украдкой вытирала слёзы и печально думала о том, как глубоко ошиблась, надеясь на то, что Нина научит детей страху Божьему. А сестра и сама отступила от Бога, и детей не научила ничему святому. С большой тревогой Мария наблюдала за своими дочерями, не переставая молиться о них и о себе.

Катя с Галей росли совершенно неверующими. Михаил старался привить им безбожие, но молитвы родителей, страдающих во имя Бога, делали своё дело. Бог слышал просьбы смиренных и не оставался безучастным к их судьбам.

Встреча с отцом

Машина остановилась на просёлочной дороге в густом лесу. Мария спрыгнула на обочину. Катя протянула матери Верочку, помогла выпрыгнуть Гале и подала ей три дорожных котомки. Затем спрыгнула сама. Машина тут же уехала, и девочки, подхватив котомки, шагнули следом за матерью по едва заметной тропинке.

Высоко в небе шумели лохматыми верхушками корабельные сосны. Внизу было тихо. Торжественно тихо. Слышалось только, как хрустит под ногами хвоя.

Тропинка извивалась между пнями и поваленными деревьями. Повсюду рос папоротник. Его длинные и гибкие стебли устилали землю и тянулись вверх, так что порой приходилось пробираться через эти заросли, словно вброд.

— Это, наверно, настоящий лес,— шепнула Катя Гале.

Галя только улыбнулась в ответ. Папоротник достигал ей до самых плеч, и она наслаждалась его нежным прикосновением. Как же здесь здорово!

— Ау! Ау-у! Дуся! Ау! — неожиданно закричала мама.

Катя с Галей растерянно оглянулись. Кого она зовёт?

Вдруг заросли расступились, и впереди показалась крыша дома. Раздался лай собаки. Мария ещё раз позвала Дусю, и на тропинке появилась девушка.

— Мама! — вскрикнула она и кинулась сначала к матери, потом к девочкам.

Она обнимала и целовала всех, радуясь и смеясь:

— Наконец вы прибыли! Слава Богу! А девочки уже совсем взрослые! Как хорошо, что вы приехали!

Дуся взяла у мамы сестрёнку и обратилась к девочкам:

— Пойдёмте, здесь совсем недалеко!

Катя и Галя с интересом смотрели на свою старшую сестру. Её толстая русая коса и лёгкое платье в горошек им сразу понравились.

Шли недолго. Тропинка спустилась в лощину, где стоял большой деревянный дом. Увидев его, Катя с Галей переглянулись. Они, конечно же, не переставали удивляться всему, что видели. Тут всё было ново и необычно.

Вокруг дома, словно грозная стража, стояли высоченные сосны, а по всему двору тут и там виднелись огромные пни.

— Это наш дом,— сказала Дуся. — В нём живут ещё две семьи, но вход у них с другой стороны.

— Вот мы и приехали! — присела Мария на пень. — Отец ещё на работе? — устало спросила она.

Сюда мать привезла Катю и Галю

— Да,— кивнула Дуся.

— А где Андрюша?

Дуся показала глазами на дом, и девочки увидели, что из-за угла выглядывает мальчик лет восьми.

— Иди сюда! — позвала его мама. — Не стесняйся, это твои сёстры приехали. Иди знакомься!

Но мальчик убежал за угол дома и долго не показывался.

— Папа идёт! — хлопнула в ладоши Дуся, глядя вглубь леса.

В тот же момент девочки увидели мужчину, спускающегося по тропинке. Впереди него бежала собака и несла в зубах рабочие рукавицы.

«Как он похож на Галю!» — подумала Катя, не сводя с отца глаз.

Он ускорил шаг и смело подошёл к Кате, крепко обнял её и поцеловал. Потом он сгрёб в охапку Галю и тоже крепко поцеловал. Потом обнял жену, прошептав:

— Слава Богу...

Он ещё раз обнял Катю и Галю одновременно и дрогнувшим голосом сказал:

— Давайте поблагодарим Бога...

Отец и мать молились прямо во дворе, а Катя и Галя с интересом смотрели на их лица, мокрые от слёз, и слушали непривычные и незнакомые слова благодарности.

* * *

Катя проснулась рано. Галя ещё крепко спала.

— Мы не должны их за это упрекать,— услышала Катя шёпот отца.

Она затаила дыхание: «О ком это говорят родители?»

— Они же просто издевались надо мной! — горячо шептала мама. — Я бы уже давно вернулась, если бы...

— Мария,— перебил её отец,— надо всё простить. Надо любить их. Так нас учит Господь. К тому же они столько лет заботились о наших детях.

— Михаил такой ярый безбожник! — продолжала чуть слышно мать. — Для него нет ничего святого, он верит только в коммунизм.

— Мы тоже были бы такими,— вздохнул отец,— если бы Господь не помиловал нас и не спас.

— Это точно...

— Давай помолимся,— сказал отец. — Пора день начинать...

Катя повернулась на другой бок, но уснуть уже не могла.

«Мама с папой общаются друг с другом совсем не так, как дядя Миша с тётей Ниной,— думала она. — Интересно, с чего они взяли, что есть Бог? Все говорят, что Его нет, что в Него верят только старики... Как мы будем здесь жить? Чем заниматься? Есть ли тут школа?»

Проснулась Галя. С кровати напротив соскочил Андрей. Дуси в комнате уже не было.

— Ну, дети, вставайте! — ласково сказал отец. — Солнце давно поднялось!

— А что мы сегодня будем делать? — деловито спросила Галя.

— У вас же каникулы, будете отдыхать, знакомиться с нами,— ответила мать, разжигая примус.

— Вначале почитаем Библию, помолимся,— медленно проговорил отец. — А потом мама предложит нам завтрак.

Галя удивлённо посмотрела на мать и ничего не сказала.

«Здесь всё так интересно...» — подумала Катя.

Она слушала рассказы о Боге с недоверием. Никто ведь не видел Его, как можно утверждать, что Он есть, что Он слышит молитвы? Нет, это уж очень сомнительно...

Первые дни в родительском доме пролетали стрелой. Для Кати и Гали было много нового и интересного и в доме, и во дворе, и во взаимоотношениях с родными. Однако при всей любви со стороны семьи, девочек не покидала тревога. Им казалось, что всё это скоро кончится и будет что-то плохое и трудное. Особенно Катя боялась, что мать вспомнит, как она убежала после суда, и за это её строго накажут.

Однако ничего подобного не было. Отец с матерью очень осторожно расспрашивали дочек, как они учились в школе, как им жилось у дяди с тётей. Катя не привыкла жаловаться, а хорошего в памяти почти не было, поэтому она отвечала очень скупо. Галя тоже боялась что-то рассказывать. А вдруг родители не поверят ей и накажут?

Однажды после завтрака Галя убежала в лес и долго там

плакала, спрятавшись за поваленным деревом.

— Кто тебя обидел? — участливо спросила Катя, увидев её заплаканное лицо.

— Никто,— вздохнула Галя. — Просто хочется плакать...

Кате было знакомо такое чувство. Ей тоже порой казалось, что она никому не нужна, что во всём мире до неё никому нет дела. Где-то люди живут хорошо и счастливо, а ей до этого счастья никогда не дотянуться. Тоска, словно клещи, больно сжимала сердце, и тогда сильно хотелось плакать. Однако день за днём проходил без напряжения, без ссор, и тревога в душе постепенно рассеивалась.

Вечерами в доме родителей всегда было весело. Отец нередко затевал какую-нибудь игру, а потом приходила мама и Дуся, и все вместе начинали петь. Пели они красиво, в три голоса. Песни были совсем не такие, какие знали Катя с Галей. От этих песен на душе становилось спокойно и даже радостно. Особенно понравилась девочкам песня «К Тебе несётся песнь моя...».

Родные пели её с таким глубоким чувством, что сердце Кати замирало от ощущения Божьего присутствия. К тому же отец подыгрывал на гитаре, а Катя видела этот инструмент впервые и восхищалась им.

Не Ты ли, Боже, надо мной
Раскинул свод небес?
Не Ты ли Сам живой росой
Полил поля и лес?

Не Ты ли влагу дал лугам
И силу жизни нам?
Кто руку помощи даёт
В часы земных невзгод?

Катя с Галей сразу запомнили эту мелодичную песню и от души пели её вместе с отцом, матерью и Дусей.

Однажды отец прикатил с работы новенький велосипед.

— Это твой? — восторженно спросил Андрей.

— Будет ваш, если хотите! — засмеялся отец и посмотрел

на Галю: — Хочешь покататься?

— Я не умею,— смутилась она.

— Научишься! — весело махнул рукой отец. — Я вот тоже почти не умею.

Он перекинул ногу через раму и тут же чуть не упал, неумело нажав на педаль. Галя с Андреем кинулись ему помогать. Они придерживали велосипед, но отец делал вид, что никак не может удержаться на нём, и падал, создавая возню и смех.

— Теперь вы попробуйте! — предложил он. — Галя, садись!

После Гали пробовал ездить Андрей, потом снова Галя. И так они весело проводили время, привыкая друг к другу.

Когда отец уходил в тайгу на работу, Катя с Галей оставались с матерью, учились вести домашнее хозяйство.

— Какие вы умницы! — не раз хвалила их мама. — Как аккуратно убираете, умеете чистить посуду...

Девочкам непривычно было слышать похвалу. В этой семье всё было непривычно — жили дружно, никто ни с кем не ругался, никто никогда не произносил бранных слов. Теперь ни Катю, ни Галю никто не бил, хотя порой они и заслуживали наказания. Всё это располагало их сердце к родителям, и они начинали понемногу делиться тем, что пережили в детстве.

Слушая их, Мария украдкой смахивала слёзы, а потом шла в свой угол и, встав у кровати на колени, долго молилась.

О, если бы только она знала, что её сестра охладеет в вере и отступит от Бога, то ни за что не отправила бы

к ней своих дочерей! Но теперь они дома, теперь ей надо согреть их любовью и указать им на Того, Кто искупил их от вечной смерти и гибели, Кто даёт надежду на прекрасную будущность и Кто освобождает душу от грехов. О, если бы они полюбили этого Спасителя всем сердцем — они были бы самыми счастливыми на земле!

Катя и Галя стали мало-помалу привыкать к христианской жизни. Вместе с родителями они охотно пели, хотя не всё понимали и не со всем соглашались. Дома у них всегда было уютно и мирно. Несмотря на бедность, родители всем были довольны, много пели и всегда говорили о Боге.

Отец никогда не заставлял девочек молиться или читать Библию.

— Решайте сами, как вам жить,— говорил он. — Весь мир настроен против Бога. Атеисты везде и всюду ведут непримиримую войну с верующими. Но Бог вознаграждает нас спасением и обещает взять к Себе на небо, когда закончится наша земная жизнь. Чтобы попасть к Нему, надо жить так, как Он учит. Об этом подробно написано в Библии. И мы с мамой решили жить только по Библии. А вы уже большие, поэтому думайте и выбирайте, как вам жить. Вы много видели, знаете, как живут люди без Бога, а теперь посмотрите, как живут с Богом. Нам, конечно, очень хочется, чтобы вы не погибли, чтобы вас не терзал дьявол, чтобы вам было хорошо. А хорошо будет только с Богом, потому что только Он даёт покой, мир, радость, надежду...

Цепь неверия порвана!

Время, словно неудержимый поток, всегда бежит только вперёд. Пролетело пять лет ссылки. Не перечесть всех тревог и радостей, которые испытали за эти годы Иван с Марией. Сколько переживаний доставили им дорогие и любимые дети! Всего и не вспомнишь. Только сердце, утомлённое жизненными невзгодами, ничего не забыло, ничего не упустило.

В 1959 году, возмужалый и окрепший в вере, истосковавшийся по общению со святыми, Иван возвращался с семьёй

из ссылки. Они с Марией решили обосноваться в небольшом южном городке, где жила её родная сестра и была дружная община верующих.

Денег Иван с Марией привезли немного, хватило только на участок земли, который продавался на одной улице с родственниками. Своими силами начали строить дом и строили его четырнадцать лет.

Конечно, не обошлось без трудностей. Однако повзрослевшие дети были хорошими помощниками во всём, а вместе — легче справляться с любой нуждой.

Через короткое время община избрала Ивана пресвитером, и он вновь во весь рост встал в проломе за Божье дело. Божья воля и заповеди Господа Иисуса были мерилом жизни и лично для Ивана, и для всей его семьи. Как служитель церкви, он заботился о духовном благосостоянии Божьего народа, учил христиан жить свято, удаляясь от всего мирского и греховного.

Однако недолго довелось трудиться ему среди верующих. В 1961 году Ивана вновь арестовали и присудили к пяти годам ссылки.

Катя закончила школу, но учиться дальше не пошла,— устроилась на работу. Строительство дома сильно затягивалось, нужны были средства, и она решила помогать семье.

И вот снова арест. Снова придётся жить без отца. Катя внимательно наблюдала за всем происходящим и много думала, взвешивала, оценивала.

Мария мужественно переносила очередную трудность. Она по-прежнему много пела, пела об Иисусе, Его подвиге и любви, пела и о своей любви к Господу и искреннем желании идти по Его следам во что бы то ни стало. Прислушиваясь к её пению и нередко подпевая ей, Катя чувствовала, что всё это правда, что любовь к Господу у родителей неподдельная, они живут так, как поют.

К тому времени многие церкви объединились в братство, и верующие стали проявлять заботу друг о друге, особенно об узниках за веру и их семьях. Теперь никто не страдал в одиночку, и это значительно облегчало житейские скорби.

Однажды Катю прямо с работы вызвали к следователю.

Женщина, занимающаяся судебным следствием по делу отца, стала задавать Кате вопросы, которые показались ей странными: разрешал ли отец детям ходить в кино? была ли она октябрёнком и пионеркой? наказывал ли её отец? что они дома едят? где она работает? куда расходует полученные деньги?

Ответить на эти вопросы было нетрудно. Однако следователь всё сводила к тому, что отец Кати тунеядец и жил за счёт пожертвований, выманивая деньги у простодушных верующих. Следователь очень хотела, чтобы Катя поддержала это мнение и подтвердила его. Но девушка до предела была возмущена несправедливостью и бесчестностью следователя.

— Мой отец настоящий христианин! Он не тунеядец! Он честный и добросовестный труженик. Его арестовали на работе — какой он тунеядец? Я не стыжусь его взглядов и буду идти его путём, буду ему подражать! — смело выпалила Катя на одном дыхании.

Высоко подняв брови от удивления, следователь с минуту молчала. Потом она как-то безразлично промолвила:

— Очень зря. Ты, оказывается, такая же фанатичка, как и отец. По тебе, видимо, тоже тюрьма плачет... Можешь пока идти.

Через неделю после этого допроса в центре города на огромном рекламном щите повесили объявление о суде над двумя главарями баптистов. За что их будут судить, Катя даже не читала. Всем своим существом она возмущалась против такой несправедливости. Глотая слёзы, она вновь и вновь повторяла себе, что не хочет и не будет идти путём, которым идёт весь мир. Нет, она пойдёт христианским путём! Она пойдёт по следам отца и по следам Господа Иисуса, даже если за это придётся платить большую цену!

Суд над отцом сделали показательным. Огромный зал Дома культуры был наполнен людьми. Катя сидела среди христиан. Их было очень много — и знакомых, и незнакомых.

Когда подсудимых вели по коридору, Катя с трудом узнала отца — он сильно похудел, оброс бородой. Лишь живые глаза остались неизменными. Его измождённое лицо украшала радостная улыбка, когда он встречался взглядом с хри-

стианами. Рядом с ним шёл ещё один брат, старец Николай Константинович, которого также бессовестно обвиняли в тунеядстве.

Катя напряжённо следила за ходом суда и прислушивалась ко всем обвинениям. Сколько же неправды было в каждом пункте, который зачитывал прокурор! Кате очень хотелось встать и крикнуть: «Прекратите! Всё это ложь! Мы никогда не жили на чужие средства, за счёт чужого труда! Мы до сих пор испытываем вопиющую нужду и в еде, и в одежде! Мы сами строим саманный дом и никогда не использовали чужой труд!»

Многое могла бы сказать Катя в защиту и в оправдание своего отца, но её никто не спрашивал. Говорить здесь имели право лишь прокурор и судьи.

От бессилия, обиды и досады Кате хотелось рыдать. Она склонилась на спинку стоящего впереди стула, обхватила голову руками и расплакалась.

«Как можно так судить?! — вопияла её душа. — Они же совершенно невиновны! А мы... Мы опять останемся одни в недостроенном доме... Нет, никогда, ни за что не пойду в ногу с этими судьями и их соратниками! Я пойду вслед за отцом и за Христом. Обязательно пойду! Это моё окончательное решение».

Сидящая рядом старушка ласково положила Кате на плечо руку и с любовью прошептала в самое ухо:

— Не плачь! Бог не оставит вас одних! Этот путь проложил Сам Христос. Это славный путь. Верь Господу, и Он наполнит твоё сердце небесной радостью. Вот увидишь!

Старушка гладила Катины кудри и вытирала слёзы сострадания, текущие по морщинистым щекам.

Катя глубоко вздохнула и задержала рыдание в груди.

— Хорошо. Я не буду плакать,— прошептала она. — Спасибо вам!

Решение следовать за Господом, принятое в зале суда, Катя сохранит и пронесёт через всю жизнь, как драгоценность.

После суда, согласно приговору, Ивана сразу же отправили в ссылку. Место ссылки не называлось. И Мария, и дети

терялись в догадках, задавая себе и друг другу бесконечные вопросы: куда повезут отца? в каких условиях ему придётся жить? что он будет там делать? будет ли работа ему под силу? можно ли будет поехать к нему?

Наконец пришло долгожданное письмо. Отец писал:

Дорогие мои, приветствую вас именем нашего Господа и Спасителя — Иисуса Христа. Вот мы, кажется, прибыли на место. Похоже, нас хотели завезти подальше, но Бог распорядился иначе.

По Оби везли на барже. Неожиданно погода изменилась, ударили морозы, и наше путешествие оказалось затруднительным. Остановились здесь.

Ссыльных развезли по всей округе. Мы с Николаем Константиновичем остались вместе. В посёлке, куда нас привезли, жителей немного. Всего около тридцати домов. Будем плотничать, что-то строить из дерева.

Я нашёл квартиру у одних старичков. Они татары, давнишние ссыльные, остались здесь жить. Он работает на ферме скотником, а она — телятницей. Домик у них состоит из двух комнат.

За всё благодарю Бога. Его милость ко мне не знает границ. Если бы кто-то из девчат захотел приехать ко мне, я был бы очень рад. Они помогли бы мне в быту. Но это лишь при условии, что они согласны на такой непростой шаг.

Условия здесь суровые, удобства — минимальные, но с Божьей помощью всё возможно преодолеть!

Постоянно молюсь о вас. Не забывайте и вы меня в своих молитвах. Привет Божьему народу. Ваш отец.

Прочитав письмо, Мария сказала детям:

— Как только закончится учебный год, поедем к отцу всей семьёй. А сейчас он просит помощи...

— Я хочу поехать,— живо заявила Дуся.

— И я,— решительно сказала Катя.

Они тут же встали на колени и доверили Господу и свои желания, и предстоящий путь.

В тот же вечер начались нехитрые сборы в дальнюю дорогу.

Перед отъездом Дуси и Кати в церкви объявили прощаль-

ное собрание. Катя решила во что бы то ни стало покаяться. Она хорошо понимала, что ей нужен Спаситель, что она грешница и ей нужно попросить прощения за все свои грехи.

На богослужениях неоднократно говорили, что покаяться можно везде и в любое время. Катя несколько раз пробовала делать это дома, но совесть её почему-то оставалась неспокойной.

И вот прощальный вечер. В сильном волнении проходил час за часом, а Катя никак не могла пересилить страх и помолиться. Неожиданно её озарила мысль: можно ведь покаяться и в Сибири! Там и крещение отец может преподать...

Едва Катя согласилась с этой мыслью, перед её взором, как наяву, предстала печальная картина. На краю огромного белоснежного облака стоит Христос. Когда она решила покаяться в Сибири, Он повернулся к ней спиной и стал удаляться. Катя поняла, что Он ждал её покаяния и теперь, огорчённый, уходит.

«Уходит! — испугалась Катя. — Нет, только не это!»

Она опустилась на колени и от всей души воззвала:

— Прости меня, Господь Иисус! Прости мои грехи и помоги мне следовать за Тобой...

Это была победа, и вся церковь радостно поздравляла Катю с началом новой жизни. А она, прислушиваясь к восторженным поздравлениям, озадаченно думала: «Иисус уходил, а вернулся ли? Простил ли Он меня? Всё ли я сделала так, как надо?»

* * *

Томск встретил Дусю с Катей сорокаградусным морозом. Выйдя из поезда, девушки сразу почувствовали, что приехали на север и для этих мест их одежда непригодна.

В Колпашево полетели на самолёте. Там их встретили две пожилые христианки и приютили в своей избушке до приезда отца. Он отбывал ссылку в пятидесяти километрах на север.

В ожидании отца девушки знакомились с местным бытом. Рубленая изба состояла из двух комнат. В одной стояли две

деревянные кровати, сундук, стол и несколько стульев. А в другой, кроме кухонного стола и лавки возле него, помещались ещё куры, поросёнок и телёнок.

Дусе и Кате казалось, что в этой избе многое можно было бы изменить, улучшить. Почему бы, например, животных не держать в сарае? Не знали девушки, что длинная и суровая зима вынуждает людей делиться теплом и с животными. Иначе не выживут они в холодных строениях.

А когда хозяйки поставили на стол чудесную уху, проблемы отошли куда-то на второй план. Ешь, и всё! Но не тут-то было!

Катя любила рыбу, и уха очень вкусно пахла. Чистая, прозрачная, душистая. Рыба в тарелке лежала очень красивая, блестящая, но... нечищенная! Катя растерянно посмотрела в другие тарелки. У всех одинаково. Рыбу сварили с чешуёй! Как же её есть?!

Краем глаза Катя наблюдала за хозяевами. Как ловко они справились со своей едой! Всё просто и красиво. В тарелках у них осталась только чешуя, внутренности да хребет. У Кати так не получилось. Она похлебала бульон, потом решила достать рыбу и неумело разорвала её так, что и съесть не смогла, потому что бульон стал мутный, а мясо смешалось с чешуёй.

— Не умеешь ты пока ещё есть нашу уху! — весело подметила хозяйка. — Ничего, научишься! — засмеялась она. — У тебя всё впереди!

Через несколько дней приехал на санях отец. Он привёз дочерям тулупы и валенки.

Эта поездка к отцу запомнилась Кате на всю жизнь.

Утром, когда уже полностью рассвело, он запряг лошадь, перенёс вещи в сани и зычно объявил:

— Карета подана! Давайте помолимся, и пора отправляться в путь.

Девушки попрощались с гостеприимными хозяйками и, задыхаясь от крепкого мороза, прыгнули в сани. Отец предусмотрительно устлал их сеном, поэтому сидеть было удобно.

Вначале Дуся и Катя весело общались, отвечали отцу на вопросы, но очень скоро мороз стал перехватывать дыхание

и они замолчали. У лошади из ноздрей валил густой пар и оседал на боках белым инеем.

Дорога дальняя. Ехали полями и лесом. Всё вокруг белым-бело. Когда дорога петляла по лесу, Катя с Дусей любовались величественными елями и соснами, охранявшими дорогу, словно могучие великаны.

Заметив, что дочери стали какие-то невесёлые, Иван остановил лошадь и спрыгнул на дорогу:

— Давайте, девчата, пройдёмся, а то вы замёрзнете совсем!

— Нет, папа, очень холодно, лучше мы будем сидеть! — запротестовала Дуся.

— Нет-нет! — Иван подхватил Катю. — Давай прыгай! Вот так! И ты, Дуся, скорее!

Идти было трудно. Ни Катя, ни Дуся не привыкли ходить в валенках. Ноги не гнулись. А тяжёлый тулуп волочился по снегу и тоже мешал идти.

— Я не могу,— заныла Катя. — Лучше ехать. Мы же быстрее приедем, если будем сидеть в санях...

— Нет, вы замёрзнете и заболеете,— не уступал Иван. — А кто вас лечить будет? Здесь нет больницы...

Заметив, что дочери идут неохотно, Иван прыгнул в сани и погнал лошадь. Девушкам ничего не оставалось делать, как ускорить шаг. Так они быстро согрелись, и отец снова посадил их в сани.

В течение дня Дусе и Кате несколько раз приходилось бежать за санями, и они хорошо усвоили простое правило: движение — это жизнь. Хотя и трудно идти в мороз, зато не замёрзнешь.

Сумерки стали опускаться очень быстро. Стемнело, но густой темноты не было — снег хорошо рассеивал мрак.

Наконец впереди показались огоньки.

— Вот и наша деревня! — весело произнёс Иван.

Подъехали к первой избушке с двумя подслеповатыми окнами. Здесь жил старец Николай Константинович со своей женой.

Иван остановил лошадь.

— Я привёз немного продуктов друзьям. Давайте зайдём, проведаем их!

Старички обрадовались встрече, похвалили Дусю и Катю за мужество, что не оставили отца одного и решили приехать к нему в такую глухомань.

Иван попросил Николая Константиновича помолиться на дорогу и сразу же поехал дальше.

— Ждите нас в гости! — весело крикнул он, помогая дочерям забраться в сани.

Через три километра их путешествие закончилось.

Иван снимал квартиру у немолодой семьи — мужа с женой, которых сослали в эти дикие края ещё в 1937 году. По окончании ссылки им некуда было ехать, и они так и остались в этом посёлке доживать свой век.

Изба, именуемая пятистенкой, состояла из двух комнат. В одной комнате стояла русская печь, занимавшая четвёртую часть помещения, и обеденный стол с двумя широкими скамьями, наглухо прибитыми к полу. Над столом висела десятилинейная керосиновая лампа, а посреди комнаты, под самым потолком — электрическая лампочка. Свет давали по расписанию. За деревней стоял движок, который выдавал электроэнергию только до десяти вечера. Кто хотел освещать свои покои позже, тот должен был зажигать керосиновую лампу.

Дуся и Катя всеми силами старались приспособиться к быту и помогать отцу, а также приютившим их хозяевам. Стирка, приготовление пищи, уборка в доме — всё это оказалось трудолюбивым девушкам по силам, со всем они могли смириться и ко всему приловчиться.

Одно было невыносимо трудно: вши. Буквально через неделю Катя, а за ней и Дуся обнаружили в своих косах этих пренеприятнейших насекомых. Как с ними бороться? Как от них избавиться? Отец уходил утром на работу, а сёстры, помолившись Богу, прежде всего вылавливали друг у друга ненавистных кровососов.

Вши перебирались к квартирантам на вешалке, куда Иван и Катя с Дусей вешали свою одежду. Никаких шкафов здесь не водилось. Около двери в стену было вбито два ряда больших гвоздей. Вот вам и вешалка. Там висело всё, что носили обитатели избы.

* * *

В комнате, где поселился Иван с дочерями, стояло четыре кровати. На одной спал хозяин. Он часто бывал в нетрезвом состоянии, и тогда ночью никому не было покоя. Хозяин то спорил с женой, то его донимала тошнота, то ему хотелось громко петь... Рядом, на другой кровати, располагалась хозяйка. Если её муж спокойно спал, то она, уставшая от дневных работ, быстро засыпала, оглашая избу богатырским храпом.

Напротив хозяйкиной кровати стояла самодельная кровать Дуси и Кати. Дальше, через небольшой проход, примостился узенький топчанчик, на котором коротал ночи Иван.

Отдельное жилище Иван содержать не мог. Нужно было топливо, а его заготавливали летом. До лета же было ещё очень далеко — стоял декабрь. Понимая ситуацию, Дуся с Катей, как и их отец, должны были смиряться и терпеть.

Каждое воскресенье они ходили к Николаю Константиновичу и его жене тёте Вере и там целый день проводили в общении. Будучи старыми христианами, супруги знали много христианских песен и охотно разучивали их с девочками.

Юность Николая Константиновича и тёти Веры прошла в богатой Омской церкви. В то время в общине было много молодёжи. Крещение нередко совершалось по два раза в год. Жизнь в церкви бурлила: играли оркестры, проводились библейские и регентские курсы, работали студенческие кружки, молодёжь ездила по сёлам, благовествуя спасение в Иисусе Христе. Об этом Николай Константинович с жаром рассказывал Дусе и Кате, которые не переставали удивляться столь бурной христианской жизни.

Сегодняшняя жизнь не входила ни в какое сравнение с тем, что было. Та жизнь казалась красивой, даже сказочной. Но это было давно, а сейчас?..

Кругом непроглядная глушь. Да, они приехали к отцу, зная, что нужны ему и он очень доволен их участием. Но мысли, как это часто бывает, переключались на себя, и Катя будто забывала, что сделала этот шаг добровольно, осознанно, ради Господа. Постепенно ею овладела неудовлетворённость, ей стало чего-то не хватать.

Как-то раз, возвращаясь домой от Николая Константиновича, Катя вновь начала жалеть себя. Путь до дома неблизкий — три километра, многое можно успеть обдумать, пока преодолеешь это расстояние.

«Почему я должна проводить свою юность в этой глухомани? — возмущалось всё внутри. — С отцом всё ясно — он служитель Божий и страдает за верность Богу. А мне какая честь от всего этого? Что со мной будет через пять лет?»

Эти невесёлые думы больно ранили душу, лишали покоя и всякой радости. Враг человеческой души старался закрыть двери её сердца перед верой, перед смирением и покорностью Господу.

Шли гуськом. Впереди — отец, за ним — Дуся, а потом — Катя. Ноги вязли в глубоком снегу. Ночь. Мороз. Ветер. Катя еле поспевала за своими родными. Да ей и не хотелось догонять их. Уставшая, она еле плелась, стараясь попадать в их следы.

Катя плакала. Слёзы застывали на щеках ледяными колючками, и она счищала их тыльной стороной рукавицы.

«Что хорошего в такой жизни? — плакало её сердце. — Что интересного? Совсем неинтересно! Ну, побыли у таких же ссыльных, как и сами. Просидели у них с обеда до позднего вечера. Старички, похоже, ободрились, а мне совсем не до веселья. Нет, надо возвращаться домой. Там друзья, там жизнь бьёт ключом...

Отец не против, чтобы мы вернулись. Дуся, правда, полна решимости жить здесь пять лет. Нет уж, я не хочу, не могу с этим смириться! Сегодня же скажу папе, что не хочу здесь жить...»

Слёзы иссякли. Катя почувствовала какую-то пустоту в сердце и услышала ясный голос: «Не хочешь так жить, не живи. Этот путь для вас — от Господа. За верность Богу и неуступчивость миру отец сослан в эти глухие места. Он разделяет участь мучеников за Христа. И делает он это добровольно, за что ему будет награда от Господа. А ты можешь возвратиться в стан гонителей, которые осудили Господа, которые смеются над истиной и пьют грех, как воду. В том строю есть место. То широкий путь, он ведёт

прямо в гибель. Над головой верных — венец. Ты его не видишь, но есть тот, кто видит и хочет похитить его. За Мной идут только добровольцы, желающие жить благочестиво, желающие быть Моими подданными. Выбирай, что тебе по душе».

Катя встрепенулась: «Изменить Господу? Оставить Его и уйти в стан безбожников? Никогда! Нет и нет! Господи, прости меня за слёзы, за неразумные желания. Я не хочу уходить от Тебя! Без Тебя нет ничего надёжного, светлого, разумного. Укрепи мой неровный шаг за Тобой...»

Вдали виднелись покачивающиеся силуэты отца и Дуси. Катя пошла бодрее. Догнав родных, она услышала их тихое пение:

Сион! Радость моя!
Дух мой парит к тебе,
Ангелы ждут меня
В радостной той стране.
Гимн славы воспоём
Перед престолом благ,
Славить Бога мы вечно будем
На небесах!

* * *

Когда Иван понял, что вывести вшей невозможно, он стал искать другое жильё. К счастью, получилось найти пустую избу неподалёку от Николая Константиновича.

Изба состояла из одной комнаты. Посередине стояла большая печь. Два совсем маленьких окошка смотрели во двор и на дорогу. До потолка можно было достать руками, если хорошо потянуться. Однако Дуся и Катя безмерно радовались тому, что здесь они будут хозяевами. Здесь можно создать свой семейный уют, можно сколько угодно петь и молиться — никто и ничто не помешает!

В четыре руки девушки вымыли и выскребли пол и стены, вычистили старенький стол и скамью. Отец смастерил деревянные кровати и табуретки, а также полки для одежды и посуды. В доме сразу стало уютно.

Зима заканчивалась, приближалось долгожданное лето.

В отличие от первой ссылки, сюда приходило много писем и посылок. Как-то раз, незадолго до Пасхи, возле дома остановилась подвода, и кучер крикнул:

— Хозяйки! Забирайте почту!

Дуся с Катей не поверили своим глазам: пришла не одна и не две посылки, а целая подвода! Так много! Христиане с разных мест старались хоть чуточку восполнить нужды ссыльных, и это искреннее участие, эту неподдельную любовь нельзя было не увидеть и не оценить!

Время не стояло на месте. Прошла зима со своими морозами, затем весна с неизменными сюрпризами. В начале лета Иван привёз из Колпашево Марию с Галей, Андрюшей и Верочкой. Изба загудела, словно улей. Поместиться в ней было просто невозможно.

Иван предвидел это и заранее позаботился о новом доме. Он работал бригадиром плотников, которые строили колхозные дома. В правлении Ивану разрешили за своевременную сборку шести домов один взять для своей семьи. Так к приезду матери с детьми семья получила подарок — новый рубленый дом!

Семья вновь была в сборе. Оторванные от церковной жизни, от общения с верующими, страдальцы за веру всё же не были оторваны от своего Спасителя, не были разлучены с Богом. Поэтому в их доме каждый вечер можно было услышать мелодичное пение, прославляющее Бога и утешающее душу во всякой скорби.

Эпилог

Прошли годы. Далеко за девяносто было и Ивану, и Марии, когда закончился их тернистый путь. Сион — радость и надежда всех святых — распахнул перед ними свои врата и принял как законных граждан, избравших путь верности и послушания Богу. Этот путь не был для них лёгким, и всё же радости и счастья в своей жизни они не были лишены.

После пятилетней ссылки Иван с Марией ещё не раз поменяли место жительства, повинуясь Божьему водительству.

На первом месте в их семье по-прежнему оставалась Божья воля, нужды Божьего народа и служение святым.

День спасения настал и в жизни Михаила с Ниной. Она покаялась первая и несколько лет молилась о своём муже, пока он, наконец, смирился перед Всевышним.

Михаил был уже на одре болезни, когда его неожиданно посетила Катя. Радуясь и в то же время сильно волнуясь, он дрожащей рукой взял её за руку и сказал:

— Я как только заболел, так сразу стал хлопотать о спасении. Как же мне с Богом встречаться? Грехов-то у меня много. Ох, как их было много! И Господь мне всё простил! Прости и ты, доченька, прости меня, негодного, за всё...

Катя плакала, видя, как сокрушается человек, всю жизнь отвергавший Бога.

Милосердный Господь! Сколько у Него любви к людям! Сколько терпения! Он дождался и этого окаянного грешника...

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!»

Ошиблась ли Мария, уступив сестре и доверив ей своих дочерей? Ах, если бы она знала, что сестра отступит от Бога, что она не полюбит девочек, как родных детей, она ни за что не согласилась бы отдать их. И всё же она доверилась Богу, что Он позаботится о её детях. Она день и ночь умоляла Его наблюдать за ними, верой положив их у самых алтарей Божьих.

В раннем детстве Катя и Галя оказались в нелёгких условиях. Уехав от матери, они больше не слышали христианских песен, им никто не рассказывал о живом Боге. Кажется, они были очень и очень далеки от Божьего алтаря. Но Господь никогда не оставляет постыженными надеющихся на Него, и Мария увидела это воочию. Её дочери с юности и до седины служили великому Богу.

Богатый опыт терпения и выносливости, приобретённый в неласковом доме, очень даже пригодился девочкам на жизненном пути. Галя всю свою жизнь трудилась в церкви. Катя тоже пошла за Господом, пошла по следам отца и не один год провела в заключении, подтверждая свою преданность любимому Спасителю.

Сколько же их было и сколько есть людей, всем сердцем надеющихся на Бога! Как блаженны они в своём уповании! Ни одна слеза их не была пролита напрасно. У Бога отмечены все страдания Его детей, Он собирает в особые сосуды слёзы Своих страдальцев.

Вера отцов — пример для нас. Мы призваны подражать их вере. В строю верных и святых, в строю странников и пришельцев есть место и для нас. Дойти бы, не уклониться от этого узкого пути, чтобы услышать похвалу и одобрение Самого Господа!

Содержание

В надёжных руках *(З. Шрейдер)* 5
Бог, видящий меня *(Ю. Мартенс)* 57
Страдания за Евангелие *(Л. Н. Новикова)* 114
Граждане неба *(Н. Ванина)* 155